

Льюис Кэрролл
Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в
Зазеркалье (Пер. Н.М. Демуровой)

Льюис Кэрролл

Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье
(Пер. Н.М. Демуровой)

- Перевод Н. М. Демуровой
 - Стихи в переводах С. Я. Маршака, Д. Г. Орловской и О. И. Седаковой
 - Комментарий Мартина Гарднера
 - Иллюстрации Джона Тенниела
- Lewis Carroll. Through the looking-glass and what Alice found there

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Вот уже свыше четверти века я прилагаю все усилия к тому, чтобы мои книги выходили напечатанными наилучшим образом, насколько это возможно в рамках избранных цен. Я глубоко огорчен тем, что последний завод «Зазеркалья» – шестидесятая тысяча – был пущен в продажу, ибо никто не заметил, что большая часть иллюстраций напечатана весьма неудачно, в результате чего книга не стоит тех денег, которые за нее платят. Я прошу всех, кто купил экземпляры из шестидесятой тысячи, вернуть их господам Макмиллану и Ко, Бедфорд Стрит 29, Ковент Гарден, указав при этом свое имя и адрес; взамен им будут высланы экземпляры из следующего завода.

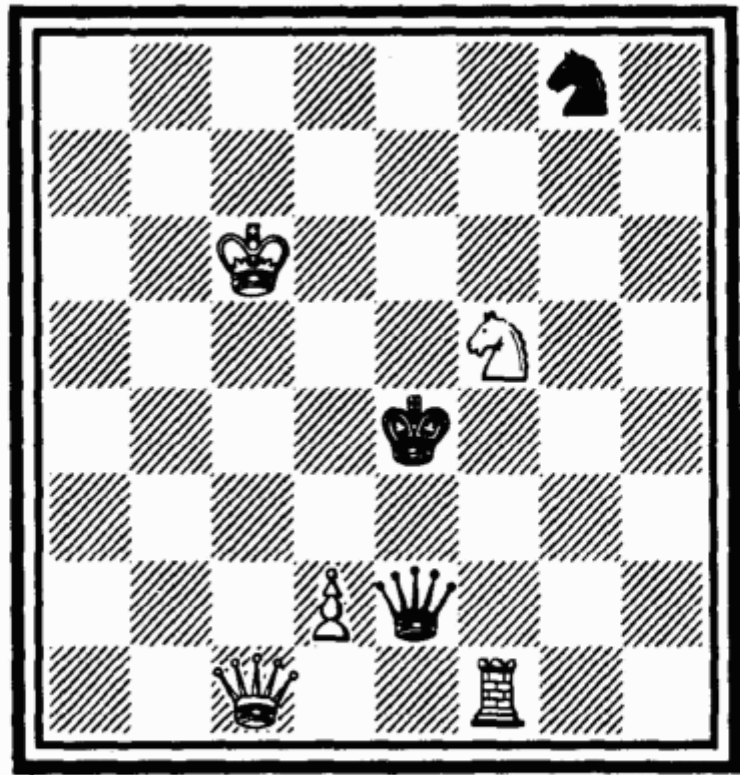
Я намереваюсь не уничтожать непроданные экземпляры, а пожертвовать их в рабочие институты 1, сельские читальни и прочие заведения того же рода, не имеющие достаточных средств для покупки подобных книг. В этой связи прошу направлять на мое имя по адресу господ Макмиллан просьбы о присылке этих книг. Письма должны быть заверены каким-либо ответственным лицом и содержать сведения о том, в какой мере данному центру удастся покупать книги на собственные средства и каково среднее количество его читателей.

Пользуюсь случаем объявить, что, если в будущем я захочу сообщить что-либо своим читателям, я буду прибегать к рекламной полосе «Напасти» 2 – ежедневных газет *в первый вторник месяца* .

Льюис Кэрролл

Рождество, 1893 г.

ЧЕРНЫЕ

БЕЛЫЕ

Белая Пешка (Алиса) начинает и становится Королевой в одиннадцатом

1. Алиса встречает черную королеву
1. Черная королева уходит на h5
2. Алиса через d3 (железная дорога) идет на d4 (Траляля и Труляля)
2. Белая Королева идет на c4 (ловит шаль)
3. Алиса встречает Белую Королеву (с шалью)
3. Белая Королева идет на c5 (становится Овцой)
4. Алиса идет на d5 (лавка, река, лавка)
4. Белая Королева уходит на f8 (оставляет на полке яйцо)
5. Алиса идет на d6 (Шалтай-Болтай)
5. Белая Королева идет на c8 (спасаясь от Черного Коня)
6. Алиса идет на d7 (лес)
6. Черный Конь идет на e7
7. Белый Конь берет Черного Коня
7. Белый Конь идет на f5
8. Алиса идет на d8 (коронация)
8. Черная Королева идет на e8 («экзамен»)
9. Алиса становится Королевой
9. Королевы «рокируются»
10. Алиса «рокируется» (пир)

10. Белая Королева идет на аб (суп)

11. Алиса берет Черную Королеву и выигрывает партию

DRAMATIS PERSONAE 3 (РАССТАНОВКА ПЕРЕД НАЧАЛОМ ИГРЫ)

Белые

Фигуры: Труляля, Единорог, Овца, Белая Королева, Белый Король, Старичок, Белый Рыцарь, Траляля.

Пешки: Маргаритка, ЗайАтс, Устрица, Крошка Лили, Лань, Устрица, Болванс Чик, Маргаритка.

Черные

Фигуры: Шалтай-Болтай, Плотник, Морж, Черная Королева, Черный Король, Ворон, Черный Рыцарь, Лев.

Пешки: Маргаритка, Чужестранец, Устрица, Тигровая Лилия, Роза, Устрица, Лягушонок, Маргаритка.

Дитя с безоблачным челом 4
И удивленным взглядом,
Пусть изменилось все кругом
И мы с тобой не рядом,
Пусть годы разлучили нас,
Прими в подарок мой рассказ.

Тебя я увижу лишь во сне,
Не слышен смех твой милый,
Ты выросла, и обо мне,
Наверное, забыла 5.
С меня довольно, что сейчас
Ты выслушаешь мой рассказ.

Он начат много лет назад
Июльским утром ранним,
Скользила наша лодка в лад
С моим повествованьем.
Я помню этот синий путь,
Хоть годы говорят: забудь!

Мой милый друг, промчатся дни,
Раздастся голос грозный.
И он велит тебе: «Усни!»
И спорить будет поздно.
Мы так похожи на ребят,
Что спать ложиться не хотят.

Вокруг – мороз, слепящий снег

И пусто, как в пустыне,
У нас же – радость, детский смех,
Горит огонь в камине.
Спасает сказка от невзгод –
Пускай тебя она спасет.

Хоть легкая витает грусть
В моей волшебной сказке,
Хоть лето кончилось, но пусть
Его не блекнут краски б,
Дыханью зла и в этот раз
Не опечалить мой рассказ 7.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Так как шахматная задача, приведенная на предыдущей странице, поставила в тупик некоторых читателей, мне следует, очевидно, объяснить, что она составлена в соответствии с правилами – насколько это касается самих *ходов*.

Правда, *очередность* черных и белых не всегда соблюдается с надлежащей строгостью, а «рокировка» трех Королев просто означает, что все три попадают во дворец; однако всякий, кто возьмет на себя труд расставить фигуры и проделать указанные ходы, убедится, что «шах» Белому Королю на 6-ом ходу, потеря черными Коня на 7-ом и финальный «мат» Черному Королю не противоречат законам игры 8.

Новые слова в стихотворении «Бармаглот» (см. с. 126-127) вызвали известные разногласия относительно их произношения; мне следует, очевидно, дать разъяснения и по *этому* пункту. «Хливкие» следует произносить с ударением на первом слоге; «хрюкотали» – на третьем; а «зелюки» – на последнем 9.

Для шестьдесят первой тысячи этого издания с деревянных форм были сделаны новые клише (так как их не использовали непосредственно для печати, они находятся в таком же отличном состоянии, как и в 1871 г., когда их изготовили); вся книга была набрана новым шрифтом. Если в художественном отношении это переиздание в чем-либо будет уступать своим предшественникам, это произойдет не по вине автора, издателя или типографии.

Пользуюсь случаем уведомить публику, что «Алиса для детей», стоявшая до сего дня 4 шиллинга без обложки, продается сейчас на тех же условиях, что и обычные шиллинговые книжки с картинками, хоть я и уверен, что она превосходит их во всех отношениях (за исключением самого *текста*, о котором я не вправе судить). 4 шиллинга – это была цена вполне разумная, если учесть, какие серьезные расходы повлекла для меня эта книга; впрочем, раз Читатели говорят: «За книжку с картинками, как бы хороша она ни была, мы *не* желаем платить больше четырех шиллингов», – я согласен списать в убыток свои расходы по ее изданию, и, чтобы не оставить малышей, для которых она была написана, вовсе без нее, я продаю ее по такой цене, что для меня равносильно тому, как если б я раздавал ее даром.

Рождество 1896 г.

Глава I ЗАЗЕРКАЛЬНЫЙ ДОМ

Одно было совершенно ясно: *белый* котенок тут ни при чем; во всем виноват черный и никто другой. Вот уже полчаса, как мама-кошка мыла Снежинке мордочку (а та стойко сносила эту муку) – так что при всем желании Снежинка ничего не *могла* сделать.

А знаешь, как Дина умывала своих котят? Одной лапой она хватала бедняжку за ухо и прижимала к полу, а другой терла ей всю мордочку, начиная с носа, против шерсти. Как я уже сказал, в это время она трудилась над Снежинкой, а та лежала смиренно, не

сопротивлялась, да еще пыталась мурлыкать – видно, понимала, что все это делается для ее же блага.

С черненькой Китти Дина покончила раньше, и теперь, пока Алиса сидела, свернувшись калачиком на уголке просторного кресла, что-то бормоча про себя в полудреме, Китти от души забавлялась, играя с клубком шерсти, которую Алиса мотала поутру; она весело гоняла его по полу и, конечно, размотала и запутала вконец. Нитки валялись теперь на коврикe перед камином, до того спутанные, что на них страшно было смотреть, а Китти прыгала по ним, пытаясь поймать собственный хвост.

– Ах, Китти, до чего же ты противная! – сказала Алиса, поймав ее и легонько целуя в мордочку, для того, видно, чтобы она получше поняла, что хозяйка на нее сердится. – Неужели Дина тебе не объясняла, как себя нужно вести?

Она взглянула с укоризной на Дину и как можно строже добавила:

– *Нехорошо*, Дина, *нехорошо*.

А потом она опять забралась в кресло, прихватив с собой шерсть и котенка, и снова принялась за клубок. Но дело у Алисы шло медленно, потому что она все время отвлекалась – то беседовала с Китти, а то бормотала что-то себе под нос. Китти смирно сидела у нее на коленях, притворяясь, что внимательно следит за тем, как Алиса мотает шерсть; время от времени она протягивала лапку и тихонько трогала клубок, словно желая сказать, что с удовольствием помогла бы, если б умела.

– А знаешь, что будет завтра? – говорила Алиса. – Ты бы и сама догадалась, если б сидела со мной утром на окошке. Только ты была занята – Дина тебя умывала. А я смотрела, как мальчишки собирают щепки на костер. Для костра надо много щепок, Китти. Было ужасно холодно, а тут еще снег пошел – пришлось им разойтись по домам! Но не горюй, Китти! Завтра мы пойдем смотреть на костер! 10

Тут Алиса намотала немножко шерсти Китти на шею – просто так, чтобы посмотреть, пойдет ли ей это; Китти стала вырываться – клубок скатился на пол и опять размотался.

– Знаешь, – продолжала Алиса, когда они снова устроились в кресле, – я так на тебя рассердилась, Китти, когда увидела, что ты наделала. Я чуть было не открыла окошко и не посадила тебя на снег! Ты это заслужила, шалунья! Что ты можешь сказать в свое оправдание? А теперь слушай и не прерывай меня! (Тут она погрозила Китти пальцем.) Я тебе все скажу! Во-первых, ты пищала, когда тебя мыли сегодня утром. Да, возражать тебе нечего, я слышала своими собственными ушами! Что ты там говоришь? (Алиса замолчала, сделав вид, что слушает Китти.) Она попала тебе лапой в глаз? Сама виновата, незачем тебе было открывать глаза! Если б ты зажмурилась покрепче, этого бы не случилось! Не оправдывайся, пожалуйста! Лучше послушай! Во-вторых, ты оттащила Снежинку 12 за хвост от блюдечка, когда я налила ей молока. Ах, вот как, тебе пить захотелось? А про нее ты не

подумала? И, в-третьих, стоило мне отвернуться, как ты тут же размотала всю шерсть. Целых три проступка, Китти, а ты еще ни за один не поплатилась! Ну, подожди, накажу я тебя за все сразу – через неделю!

А что было бы, если бы *меня* тоже стали наказывать за все разом? (Она размышляла вслух, обращаясь скорее к самой себе, чем к Китти.) Что бы тогда было в *конце года*! Сидеть бы мне в тюрьме, не иначе! А если б меня оставляли без обеда за каждый проступок? Тогда бы в один прекрасный день я осталась бы сразу без ста обедов! Ну, *это* еще не так страшно! Хуже, если б нужно было съесть все сто обедов разом!

– Слышишь, как снег шуршит о стекла, Китти? Какой он пушистый и мягкий! Как он ласкается к окнам! Снег, верно, *любит* поля и деревья, раз он так нежен с ними! Он укрывает их белой периной, чтобы им было тепло и уютно, и говорит: «Спите, дорогие, спите, пока не наступит лето». А восстав от зимнего сна, Китти, они наденут зеленый наряд и пустятся в пляс на ветру. Ах, как это красиво! – Тут Алиса захлопала в ладоши и опять уронила клубок. – Хорошо бы все это и *вправду* так было! Ведь осенью лес и в самом деле такой сонный. Листья деревьев желтеют – и он погружается в сон.

– Послушай, Китти, а в шахматы играть ты умеешь? Не смейся, милая, я тебя серьезно спрашиваю. Когда мы сегодня играли, ты так смотрела на доску, как будто понимала все ходы: а когда я сказала «Шах!», ты замурлыкала! Ах, Китти, какой это был *хороший* ход! И я бы, конечно, выиграла, если б не этот противный конь! Как это он подобрался к моим фигурам! Китти, милая, давай играть, как будто мы...

Я даже сказать тебе не могу, – как часто Алиса повторяла эту фразу! Не далее как вчера у нее вышел долгий спор с сестрой; Алиса ей сказала: «Давай играть, как будто мы – короли и королевы», – а сестра, которая во всем любит точность, заявила, что это невозможно, потому что их только двое. В конце концов Алисе пришлось уступить. «Ну хорошо, – сказала она, – ты будешь одним королем-и-королевой, а я всеми остальными королями и королевами сразу!» А однажды она до смерти напугала свою старую няньку, крикнув ей прямо в ухо: «Няня, давай играть, как будто я голодная гиена, а ты – кость!»

Но мы отвлеклись. Итак, Алиса сказала Китти:

– Китти, миленькая, давай играть, как будто ты Черная Королева! Знаешь, если ты сядешь на задние лапки, а передние прижмешь к груди, то будешь совсем как Черная Королева. Ну-ка, попробуй, душечка!

И Алиса сняла со стола Черную Королеву и поставила ее перед Китти, чтобы та видела, кому подражать. Но из этой затеи ничего не вышло – в основном потому, что, если верить Алисе, Китти ни за что не желала поднять как следует лапки. Тогда в наказание Алиса поднесла ее к Зеркалу над камином – пусть видит, какой у нее хмурый вид.

– Если ты сию же минуту не справишься, я тебя посажу туда, в Зазеркальный дом. Ну, что ты на *это* скажешь?

– Знаешь, Китти, если ты помолчишь хоть минутку, – продолжала Алиса, – и послушаешь меня, я тебе расскажу все, что знаю про Зазеркальный дом. Во-первых, там есть вот эта комната, которая начинается прямо за стеклом. Она совсем такая же, как наша гостиная, Китти, только все там наоборот! 14 Когда я залезаю на стул и смотрю в Зеркало, она видна мне вся, кроме камина. Ах, как бы мне хотелось его увидеть! Мне так интересно узнать, топят они зимой камин или нет. Но в это Зеркало как ни гляди, камина не увидишь, разве что наш камин задымит – тогда и там появится дымок. Только это, верно, они нарочно – чтобы мы подумали, будто и у них в камине огонь. А книжки там очень похожи на наши – только слова написаны задом наперед. Я это точно знаю, потому что однажды я показала им нашу книжку, а они показали мне свою!

– Ну, как, Китти, хочешь жить в Зеркальном доме? Интересно, дадут тебе там молока? Впрочем, не знаю, можно ли пить зазеркальное молоко? Не повредит ли оно тебе, Китти...

17 А дальше идет коридор. Если распахнуть дверь в нашей гостиной пошире, можно увидеть *кусочек* коридора в том доме, он совсем такой же, как у нас. Но, кто знает, вдруг там, где его не видно, он совсем другой? Ах, Китти, как бы мне хотелось попасть в Зазеркалье! Там,

должно быть, столько всяких чудес! Давай играть, будто мы туда можем пройти! Вдруг стекло станет тонким, как паутинка, и мы шагнем сквозь него! Посмотри-ка, оно, и правда, тает, как туман. Пройти сквозь него теперь совсем не трудно...

Тут Алиса оказалась на каминной полке, хоть и сама не заметила, как она туда попала. А зеркало, и точно, стало *таять*, словно серебристый туман поутру.

Через миг Алиса прошла сквозь зеркало и легко спрыгнула в Зазеркалье.

Прежде всего она заглянула в камин и очень обрадовалась, увидев, что в нем жарко пылают дрова; огонь был настоящий, совсем такой же, как дома!

– Значит, здесь мне будет так же тепло, как и там, – подумала Алиса. – И даже, наверно, теплее! Здесь никто не станет меня гнать от камина. А вот будет смешно, когда наши увидят меня здесь – им ведь меня не достать!

Она осмотрелась и тут же заметила, что комната на деле совсем не такая обыкновенная и скучная, какой казалась из-за Зеркала. Портреты на стене возле камина были живые и о чем-то шептались, а круглые часы, стоявшие на каминной полке (раньше Алиса видела их только сзади), улыбнулись ей.

– Здесь, право, не такой порядок, как у нас, – подумала Алиса, заметив в каминной золе несколько шахматных фигур; вдруг она охнула и присела на корточки: фигуры важно разгуливали по коврику парами!

– Вон Черный Король и Черная Королева, – сказала Алиса (шепотом, чтобы не спугнуть их). – А вон Белый Король и Белая Королева – уселись на краешке совка и болтают ногами. А вон две Туры взялись под ручки и шепчутся о чем-то. По-моему, они меня не слышат...

Алиса наклонилась к камину.

– Они меня, верно, и не видят. Похоже, что я стала вдруг невидимкой...

Тут на столе у нее за спиной что-то покатилося и запищало; Алиса обернулась и увидала, что это упала Белая Пешка. Она лежала на спине и изо всех сил брыкалась, сиюсь подняться на ноги. Алиса с любопытством ждала, что будет дальше.

– Это моя малютка! – закричала Белая Королева и бросилась к Пешке, оттолкнув Короля с такой силой, что он упал прямо в золу. – Лили, кисочка! Котенок ты мой ненаглядный! Детка моя королевская!

И она стала карабкаться вверх по каминной решетке.

– Королевские бредни! – пробормотал Король, потирая ушибленный при падении нос.

Немудрено, что он *немного* рассердился на Королеву, – ведь он с головы до пят выпачкался в золе.

Алиса решила прийти им на помощь, и, так как крошка Лили вопила во весь голос, она нагнулась, схватила Королеву и быстро поставила ее на стол, рядом с громко плачущей дочкой.

Королева судорожно вздохнула и села: у нее захватило дух от такого головокружительного взлета; с минуту она лишь молча сжимала свою дочку в объятиях. Немножко отдышавшись, она крикнула Королю, угрюмо сидевшему в золе:

– Берегись вулкана!

– Какого вулкана? – спросил Король и с тревогой взглянул в камин, видно, полагая, что это для вулкана самое подходящее место.

– Который... швырнул... меня наверх! – проговорила с расстановкой Королева, которая все никак не могла отдышаться. – Подымайся наверх обычным путем! А то взлетишь на воздух!

Алиса долго смотрела, как Король с трудом лезет вверх по каминной решетке, осторожно перебираясь с перекладины на перекладинку, наконец, не выдержала и сказала:

– Так ты пролазишь весь день! Дай-ка я тебе помогу, хорошо?

Но Король в ответ промолчал: он, конечно, ее просто не слышал и не видел.

Алиса осторожно взяла его в руку и подняла – медленно-медленно, чтобы у него не перехватило дыхание, как у Королевы. Но, прежде чем поставить на стол, она решила слегка его почистить: он был весь в пепле.

Алиса потом рассказывала, что в жизни не видела такой мины, какую скорчил Король, почувствовав, что невидимая рука остановилась на полпути в воздухе и кто-то начал сдувать с него пепел: он так удивился, что не мог даже закричать; глаза и рот у него округлились и открывались все шире, хоть дальше, казалось, уж было некуда. Алиса так расхохоталась, что рука у нее затряслась от смеха, и она чуть не выронила бедного короля.

– *Прошу тебя*, милый, не строй таких рож! – вскричала Алиса, совсем забыв, что Король ее не слышит. – Ты так меня рассмешил, что я тебя чуть не уронила! Закрой же рот! А не то наглотаешься пеплу! Ну вот, теперь ты, по-моему, чистый!

Она пригладила ему волосы и поставила его на стол рядом с Королевой.

Король тотчас же повалился навзничь и замер, так что Алиса забеспокоилась и пошла поискать воды, чтобы привести его в чувство. Однако, как она ни искала, воды нигде не было; ей попался только пузырек чернил, но, когда она вернулась с ним к столу, оказалось, что Король уже пришел в себя и испуганно шепчется о чем-то с Королевой – так тихо, что Алиса с трудом разобрала слова.

– Уверяю тебя, милочка, – шептал Король, – я так испугался, что похолодел до самых кончиков бакенбард.

– Но у тебя нет бакенбард! – возразила Королева.

– Этой ужасной минуты я не забуду *никогда* в жизни! – сказал Король.

– Забудешь, – заметила Королева, – если не запишешь в записную книжку.

Алиса с любопытством смотрела, как Король вытащил из кармана огромную записную книжку и начал что-то писать в ней. Тут Алисе пришла в голову неожиданная мысль – она ухватила за кончик огромного карандаша, который торчал у Короля за плечом, и начала писать сама.

Бедный Король совсем растерялся; с минуту он молча боролся с карандашом, но, как ни бился, карандаш писал свое, так что, наконец, Король произнес, задыхаясь:

– Знаешь, милочка, мне надо достать карандаш *потоньше*. Этот вырывается у меня из

пальцев – пишет всякую чепуху, какой у меня и в мыслях не было.

– Какую чепуху? – спросила Королева, заглядывая в книжку.

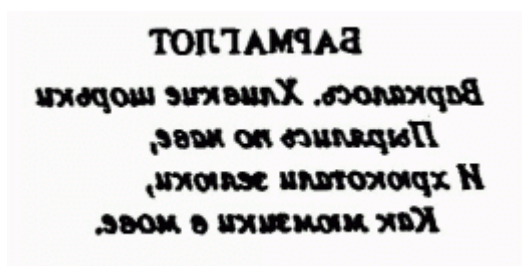
(Алиса меж тем написала: «Белый Конь едет вниз по кочерге. Того и гляди упадет» .) 20

– Но ты же совсем не то хотел записать! – вскричала Королева.

На столе лежала какая-то книга; Алиса взяла ее и стала листать, поглядывая время от времени на Белого Короля. (Она все еще волновалась за него и держала чернила наготове – на случай, если ему снова станет плохо.) Она надеялась, что сумеет прочитать в книге хоть одну страничку, но все было написано на каком-то непонятном языке.

Вот как это выглядело 21.

Алиса ломала себе голову над этими строчками, как вдруг ее осенило:

– Ну конечно, – воскликнула она, – это же Зазеркальная Книга! Если я поднесу ее к Зеркалу, я смогу ее прочитать.

Так она и сделала. И вот что она прочитала:

БАРМАГЛОТ

Варкалось. Хливкие шорьки

*Пырялись по наве,
И хрюкотали зелюки.
Как мюмзики в мове 22.*

*О бойся Бармаглота, сын! 28
Он так свирлеп и дик,
А в глуще рымит исполин –
Злопастный Брандашмыг! 29*

*Но взял он меч, и взял он щит,
Высоких полон дум.
В глущобу путь его лежит
Под дерево Тумтум.*

*Он стал под дерево и ждет,
И вдруг граахнул гром –
Летит ужасный Бармаглот
И пылкает огнем!*

*Раз-два, раз-два! Горит трава,
Взы-взы – стриждает меч,
Ува! Ува! И голова
Барабардает с плеч!*

*О светозарный мальчик мой!
Ты победил в бою!
О храброславленный герой,
Хвалу тебе пою!*

*Варкалось 30. Хливкие шорьки
Пырялись по наве.
И хрюкотали зелюки.
Как мюмзики в мове.*

– Очень милые стишки, – сказала Алиса задумчиво, – но понять их *не так-то* легко. (Знаешь, ей даже самой себе не хотелось признаться, что она ничего не поняла.)

– Наводят на всякие мысли – хоть я и не знаю, на какие... Одно ясно: *кто-то кого-то* здесь убил... А, впрочем, может и нет...

Тут она опомнилась и вскочила на ноги.

– Что это я сижу? – подумала она. – Мне надо торопиться, а то не успею осмотреть все, что здесь есть! Начнем с сада!

С этими словами Алиса бросилась из комнаты и побежала вниз по лестнице... собственно, не побежала, а... как бы это объяснить? Это новый способ легко и свободно спускаться по лестнице, подумала Алиса: она только положила руку на перила – и тихонько поплыла вниз по ступенькам, даже не задевая их ногами; так она пронеслась через прихожую и вылетела бы прямо в дверь, если б не ухватила за косяк. От полета у нее закружилась голова, и она рада была снова ступить на землю.

Глава II САД, ГДЕ ЦВЕТЫ ГОВОРИЛИ

– Если я поднимусь на тот холмик, я увижу сразу весь сад, – подумала Алиса. – А вот и тропинка, она ведет прямо наверх... Нет, *совсем не прямо* ...

(Она сделала всего несколько шагов, но ей уже стало ясно, что тропинка все время петляет.)

– Надеюсь, – сказала про себя Алиса, – она приведет меня все же наверх! Как она кружит! Прямо штопор, а не тропинка! Поворот – сейчас будем *наверху!* Ах, нет, опять она повернула вниз! Так я снова попаду прямо к дому! Пойду-ка я назад! 31

И она повернула назад. Но, куда бы она ни шла, где бы ни сворачивала, всякий раз, хоть убей, она выходила снова к дому. А раз, сделав крутой поворот, она уперлась носом прямо в стену.

– Нечего меня уговаривать, – сказала Алиса, обращаясь к дому, словно он с нею спорил. – Мне еще *рано* возвращаться! Я знаю, что в конце концов мне придется снова уйти домой через Зеркало, и тогда все мои приключения кончатся!

Тут она решительно повернулась к дому спиной и снова пошла по тропинке, дав себе слово никуда не сворачивать, пока не доберется до холма. Сначала все было хорошо, и она уже было подумала, что на этот раз ей *удастся* все же подняться наверх, как вдруг тропинка изогнулась, вздыбилась (именно так рассказывала потом об этом Алиса) – и в тот же миг Алиса оказалась прямо на пороге дома.

– Опять этот дом! Как он мне надоел! – вскричала Алиса. – Так и лезет под ноги!

А холм был совсем рядом – ну прямо рукой подать. Делать нечего, Алиса вздохнула и снова отправилась в путь. Не прошла она и нескольких шагов, как набрела на большую клумбу с цветами – по краям росли маргаритки, а в середине высился дуб.

– Ах, Лилия, – сказала Алиса, глядя на Тигровую Лилию 32, легонько покачивающуюся на ветру. – Как *жалко*, что вы не умеете говорить!

– Говорить-то мы умеем, – ответила Лилия. – Было бы с кем!

Алиса так удивилась, что в ответ не могла вымолвить ни слова: у нее прямо дух захватило от изумления. Но, наконец, видя, что Лилия спокойно качается на ветру, Алиса опомнилась и робко прошептала:

– Неужели здесь *все* цветы говорят?

– Не хуже *тебя*, – отвечала Лилия, – только гораздо громче.

– Просто мы считаем, что нехорошо заговаривать первыми, – вмешалась Роза. – А я как раз стою себе и думаю: догадаешься ты с нами заговорить или нет? «У этой, по крайней мере, лицо *не вовсе* бессмысленное, – говорю я про себя. – Правда, умом оно не блещет, но что подделаешь! Зато цвет у нее какой надо, а это уже кое-что!»

– Меня цвет не беспокоит, – заметила Лилия. – Вот если бы лепестки у нее побольше завивались, тогда она была бы очень мила.

Алисе было неприятно слышать все эти критические замечания, и она поспешила спросить:

– А вам никогда не бывает страшно? Вы здесь совсем одни, и никто вас не охраняет...

– Как это «одни»? – сказала Роза. – А дуб на что?

– Но разве он может что-нибудь сделать? – удивилась Алиса.

– Он хоть кого может отдубасить, – сказала Роза. – Что-что, а дубасить он умеет!
– Потому-то он и называется дуб, – вскричала Маргаритка.
– А ты *этого* и не знала? – подхватила ее подруга, и тут все они так завопили, что воздух зазвенел от их пронзительных голосов.
– А ну, замолчите! – крикнула Тигровая Лилия, яростно раскачиваясь и вся дрожа от негодования.
– Знают, что мне до них не добраться! – проговорила она, задыхаясь, повернув свою дрожащую от гнева головку к Алисе. – Распустились, негодницы!
– Не волнуйтесь! – сказала Алиса и, наклонясь к маргариткам, шепнула:
– Если вы сейчас же не замолчите, я всех вас сорву!
Тотчас же воцарилась тишина, а несколько розовых маргариток побелели как полотно.
– Правильно! – сказала Лилия. – Маргаритки из всех цветов самые несносные. Стоит одной из них распуститься, как все тут же распускаются за ней следом! Такой поднимают крик! Послушать их, так прямо завянешь.
– А как это вы все научились так хорошо говорить? – спросила Алиса, надеясь немного смягчить ее похвалой. – Я во многих садах бывала, во никогда не слышала, чтобы цветы говорили!
– Опусть руку, – сказала Лилия, – и пощупай клумбу. Тогда тебе все станет ясно.
Алиса присела и потрогала землю.
– Твердая, как камень, – сказала она. – Только при чем тут это?
– В других садах, – ответила Лилия, – клумбы то и дело рыхлят. Они там мягкие, словно перины, – цветы и спят все дни напролет!
Тут Алисе все стало ясно.
– Так вот в чем дело, – обрадовалась она. – Я об этом не подумала!
– *По-моему*, ты никогда ни о чем не *думаешь*, – сурово заметила Роза.
– В жизни не видела такой дурочки, – сказала Фиалка 33.
Алиса прямо подпрыгнула от неожиданности: Фиалка все это время молчала, словно и не умела говорить.
– А ты *помолчала* бы! – крикнула Лилия. – Можно подумать, что ты хоть что-нибудь *видела* в жизни! Спрячешься под листом и спишь там в свое удовольствие, а о том, что происходит на свете, знаешь не больше, чем бутон!
– А есть в саду еще люди, кроме меня? – спросила Алиса, решив пропустить мимо ушей замечание Розы.
– Есть тут еще один цветок, который умеет ходить, как ты, – сказала Роза. – Не понимаю, как это тебе удастся...
(– Ты никогда ничего не понимаешь, – заметила Лилия.)
– Только он пораскидистее, чем ты, – продолжала как ни в чем не бывало Роза.
– А в остальном – как я? – спросила с волнением Алиса. («Тут в саду есть еще одна девочка!» – подумала она.)
– Такой же странной формы, как и ты, – сказала Роза. – Немножко темнее, пожалуй, и лепестки покороче...
– Гладкие, как у Георгины, – подхватила Тигровая Лилия, поворачиваясь к Алисе, – а не такие растрепанные, как у тебя.
– Не огорчайся, ты в этом *не виновата*, – сказала снисходительно Роза.
– Просто ты уже вянешь, и лепестки у тебя обтрепались, тут уж ничего не поделаешь... Алисе это не понравилось, и, чтобы переменить разговор, она спросила:
– А сюда она когда-нибудь приходит?
– Не волнуйся, ты ее скоро увидишь, – сказала Роза. – Она из тех, у кого девять шипов, знаешь?
– А где у нее шипы? – спросила Алиса с удивлением.
– На голове, конечно, – ответила Роза. – А я-то все время думала, почему это у *тебя* их нет. Мне казалось, что у вас все с шипами.

– Вон она идет! – закричал молоденький Шпорник. – Я слышу ее шаги! Топ-топ! Только она так топает, когда идет по дорожке 34.

Алиса радостно оглянулась – и увидела Черную Королеву.

– Как она выросла! – невольно подумалось Алисе.

И вправду, когда Алиса нашла ее в золе, она была ростом дюйма в три, не больше, а теперь – на полголовы выше самой Алисы.

– Это от свежего воздуха, – заметила Роза, – здесь у нас чудесный воздух!

– Пойду-ка я к ней навстречу, – сказала Алиса.

Конечно, ей интересно было поболтать с цветами, но разве их сравнишь с настоящей Королевой!

– Навстречу? – переспросила Роза. – Так ты ее никогда не встретишь! Я бы тебе посоветовала идти в обратную сторону!

– Какая чепуха! – подумала Алиса.

Впрочем, вслух она ничего не сказала и направилась прямо к Королеве. К своему удивлению, она тут же потеряла ее из виду и снова оказалась у порога дома.

В сердцах она отступила назад, огляделась по сторонам в поисках Королевы, которую наконец увидела вдаль, и подумала: не пойти ли на этот раз в противоположном направлении? 35

Все вышло как нельзя лучше. Не прошло и минуты, как она столкнулась с Королевой у подножья холма, куда раньше никак не могла подойти.

– А ты здесь откуда? – спросила Королева. – И куда это ты направляешься? Смотри мне в глаза! Отвечай вежливо! И не верти пальцами! 36

Алиса послушно посмотрела ей в глаза и постаралась объяснить, что сбилась с дороги, но теперь понимает свою ошибку и собирается продолжить свой путь.

– *Твой* путь? – переспросила Королева. – Не знаю, что ты хочешь этим сказать! Здесь все пути *мои*!

Внезапно смягчившись, она прибавила:

– Но скажи мне, зачем ты сюда пришла? Пока думаешь, что сказать, – делай реверанс! Это экономит время.

Алиса немного удивилась, но Королева внушала ей такое почтение, что возражать она не посмела.

– Вернусь домой, – подумала она, – и попробую делать реверансы, когда буду опаздывать к обеду!

– Ну вот, теперь отвечай! – сказала Королева, посмотрев на часы. – Когда говоришь, открывай рот *немного шире* и не забывай прибавлять: «Ваше Величество»!

– Я просто хотела взглянуть на сад, Ваше Величество...

– Понятно, – сказала Королева и погладила Алису по голове, что не доставило той ни малейшего удовольствия. Оглядевшись, Королева прибавила:

– Разве это сад? *Видала* я такие сады, рядом с которыми этот – просто заброшенный пустырь!

Алиса не осмелилась ей перечить и продолжала:

– А еще я хотела подняться на вершину холма...

– Разве это холм? – перебила ее Королева. – *Видала* я такие холмы, рядом с которыми этот – просто равнина!

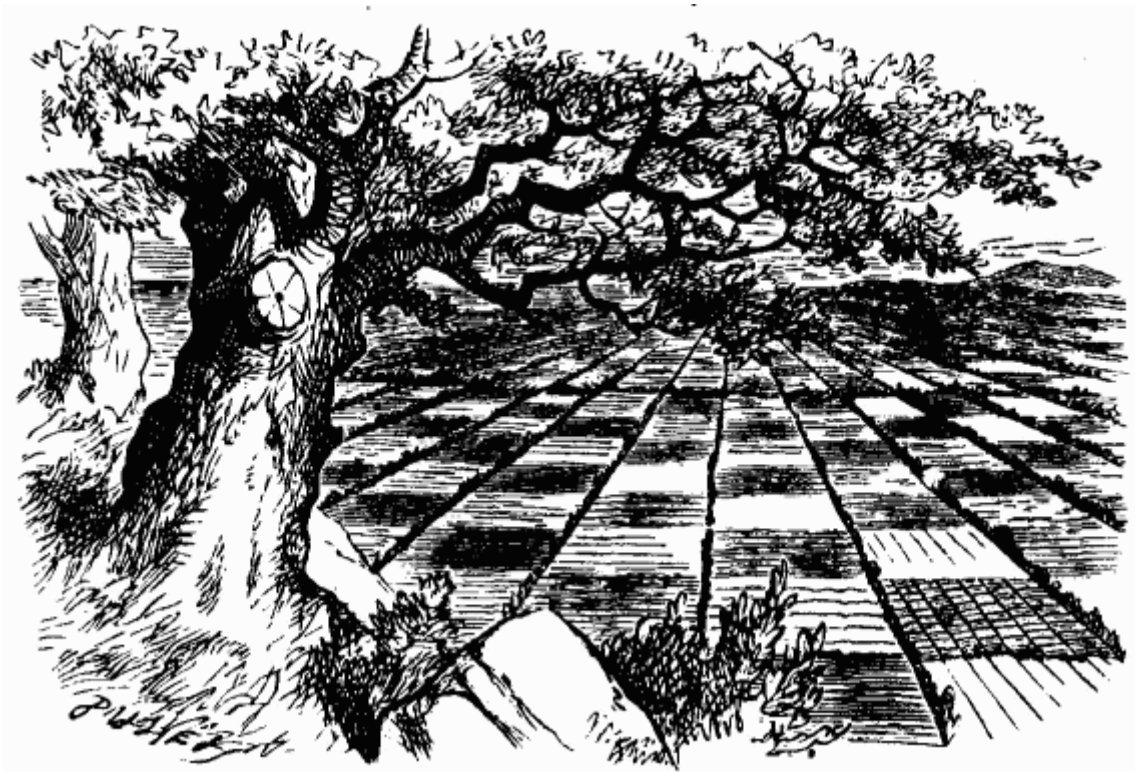
– Ну, нет! – сказала вдруг Алиса и сама удивилась, как это она решается возражать Королеве. – Холм *никак* не может быть равниной. Это уж совсем чепуха!

– Разве это чепуха? – сказала Королева и затрясла головой. – *Слыхала* я такую чепуху, рядом с которой эта разумна, как толковый словарь! 37

Тут Алиса снова сделала реверанс, потому что по голосу Королевы ей показалось, что та все-таки *немного* обиделась. Они молча пошли дальше и, наконец, поднялись на вершину холма.

Несколько минут Алиса стояла, не говоря ни слова, – только глядела на раскинувшуюся у ее ног страну.

Это была удивительная страна. Поперек бежали прямые ручейки, а аккуратные живые изгороди делили пространство между ручейками на равные квадраты.

– По-моему, Зазеркалье страшно похоже на шахматную доску, – сказала наконец Алиса. – Только фигур почему-то не видно... А, впрочем, вот и они! – радостно закричала она, и сердце громко забилось у нее в груди.

– Здесь играют в шахматы! Весь этот мир – шахматы 38 (если только, конечно, это можно назвать миром)! Это одна большая-пребольшая партия. Ой, как интересно! И как бы мне *хотелось*, чтобы меня приняли в эту игру! Я даже согласна быть Пешкой, только бы меня взяли... Хотя, конечно, больше всего мне бы хотелось быть Королевой!

Она робко покосилась на настоящую Королеву, но та только милостиво улыбнулась и сказала:

– Это легко можно устроить. Если хочешь, становись Белой Королевской Пешкой. Крошка Лили еще слишком мала для игры! 40 К тому же ты сейчас стоишь как раз на второй линии. Доберешься до восьмой, станешь Королевой...

Тут почему-то Алиса и Королева бросились бежать.

Позже, когда Алиса размышляла об этом дне, она никак не могла понять, как это случилось; она только помнила, что они бежали, крепко взявшись за руки, и Королева так неслась вперед, что Алиса едва за ней поспевала, но Королева все время только кричала:

– Быстрее! Быстрее!

Алиса чувствовала, что быстрее бежать она не может, но она задыхалась и не могла этого сказать.

Самое удивительное было то, что деревья не бежали, как следовало ожидать, им навстречу; как ни стремительно неслись Алиса и Королева, они не оставляли их позади.

Королева, видно, прочла ее мысли.

– Быстрее! Быстрее! – закричала она. – Не разговаривай!

Но Алиса и не думала разговаривать. Ей уже казалось, что она никогда в жизни не сможет больше произнести ни слова, так она задыхалась, а Королева все кричала:

– Быстрее! Быстрее!

И тянула ее за руку.

– Далеко еще? – с трудом вымолвила, наконец, Алиса.

– Не еще, а уже! – ответила Королева. – Мы пробежали мимо десять минут назад! Быстрее!

И снова они неслись со всех ног, так что только ветер свистел у Алисы в ушах. Того и гляди сорвет с головы все волосы, подумалось Алисе.

– А ну, давай! – кричала Королева. – Еще быстрее!

И они помчались так быстро, что, казалось, скользили по воздуху, вовсе не касаясь земли ногами, пока, наконец, когда Алиса совсем уже выбилась из сил, они внезапно не остановились, и Алиса увидела, что сидит на земле и никак не может отдышаться.

Королева прислонила ее к дереву и сказала ласково:

– А теперь можешь немного отдохнуть!

Алиса в изумлении огляделась.

– Что это? – спросила она. – Мы так и остались под этим деревом! Неужели мы не стонулись с места ни на шаг? 41

– Ну, конечно, нет, – ответила Королева. – А ты чего хотела?

– У нас, – сказала Алиса, с трудом переводя дух, – когда долго бежишь со всех ног, непременно попадешь в другое место.

– Какая медлительная страна! – сказала Королева. – Ну, а *здесь*, знаешь ли, приходится бежать *со всех ног*, чтобы только остаться на том же месте! Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по меньшей мере вдвое быстрее! 42

– Ах, нет, я никуда не хочу попасть! – сказала Алиса. – Мне и здесь хорошо. Очень хорошо! Только ужасно жарко и пить хочется!

– Этому горю помочь *нетрудно*, – сказала Королева и вынула из кармана небольшую коробку. – Хочешь сухарик?

Алиса подумала, что отказаться будет невежливо, хотя сухарь ей был совсем ни к чему.

Она взяла сухарь и стала его жевать; сухарь был *страшно сухой*, и она чуть не подавилась.

– Пока ты утоляешь жажду, – сказала Королева, – я размечу площадку.

Она вынула из кармана ленту с делениями и принялась отмерять на земле расстояния и вбивать в землю колышки.

– Вот вобью еще два колышка, – сказала она, – и покажу тебе, куда ты пойдешь. Хочешь еще сухарик?

– Нет, нет, благодарю вас, – ответила Алиса. – Одного *вполне* достаточно.

– Надеюсь, ты больше не хочешь пить? – спросила Королева.

Алиса растерялась, но, к счастью, Королева продолжала, не дожидаясь ее ответа.

– На *третьей* линии я повторю тебе свои указания, чтобы ты их не забыла. На *четвертой* – я с тобой распрощаюсь. На *пятой* – я тебя покину.

Между тем она кончила свою работу. Алиса с интересом смотрела, как она вернулась к дереву, а потом медленно пошла вдоль ряда колышков. Около второго она остановилась, повернулась и сказала:

– Пешка, как ты знаешь, первым ходом прыгает через клетку. Так что на третью клетку ты проскочишь *на всех парах* – на паровозе, должно быть, – и тут же окажешься на четвертой. Там ты повстречаешь Труляля и Траляля... Пятая клетка залита водой, а в шестой расположился Шалтай-Болтай... Но ты молчишь?

– Разве... я должна... что-то сказать? – запинаясь, спросила Алиса.

– Тебе бы *следовало* поблагодарить меня за любезные пояснения, – отвечала Королева с укоризной. – Что же, предположим, что ты так и сделала... Значит, так: седьмая клетка вся заросла лесом, но ты не беспокойся: один из Рыцарей на Коне проведет тебя через лес. Ну, а на восьмой линии мы встретимся как равные – ты будешь Королевой, и мы устроим по этому случаю пир!

Алиса встала, сделала реверанс и снова опустилась на землю.

У следующего колышка Королева опять повернулась.

– Если не знаешь, что сказать, говори по-французски! – заметила она. – Когда идешь, носки ставь врозь! И помни, кто ты такая!

С этими словами она повернулась, на этот раз не дожидаясь, пока Алиса сделает реверанс, подбежала к четвертому колышку, оглянулась, сказала:

– Прощай!

И бросилась к последнему.

Как это произошло, Алиса не поняла, но стоило Королеве добежать до последнего колышка, как она тут же исчезла 43. То ли она растаяла в воздухе, то ли скрылась в лесу («Она ведь так *быстро* бегают!» – думала Алиса), трудно сказать, только она исчезла. А Алиса принялась размышлять о том, что она теперь Пешка и что скоро ей ходить.

Глава III ЗАЗЕРКАЛЬНЫЕ НАСЕКОМЫЕ

Прежде всего, конечно, нужно было оглядеться и познакомиться со страной, по которой ей предстояло путешествовать.

– Совсем как на уроке географии, – подумала Алиса, поднимаясь на цыпочки, чтобы заглянуть подальше. – Главные реки? Никаких. Главные горы? Всего одна – и я на ней стою. Как она называется? По-моему, никак. Главные города?.. Ой, *кто это* там? Вьются, словно пчелиный рой... Только, конечно, пчел на таком расстоянии не увидишь...

Она замолчала и стала смотреть на загадочных насекомых, которые кружили над цветами, погружая в них хоботки.

– Совсем как настоящие пчелы, – подумала Алиса.

Конечно, это были совсем не пчелы; по правде говоря, это были слоны, в чем Алиса очень скоро убедилась. У нее прямо дух захватило от этого открытия.

– А какие там огромные, должно быть, цветы! – размышляла Алиса. – Словно дом, только без крыши и на стебле! А сколько меду! Подойду-ка я поближе... Нет, лучше

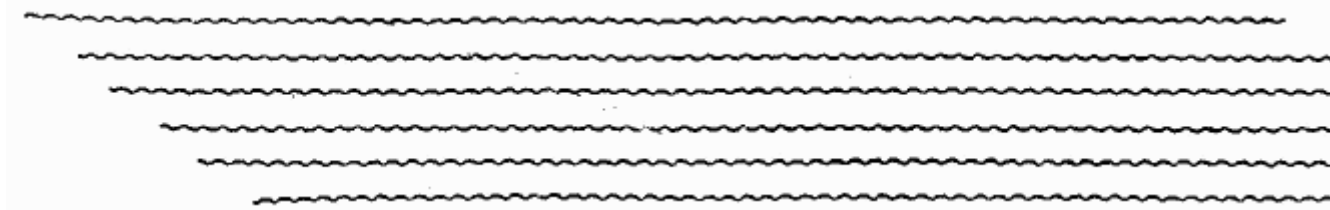
подожду...

Она начала было спускаться с холма, но вдруг оробела и остановилась.

– Прежде, чем туда идти, нужно запастись хорошей веткой, чтобы отмахиваться от слонов, – оправдывалась она перед собой. – А как будет смешно, когда меня спросят дома, как мне здесь понравилось, и я скажу: «Очень приятная была прогулка, только... – тут она тряхнула головой (такая уж у нее была привычка!), – только было *жарко* и *пыльно*, и слоны *докучали!*»

– Спустишь-ка я в другую сторону, – проговорила она, помолчав, – а к слонам пойду попозже. Мне ведь нужно поскорее *попасть* на третью линию!

С этими словами она сбежала с холма и перепрыгнула через первый из шести ручейков
44.

– Ваши билеты! – сказал Контролер, совывая голову в окошко.

Все тут же предъявили билеты; размером билеты были не меньше пассажиров, и в вагоне поэтому сразу стало очень тесно.

– Та-ак, – протянул Контролер и сердито взглянул на Алису. – А где твой билет, девочка?

И все хором закричали («Словно припев в песне», – промелькнуло у Алисы в голове):

– Не задерживай его, девочка! *Знаешь, сколько стоит его время?* Тысячу фунтов – одна минута!

– К сожалению, у меня нет билета, – испуганно сказала Алиса. – Там, где я села, не было кассы...

И хор голосов подхватил:

– Там не было места для кассы! *Знаешь, сколько стоит там земля?* Тысячу фунтов – один дюйм!

– Не оправдывайся, девочка! – сказал Контролер. – Надо было купить билет у машиниста.

И снова хор голосов подхватил:

– У человека, который ведет паровоз! *Знаешь, сколько стоит дым от паровоза?* Тысячу фунтов – одно колечко!

– Лучше мне промолчать, – подумала Алиса.

На этот раз, так как она не произнесла ни слова, никто ничего не сказал, но, к величайшему ее удивлению, все хором подумали (Надеюсь, ты понимаешь, что значит «думать хором», потому что мне, по правде говоря, это неясно):

– Лучше промолчи! *Знаешь, сколько стоит разговор?* Тысячу фунтов – одно слово!

– Сегодня мне всю ночь будет сниться тысяча фунтов! – подумала Алиса.

А Контролер все это время внимательно ее разглядывал – сначала в телескоп, потом в микроскоп и, наконец, в театральный бинокль. Наконец, он сказал:

– И вообще ты едешь не в ту сторону!

Опустил окно и ушел.

Господин, сидевший напротив (одет он был в белую бумагу) 45, произнес:

– Такая маленькая девочка должна знать, в какую сторону она едет, даже если она не знает, как ее зовут!

Козел, сидевший рядом с господином в белом, закрыл глаза и громко сказал:

– Она должна знать, как пройти в кассу, даже если она не умеет читать!

Рядом с Козлом сидел Жук (это был очень странный вагон, битком набитый пассажирами), и, так как говорить здесь, судя по всему, полагалось по очереди, он сказал:

– Придется отправить ее обратно с багажом.

Алисе не видно было, кто сидит за Жуком, она только услышала хриплый голос:

– Пусть переседет на другой...

Тут голос закашлялся и замолк.

– Что это у него? Грипп? – подумала Алиса.

И тотчас же тоненький голосок прошептал ей прямо в ухо:

– Из этого вышла бы неплохая шутка: «Коль хрип – так грипп...» или еще что-нибудь в таком же духе...

В самом конце вагона кто-то ласково пропел:

– На ней надо написать: «Хрупкая девочка! Не кантовать!»

А голоса продолжали выкрикивать («Сколько их здесь!» – подумала Алиса):

– Надо отправить ее почтой! Налепить ей справа марку и отправить!

– Нет, лучше телеграфом!

– Пусть тянет поезд вместо паровоза!

Но господин в белой бумаге наклонился к Алисе и прошептал:

– Не слушай их, детка! Просто на каждой остановке покупай по обратному билету!

– И не подумаю! – воскликнула, потеряв терпение, Алиса. – Эта поездка мне совсем не нужна! Хочу в лес! В чащу!

– И из этого вышла бы *неплохая* шуточка, – проговорил тоненький голосок прямо у нее над ухом. – «Хочу *почаще* бродить *по чаще*»... Или еще что-нибудь в этом же духе...

– Ах, оставьте меня, наконец, в покое! – сказала Алиса, оглядываясь. (Она никак не могла понять, кто это с ней говорит тоненьким голоском.) – Если вам так хочется шутить, шутите, пожалуйста, сами!

Тоненький голосок в ответ глубоко вздохнул. Он был, видно, *очень* несчастлив.

– Надо бы его утешить, – подумала Алиса. – Но только почему он не вздыхает, как люди!

Понимаешь, вздох был такой легонький, что она бы его ни за что не услышала, если бы он не раздался у нее прямо над ухом. От этого в ухе у нее защекотало, и она перестала думать о горестях своего невидимого собеседника.

– Я знаю, что ты мне друг, – продолжал голосок. – Старый друг... верный друг... Ты меня не обидишь, даром, что я насекомое...

– Какое насекомое? – забеспокоилась Алиса.

На самом деле она хотела узнать, кусается ее собеседник или нет, но задать такой вопрос прямо было бы, конечно, невежливо.

– Неужели ты не догада... – начал тоненький голосок, но его заглушил пронзительный свисток паровоза. Алиса и все остальные в тревоге повскакали со своих мест.

Лошадь, высунувшая голову в окно, оглянулась и спокойно сказала:

– Ничего страшного! Здесь ручеек, который нам надо перепрыгнуть.

Все тут же успокоились, только Алисе было как-то не по себе при мысли о том, что поезда здесь прыгают.

– Зато я сразу попаду на четвертую линию, – подумала она. – А это уже неплохо!

В тот же миг она почувствовала, как поезд поднялся в воздух. От страха она вцепилась во что-то, оказавшееся у нее под рукой. Это была козлиная борода. 47

Не успела Алиса схватиться за нее, как борода словно растаяла в воздухе. Алиса оказалась под деревом, а над головой у нее на сучке устроился Комар (так вот кто был ее невидимым собеседником!) и обмахивал Алису крылышками.

Это был *огромный* Комар.

– Не меньше гуся! – подумала Алиса.

Но она ничуть не испугалась: чего ей было бояться после столь долгой и дружественной беседы?

– Значит, ты не всех насекомых любишь? – продолжал, как ни в чем не бывало Комар.

– Я люблю тех, которые умеют говорить, – отвечала Алиса. – У нас насекомые не разговаривают.

– А каким насекомым у вас радуются? – спросил Комар.

– Я никаким насекомым не радуюсь, потому что я их боюсь, – призналась Алиса. – По крайней мере, больших. Но я могу вам сказать, как их зовут.

– А они, конечно, идут, когда их зовут? – небрежно заметил Комар.

– Нет, кажется, не идут.

– Тогда зачем же их звать, если они не идут? 49

– Им это ни к чему, а нам все-таки нужно. Иначе зачем вообще знать, как что называется?

– Незачем, по-моему, – сказал Комар. – Если ты зайдешь поглубже вон в тот лес, ты увидишь, что там нет никаких имен и названий. Впрочем, мы зря теряем время... Значит, какие у вас насекомые?

– Ну, вот, к примеру, есть у нас Бабочка, – сказала Алиса и загнула на руке один палец.

– А-а, – протянул Комар. – Взгляни-ка на тот куст! Там на ветке сидит... Знаешь кто? Баобабочка! Она вся деревянная, а усики у нее зеленые и нежные, как молодые побеги!

– А что она ест? – спросила Алиса с любопытством.

– Стружки и опилки, – отвечал Комар. – А еще кто у вас есть?

Алиса жадно разглядывала Баобабочку. Она была такая толстенная и такая веселая, что Алиса решила: она только что хорошо пообедала!

– А еще у нас есть Стрекоза, – сказала она и загнула второй палец.

– Подними-ка голову, – сказал Комар. – Вон на той ветке прямо у тебя над головой сидит Стрекозел. Бородатый, рогатый, и то и дело лезет бодаться!

– А он что ест? – снова спросила Алиса.

– Траву и отруби, – ответил Комар. – А гнездо он себе вьет в хлеву.

Алиса долго задумчиво смотрела на Стрекозла и, наконец, сказала:

– А еще у нас есть всякие мошки.

– Взгляни-ка на то облачко, – заметил Комар. – Это вьются Бегемошки. Подумать только – такие толстые и неповоротливые, а как хорошо летают!

– А что они едят? – снова спросила Алиса.

– Мелкую рыбешку и лягушек!

Алису одолели сомнения.

– А если рыбешки не будет? – спросила она.

– Тогда они, конечно, умрут, – отвечал Комар.

– И часто так бывает?

– Всегда, – сказал Комар.

Алиса задумалась, между тем как Комар развлекался, кружа вокруг ее головы. Наконец, он уселся на ветку и пропищал:

– Хочешь потерять свое имя?

– Нет, – испугалась Алиса. – Конечно, не хочу!

– И зря, – сказал Комар небрежно. – Подумай, как это было бы удобно! Скажем, возвращаешься ты домой, а никто не знает, как тебя зовут. Захочет гувернантка позвать тебя на урок, крикнет: «Идите сюда...» – и остановится, имя-то она забыла. А ты, конечно, не пойдешь – ведь неизвестно, кого она звала!

– Это мне не поможет, – возразила Алиса. – Даже если она забудет мое имя, она всегда может сказать: «Послушайте, милочка...».

– Но ведь ты не Милочка, – перебил ее Комар. – Ты и не будешь слушать! Хорошенькая вышла шутка, правда? Жаль, что не *ты* ее придумала!

– Что это вы все время предлагаете *мне* свои шутки? – спросила Алиса. – Эта, например, вам совсем не удалась!

Комар только глубоко вздохнул; по щекам у него покатались две крупные слезы.

– Не нужно шутить, – сказала Алиса, – если шутки вас так огорчают.

В ответ он снова грустно вздохнул, а когда Алиса подняла глаза, бедного Комара на ветке уже не было – должно быть, его унесло собственным вздохом.

Алиса так долго сидела без движения, что ей стало холодно; она поднялась и пошла вперед.

Вскоре она вышла на полянку, за которой чернел лес. Он был гораздо мрачнее того, откуда она вышла, и Алиса *немножко* струсилась. Все же, поразмыслив, она решила идти вперед.

– Не возвращаться же мне *назад!* – сказала она про себя. – Другого пути на восьмую линию нет.

– Это, верно, тот самый лес, – размышляла она, – где нет никаких имен и названий 50. Интересно, неужели я тоже потеряю *свое* имя? Мне бы этого не хотелось! Если я останусь без имени, мне тотчас дадут другое, и наверняка какое-нибудь ужасное! А я примусь разыскивать того, кто подобрал мое старое имя. Вот будет смешно! Дам объявление в газету, будто я потеряла собаку: «Потеряно имя по кличке...», тут, конечно, будет пропуск... «Наше медный ошейник». И всех, кого ни встречу, буду окликать: «Алиса!» – вдруг кто-нибудь отзовется. Только вряд ли... Разве что по глупости...

Так, беседуя сама с собой, она незаметно дошла до леса; там было сумрачно и прохладно.

– По крайней мере, – подумала Алиса, ступив под деревья, – приятно немножко освежиться в этом... как его? Ну, как же он *называется!* .. – Она с удивлением заметила, что никак не может вспомнить нужного слова. – Когда спрячешься под ... ну, как же их?.. под... *этими* ... – Она погладила дерево по стволу. – Интересно, как они *называются?* А, может, никак? Да, конечно, никак не называются!

С минуту она стояла в глубокой задумчивости, а потом вдруг сказала:

– Значит, все-таки это *случилось!* Кто же я теперь? Я должна *вспомнить!* Во что бы то ни стало должна!

Но как она ни старалась, ничего у нее не выходило. Она всячески ломала себе голову, но вспомнить свое имя не могла.

– Помню только, что там есть Л... – сказала она, наконец. – Ну, конечно, оно начинается с Л... 51 Тут из-за дерева вышла Лань. Она взглянула на Алису огромными грустными глазами, но ничуть не испугалась.

– Тпрушеньки! Тпрушеньки! – сказала Алиса и протянула руку, чтобы ее погладить. Лань прыгнула в сторону, но не убежала, а остановилась, глядя на Алису.

– Как тебя зовут? – спросила Лань.

У нее был мягкий и нежный голос.

– Если б я только знала! – подумала бедная Алиса.

Вслух она грустно промолвила:

– Пока никак...

– Постарайся вспомнить, – сказала Лань. – Так нельзя...

Алиса постаралась, но все было бесполезно.

– Скажите, а как *вас* зовут? – робко спросила она. – Вдруг это мне поможет...

– Отойдем немного, – сказала Лань. – *Здесь* мне не вспомнить...

Алиса нежно обняла Лань за мягкую шею, и они вместе пошли через лес.

Наконец, они вышли на другую поляну; Лань взвилась в воздух и сбросила с себя руку Алисы.

– Я Лань! – закричала она радостно. – А ты – человеческий детеныш!

Тут в ее прекрасных карих глазах мелькнула тревога, и она умчалась прочь.

Алиса долго смотрела ей вслед; слезы навертывались ей на глаза при мысли, что она так внезапно потеряла свою милую спутницу.

– Ну, что ж, – сказала она, наконец. – Зато теперь я знаю, как меня зовут. И *то* хорошо... Алиса... Алиса... Больше уж ни за что не забуду... Посмотрю-ка я на эти указатели. Интересно, куда мне теперь идти?

На этот вопрос ответить было нетрудно: через лес вела только одна дорога, и обе стрелки указывали на нее.

– Дойду до развилки, – подумала Алиса, – тогда и решу. Ведь там им придется указывать в разные стороны.

Напрасно она на это надеялась! Она все шла и шла по дороге, но и на развилках стрелки неизменно указывали в одну сторону. На одной из них было написано:

«К ДОМУ ТРУЛЯЛЯ»

А на другой:

– Судя по всему, – размышляла Алиса, – они живут *вместе*. Как это я раньше не догадалась... Впрочем, я все равно задерживаться у них не буду. Забегу на минутку, поздороваюсь и спрошу, как выйти из лесу. Только бы мне добраться до восьмой линии, пока не стемнеет!

Так она шла и шла, разговаривая сама с собой, как вдруг дорожка круто повернула, и она увидела двух человечков, толстых, как набитые шерстью кули. Это было так неожиданно, что Алиса вздрогнула и остановилась. Впрочем, она тут же успокоилась, сообразив, что перед ней не два куля, а – 52

Глава IV ТРАЛЯЛЯ И ТРУЛЯЛЯ

Они стояли под деревом, обняв друг друга за плечи, и Алиса сразу поняла, кто из них Труляля, а кто – Траляля, потому что у одного на воротнике было вышито «ТРУ», а у другого – «ТРА».

– А «ЛЯЛЯ», верно, вышито у обоих сзади, – подумала Алиса.

Они стояли так неподвижно, что она совсем забыла о том, что они живые, и уже собиралась зайти им за спину и посмотреть, вышито ли у них на воротнике сзади «ЛЯЛЯ», как вдруг тот, на котором стояло «ТРУ», сказал:

– Если ты думаешь, что мы из воска, выкладывай тогда денежки! За посмотри деньги платят! Иначе не пойдет! Ни в коем разе!

– И задом наперед, совсем наоборот! – прибавил тот, на котором было вышито «ТРА». – Если, по-твоему, мы живые, тогда скажи что-нибудь...

– Пожалуйста, простите меня, – сказала Алиса, – я не хотела вас обидеть.

Больше она ничего сказать не могла, потому что в голове у нее неотвязно, словно тикание часов, звучали слова старой песенки 53 – она с трудом удержалась, чтобы не пропеть ее вслух.

*Раз Труляля и Траляля
Решили вздуть друг дружку.
Из-за того, что Траляля
Испортил погремушку, –
Хорошую и новую испортил погремушку.*

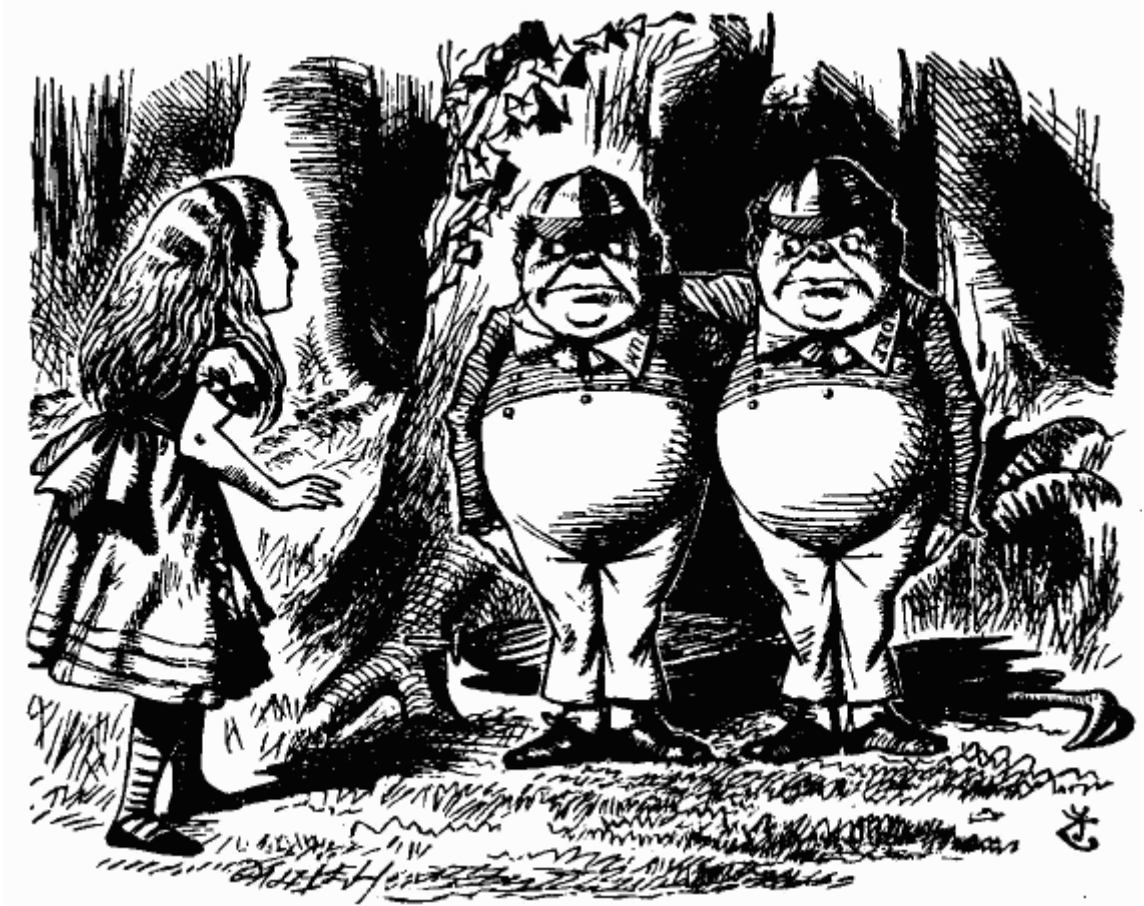
*Но ворон, черный, будто ночь,
На них слетел во мраке.
Герои убежали прочь.
Совсем забыв о драке, –
Тра-ля-ля-ля, тру-ля-ля-ля, совсем забыв о драке.*

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказал Труляля, – но это не так! Ни в коем разе!

– И задом наперед, совсем наоборот, – подхватил Траляля. – Если бы это было так, это бы еще ничего, а если бы ничего, оно бы так и было, но так как это не так, так оно и не этак! Такова логика вещей!

– Я думала о том, – сказала вежливо Алиса, – как бы мне побыстрее выбраться из этого леса. Уже темнеет... Не покажете ли вы мне дорогу?

Но толстячки только переглянулись с усмешкой.

Они были до того похожи на школьников, выстроившихся для переклички, что Алиса не удержалась, ткнула пальцем в Труляля и крикнула:

– Первый!

– Ни в коем разе! – тут же отозвался Труляля и так быстро захлопнул рот, что зубы шелкнули.

– Второй! – крикнула Алиса и ткнула пальцем в Траляля.

– Задом наперед, совсем наоборот! – крикнул он.

Другого Алиса и не ждала.

– Ты неправильно начала! – воскликнул Труляля. – Когда знакомишься, нужно прежде всего поздороваться и пожать друг другу руки!

Тут братцы обнялись и, не выпуская друг друга из объятий, протянули по одной руке Алисе 55. Алиса не знала, что ей делать: пожать руку сначала одному, а потом другому? А вдруг второй обидится? Тут ее осенило, и она протянула им обе руки сразу. В следующую минуту все трое кружились, взявшись за руки, в хороводе. Алисе (как она вспоминала позже) это показалось вполне естественным; не удивилась она и тогда, когда услышала музыку; она лилась откуда-то сверху, может быть, с деревьев, под которыми они танцевали? Сначала Алиса никак не могла понять, кто же там играет, но потом догадалась, что просто это елки бьются о палки, словно смычки о скрипки.

– Смешнее всего было то, – рассказывала потом Алиса сестре, – что я и не заметила, как запела: «Вот идем мы хороводом...» Не знаю, когда я начала, но пела, верно, очень, очень долго!

Братцы были толстоваты: скоро они запыхались.

– Четыре круга – вполне достаточно для одного танца, – пропыхтел Труляля.

Они остановились так же внезапно, как и начали; музыка тут же смолкла.

Братья разжали пальцы и, не говоря ни слова, уставились на Алису; наступило неловкое молчание, ибо Алиса не знала, как полагается начинать беседу с теми, с кем ты

только что танцевала.

– Нельзя же *сейчас* вдруг взять и сказать: «Здравствуйте!» – думала она. – Так или иначе, но здороваться уже поздно.

– Надеюсь, вы не очень устали? – спросила она, наконец.

– Ни в коем разе! – отвечал Труляля. – Большое спасибо за внимание!

– *Премного* благодарны! – поддержал его Траляля. – Ты любишь стихи?

– Д-да, пожалуй, – ответила с запинкой Алиса. – Смотрите *какие* стихи... Не скажите ли вы, как мне выйти из лесу?

– Что ей прочесть? – спросил Траляля, глядя широко открытыми глазами на брата и не обращая никакого внимания на ее вопрос.

– «Моржа и Плотника». Это самое длинное – ответил Труляля и крепко обнял брата.

Траляля тут же начал:

Сияло солнце в небесах. 56

Алиса решила прервать его.

– Если этот стишок *очень* длинный, – сказала она как можно вежливее, – пожалуйста, скажите мне сначала, какой дорогой...

Траляля нежно улыбнулся и начал снова:

*Сияло солнце в небесах,
Светило во всю мочь,
Была светла морская гладь,
Как зеркало точь-точь,
Что очень странно – ведь тогда
Была глухая ночь.*

*И недовольная луна
Плыла над бездной вод,
И говорила: «Что за чушь
Светить не в свой черед?
И день – не день, и ночь – не ночь,
А все наоборот».*

*И был, как суша, сух песок.
Была мокра вода.
Ты б не увидел в небе звезд –
Их не было тогда.
Не пела птица над гнездом –
Там не было гнезда.*

*Но Морж и Плотник в эту ночь
Пошли на бережок,
И горько плакали они,
Взирая на песок:
– Ах, если б кто-нибудь убрать
Весь этот мусор мог! 59*

*– Когда б служанка, взяв метлу,
Трудилась дотемна.
Смогла бы вымести песок
За целый день она?*

– Ах, если б знать! – заплакал Морж, –
Проблема так сложна!

– Ах, Устрицы! Придите к нам, –
Он умолял в тоске, –
И погулять, и поболтать
Приятно на песке.
Мы будем с вами до утра
Бродить рука в руке.

Но Устрицы преклонных лет
Не выплыли на зов.
К чему для странствий покидать
Страну своих отцов?
Ведь можно дома в тишине
Прожить в конце концов.

А юных Устриц удержать
Какой бы смертный мог?
Они в нарядных баумачках
Выходят на песок.
Что очень странно – ведь у них
Нет и в помине ног.

И, вымыв руки и лицо
Прохладною водой,
Они спешат, они ползут
Одна вослед другой
За Плотником и за Моржом
Веселую гурьбой.

А Морж и Плотник шли и шли
Час или два подряд,
Потом уселись на скале
Среди крутых громад,

*А Устрицы – все до одной –
Пред ними стали в ряд.*

*И молвил Морж: «Пришла пора
Подумать о делах:
О башмаках и сургуче.
Капусте, королях б0,
И почему, как суп в котле,
Кипит вода в морях».*

*Взмолились Устрицы: «Постой!
Дай нам передохнуть!
Мы все толстушки, и для нас
Был очень труден путь».
– Присядьте, – Плотник отвечал, –
Поспеем как-нибудь.*

*– Нам нужен хлеб, – промолвил Морж, –
И зелень на гарнир,
А также уксус и лимон,
И непременно сыр,
И если вы не против, то
Начнем наш скромный тир.*

*– Ах, неужели мы для вас
Не больше, чем еда,
Хотя вы были так добры,
Нас пригласив сюда!
А Морж ответил: «Как блестит
Вечерняя звезда!*

*Я очень рад, что вы пришли
В пустынный этот край.
Вы так под уксусом нежны –
Любую выбирай».*

*А Плотник молвил: «Поскорей
Горчицу мне подай!»*

*– Мой друг, их заставлять спешить
Отнюдь мы не должны.
Проделав столь тяжельый путь,
Они утомлены.
– С лимоном, – Плотник отвечал, –
Не так они вкусны.*

*– Мне так вас жаль, – заплакал Морж
И вытащил платок, –
Что я не в силах удержать
Горючих слез поток.
И две тяжелые слезы
Скатились на песок.*

*А Плотник молвил: «Хорошо
Прошлись мы в час ночной.
Наверно, Устрицы хотят
Пойти к себе домой?»
Но те молчали, так как их
Всех съели до одной 61.*

– Мне больше нравится Морж, – сказала Алиса. – Ему по крайней мере было хоть капельку жалко бедных устриц.

– Но съел он больше, чем Плотник, – возразил Траляля. – Просто он прикрывался платком, так что Плотник не мог сосчитать, сколько устриц он съел. Не мог! Задом наперед, совсем наоборот!

– Какой жадный! – вскричала Алиса. – Тогда мне больше нравится Плотник! Он съел меньше, чем Морж!

– Просто ему не досталось больше, – сказал Траляля.

Алиса растерялась 62. Помолчав, она проговорила:

– Ну, тогда, значит, *оба* они хороши!

Тут она замолчала и в страхе прислушалась: в лесу неподалеку кто-то громко пыхтел,

словно огромный паровоз. «Уж не дикий ли это зверь?» – мелькнуло у нее в голове.

– А в вашем лесу много тигров и львов? – робко спросила она.

– Это всего-навсего Черный Король, – сказал Траляля. – Расхрапелся немножко!

– Пойдем, посмотрим на него! – закричали братья, взяли Алису за руки и подвели к спящему неподалеку Королю.

– *Милый*, правда? – спросил Траляля.

Алисе трудно было с ним согласиться. На Короле был красный ночной колпак с кисточкой и старый грязный халат, а лежал он под кустом и храпел с такой силой, что все деревья сотрясались.

– Так можно себе и голову отхрапеть! – заметил Труляля.

– Как бы он не простудился, – забеспокоилась Алиса, которая была очень заботливой девочкой. – Ведь он лежит на сырой траве!

– Ему снится сон! – сказал Траляля. – И как по твоему, кто ему снится?!

– Не знаю, – ответила Алиса. – Этого никто сказать не может.

– Ему снишься *ты*! – закричал Траляля и радостно захлопал в ладоши. – Если б он не видел тебя во сне, где бы, интересно, ты была?

– Там, где я и есть, конечно, – сказала Алиса.

– А вот и ошибаешься! – возразил с презрением Траляля. – Тебя бы тогда, вообще нигде не было! Ты просто снишься ему во сне бз.

– Если этот вот Король вдруг проснется, – подтвердил Труляля, – ты сразу же – фьють! – потухнешь, как свеча!

– Ну, нет, – вознегодовала Алиса. – И вовсе я не потухну! К тому же если я только *сон*, то кто же тогда вы, хотела бы я знать?

– То же самое, – сказал Труляля.

– Самое, самое, – подтвердил Траляля.

Он так громко прокричал эти слова, что Алиса испугалась.

– Ш-ш-ш, – прошептала она. – Не кричите, а то вы его разбудите!

– *Тебе* – то что об этом думать? – сказал Труляля. – Все равно ты ему только снишься. Ты ведь не настоящая!

– Нет, *настоящая*! – крикнула Алиса и залилась слезами.

– Слезами делу не поможешь, – заметил Траляля. – О чем тут плакать?

– Если бы я была не настоящая, я бы не плакала, – сказала Алиса, улыбаясь сквозь

слезы: все это было так глупо.

– Надеюсь, ты не думаешь, что это *настоящие* слезы? – спросил Труляля с презрением.

– Я знаю, что все это вздор, – подумала Алиса. – Глупо от этого плакать!

Она вытерла слезы и постаралась принять веселый вид.

– Во всяком случае, мне надо поскорей выбраться из лесу. Уж очень что-то темнеет. Как, по-вашему, это не дождь там собирается?

Труляля быстро раскрыл огромный зонтик и спрятался под ним вместе с братом. А потом задрал голову и произнес:

– Никакого дождя не будет... по крайней мере *здесь!* Ни в коем разе!

– А *снаружи?*

– Пусть себе идет, если ему так хочется. Мы не возражаем! И даже задом наперед, совсем наоборот!

– Только о себе и думают, – рассердилась Алиса и совсем уже собралась с ними распрощаться, как вдруг Труляля выскочил из-под зонта и схватил ее за руку.

– *Видала?* – спросил он, задыхаясь от гнева.

Глаза его округлились и пожелтели, дрожащим пальцем он показывал на какую-то белую вещицу, которая валялась под деревом.

– Это всего-навсего погремушка, – сказала Алиса, всмотревшись. – Погремушка, а не *гремучая змея*, – поторопилась она добавить, думая, что он испугался. – Старая погремушка... Старая, никуда не годная погремушка!

– Так я и знал! – завопил Труляля, топая в бешенстве ногами, и принялся рвать на себе волосы. – Поломана, конечно!

Он глянул на Траляля, который тотчас повалился на землю и постарался спрятаться под зонтом.

Алиса положила руку на плечо Труляля.

– Не стоит так сердиться из-за старой погремушки! – сказала она примирительно.

– И вовсе она *не старая!* – закричал Труляля, разъярясь пуще прежнего. – Она *совсем новая!* Я только вчера ее купил! Хорошая моя... новая моя... ПОГРЕМУШЕЧКА!

И он зарыдал во весь голос.

А Траляля меж тем пытался спрятаться в зонтик, закрывая его вместе с собой. Это было

так странно, что, засмотревшись, Алиса совсем забыла про его разгневанного братца. Правда, зонтик у Траляля никак не закрывался; кончилось все тем, что он совсем запутался и покотился в зонтике по земле – наружу торчала одна голова. Так он и лежал, ловя воздух ртом и широко раскрыв глаза.

– Ужасно похож на рыбу! – подумала Алиса.

– Что ж, вздуем друг дружку? – спросил Труляля, внезапно успокаиваясь.

– Пожалуй, – угрюмо отвечал Траляля, вылезая из зонтика. – Только пусть она поможет нам одеться.

Братья взялись за руки и отправились в лес, а через минуту вернулись с грудой всяких вещей: были тут и диванные валики и каминные коврики, и одеяла, и скатерти, и крышки от кастрюль, и совки для угля.

– Надеюсь, завязывать и закалывать ты умеешь? – спросил Труляля. – Все это нужно на нас надеть и как-то закрепить!

Позже Алиса рассказывала, что в жизни не видела такой суеты. Как они хлопотали! А сколько всего на себя понадевали! И все нужно было как-то прикрепить и пристегнуть.

– Если они все на себя натянут, – подумала Алиса, – они будут совсем как узлы со старым тряпьем!

В эту минуту она как раз прилаживала Траляля на шею диванный валик.

– Привяжи покрепче, а то отрежет мне ненароком голову, – сказал Траляля. И, подумав, мрачно прибавил: – Знаешь, одна из самых серьезных потерь в битве – это потеря головы.

Алиса фыркнула и тут же закашлялась, чтобы прикрыть свой смех. Она боялась его обидеть.

– Я очень бледный? – спросил Труляля, подходя к Алисе, чтобы она привязала ему шлем к голове. (Труляля называл его шлемом, хотя шлем этот, по правде говоря, походил больше на сковородку.)

– Пожалуй... *бледноват*, – осторожно ответила Алиса.

– Вообще-то я очень храбрый, – сказал Труляля, понизив голос. – Только сегодня у меня голова болит!

Но Траляля его услышал.

– А у меня болит зуб! – закричал он. – Мне больнее, чем тебе!

– Тогда не деритесь сегодня, – обрадовалась Алиса. Ей так хотелось их примирить.

– Слегка подраться все же нам *придется*, – сказал Труляля. – Но я не настаиваю на долгой драке. Который теперь час?

Траляля взглянул на свои часы и сказал:

– Половина пятого.

– Подеремся часов до шести, а потом пообедаем, – предложил Труляля,

– Что ж, – отвечал со вздохом Траляля, – решено. А *она* пусть смотрит!

И, повернувшись к Алисе, прибавил:

– Только очень близко не подходи! Я, когда разойдусь, сокрушаю все, что попадет мне под руку!

– А я сокрушаю все, что попадет мне под ногу! – закричал Труляля.

Алиса засмеялась.

– Вот, верно, достается от вас *деревьям!* – сказала она.

Труляля огляделся с довольной улыбкой.

– К тому времени, когда драка будет закончена, – сказал он, – вокруг не останется ни одного дерева! Ни одного во всем лесу!

– И все из-за погрешности! – сказала она, все еще надеясь, что они хоть немного устыдятся.

– Я бы ему ни слова не сказал, – ответил Труляля. – Но она была совсем новая!

– Хоть бы уж этот страшный ворон прилетал поскорее! – подумала Алиса.

– Знаешь, – сказал Труляля брату, – у нас всего одна шпага. Но ты можешь драться зонтом. Он острый, не хуже шпаги! Что же, надо торопиться! Скоро будет темно, как в бочке!

– И даже еще темнее, – прибавил Траляля.

Тут все вокруг так почернело, что Алиса решила: приближается гроза.

– Какая огромная туча! – сказала она. – Как быстро она приближается! Ой, у нее, по-моему, крылья!

– Это ворон! – пронзительно вскрикнул Труляля.

Братья бросились бежать и через минуту скрылись из виду.

Алиса нырнула в лес и спряталась под большим деревом.

– *Здесь* ему до меня не добраться, – подумала она. – Он такой огромный, что между деревьев ему не пролезть! Как он машет крыльями! От них в лесу прямо буря поднялась! Вон летит чья-то шаль! Видно, ее сорвало ветром...

Глава V ВОДА И ВЯЗАНИЕ

С этими словами она поймала шаль и стала смотреть, кому бы ее отдать. Не прошло и минуты, как из чащи стремительно выбежала Белая Королева, широко раскинув руки, словно в полете 67. Алиса с улыбкой пошла ей навстречу с шалью в руках.

– Я так рада, что перехватила ее, – сказала Алиса и накинула шаль Королеве на плечи.

Белая Королева только взглянула на нее испуганно и растерянно и тихонько что-то пробормотала. Похоже было, что она твердит:

– Бутерброд! Бутерброд!

Впрочем, разобрать слова было невозможно. Одно было ясно: если ей хочется побеседовать с Королевой, начинать придется самой. Помолчав, Алиса робко промолвила:

– Я уже отчаялась...

Но Королева не дала ей договорить.

– *Отчая* лась? – повторила она. – Разве ты пьешь чай, а не молоко? Не знаю, как это можно пить чай! Да еще утром!

Алисе не хотелось начинать знакомство спором. Она улыбнулась и сказала:

– Если Ваше Величество скажет мне, когда нужно пить чай, я постараюсь всегда

следовать вашему совету.

– Детям чай пить совсем не надо! – сказала Королева. – Пусть пьют молоко! Другое дело – взрослые... Я вот сейчас, к примеру, битых два часа отчаивалась... с вареньем и сладкими булочками.

Пожалуй, было бы лучше (так по крайней мере показалось Алисе), если б она не отчаивалась так долго, а немного причесалась.

– Все на ней вкривь и вкось! – подумала Алиса, глядя на Королеву. – Всюду булавки!

– Разрешите, я поправлю вам шаль, – сказала она вслух. – Она съехала набок...

– Не пойму, что с ней такое, – грустно проговорила Королева. – Должно быть, она не в духе. Я ее где только могла приколола, но ей никак не угодишь!

– Немудрено, – сказала Алиса, осторожно поправив шаль. – Ведь вы ее прикололи всю на один бок! А волосы! В каком они виде!

– Щетка в них запуталась, – сказала Королева со вздохом. – А гребень я вчера потеряла...

Алиса осторожно вытащила щетку и, как могла, причесала Королеву.

– Ну, вот, теперь, пожалуй, лучше, – сказала она, переколов чуть не все булавки. – Но, знаете, вам нужна горничная.

– Тебя я взяла бы с удовольствием, – откликнулась Королева. – Два пенса в неделю и варенье на завтра!

Алиса рассмеялась.

– Нет, я в горничные не пойду, – сказала она. – К тому же варенье я не люблю!

– Варенье отличное, – настаивала Королева.

– Спасибо, но *сегодня* мне, право, не хочется!

– Сегодня ты бы его все равно *не получила*, даже если б очень захотела, – ответила Королева. – Правило у меня твердое: варенье на завтра! И *только* на завтра!

– Но ведь завтра когда-нибудь будет *сегодня*!

– Нет, никогда! Завтра *никогда* не бывает сегодня! Разве можно проснуться поутру и сказать: «Ну, вот, сейчас, наконец, завтра»?

– Ничего не понимаю, – протянула Алиса. – Все это так запутано!

– Просто ты не привыкла жить в обратную сторону 69, – добродушно объяснила Королева. – Поначалу у всех немного кружится голова...

– В обратную сторону! – повторила Алиса в изумлении. – Никогда такого не слыхала!

– Одно хорошо, – продолжала Королева. – Помнишь при этом и прошлое и будущее!

– У *меня* память не такая, – сказала Алиса. – Я не могу вспомнить то, что еще не случилось.

– Значит, у тебя память неважная, – заявила Королева.

– А *вы* что помните лучше всего? – спросила Алиса, набравшись храбрости.

– То, что случится через две недели, – небрежно сказала Королева, вынимая из кармана пластырь и заклеивая им палец. – Возьмем, к примеру, Королевского Гонца 71. Он сейчас в тюрьме, отбывает наказание, а суд начнется только в будущую среду. Ну, а про преступление он еще и не думал!

– А если он не совершит преступления? – спросила Алиса.
– Тем лучше, – сказала Королева и обвязала пластырь на пальце ленточкой. – Не правда ли?

Возражать было нечего.

– Конечно, – согласилась Алиса. – Только за что же его тогда наказывать?

– *Тут* ты ошибаешься, – сказала Королева. – Тебя когда-нибудь наказывали?

– Разве что за провинности, – призналась Алиса.

– И тебе это только пошло на пользу, правда? – произнесла торжествующе Королева.

– Да, но ведь меня было *за что* наказывать! – отвечала Алиса. – А это большая разница!

– И все же было бы лучше, если б тебя наказывать было *не за что!* Гораздо лучше! Да, лучше! Лучше! – ответила Королева. С каждым словом ее голос звучал все громче и, наконец, поднялся до крика.

– Здесь что-то не то... – начала Алиса, но тут Королева так завопила, что она замолчала на полуслове.

– А-а-а-а! – кричала Королева. – Кровь из пальца! Хлещет кровь!

При этом она так трясла рукой, словно хотела, чтобы палец вообще оторвался. Крик ее был пронзительным, словно свисток паровоза; Алиса зажала уши руками.

– Что случилось? – спросила она, как только Королева замолчала, чтобы набрать воздуха в легкие. – Вы укололи палец?

– *Еще не* уколола, – сказала Королева, – но сейчас уколую! А-а-а!

– Когда вы собираетесь сделать это? – спросила Алиса, с трудом сдерживая смех.

– Сейчас буду закалывать шаль и уколую, – простонала бедная Королева. – Брошка отколется сию минуту! А-а-а-а!

Тут брошка действительно откололась – Королева быстро, не глядя, схватила ее и попыталась приколоть обратно.

– Осторожно! – закричала Алиса. – Вы ее не так держите!

И она поспешила на помощь Королеве. Но было уже поздно – острие соскользнуло, и Королева уколола себе палец.

– Вот почему из пальца шла кровь, – сказала она с улыбкой Алисе. – Теперь ты понимаешь, как все здесь происходит! 73

– Но почему же вы сейчас не кричите? – спросила Алиса, снова готовясь зажать уши.

– Я уже откричалась, – ответила Королева. – К чему начинать все сначала?

В лесу между тем посветлело.

– Должно быть, ворон улетел, – сказала Алиса. – Как я рада! Я думала, уже ночь наступает.

– А я уже ничему не рада, – вздохнула Королева. – Забыла, как это делается. Тебе повезло: живешь в лесу, да еще радуешься, когда захочешь!

– Только здесь *очень* одиноко! – с грустью промолвила Алиса. Стоило ей подумать о собственном одиночестве, как две крупные слезы покатались у нее по щекам.

– Ах, умоляю тебя, не надо! – закричала Королева, в отчаянии ломая руки. – Подумай о том, какая ты умница! Подумай о том, сколько ты сегодня прошла! Подумай о том, который теперь час! Подумай о чем угодно – только не плачь!

Тут Алиса не выдержала и рассмеялась сквозь слезы.

– Разве, когда думаешь, *не плачешь?* – спросила она.

– Конечно, нет, – решительно отвечала Королева. – Ведь невозможно делать две вещи сразу! Давай для начала подумаем о том, сколько тебе лет.

– Мне ровно семь с половиной! Честное слово!

– Не клянись, – сказала Королева. – Я тебе и так верю! А вот теперь и *ты* попробуй мне поверить: мне ровно сто один год, пять месяцев и один день!

– *Не может быть!* – воскликнула Алиса. – Я этому поверить не могу!

– Не можешь? – повторила Королева с жалостью. – Попробуй еще раз: вздохни

поглубже и закрой глаза.

Алиса рассмеялась.

– Это не поможет! – сказала она. – Нельзя *поверить* в невозможное!

– Просто у тебя мало опыта, – заметила Королева. – В твоём возрасте я уделяла этому полчаса каждый день! В иные дни я успевала поверить в десяток невозможностей до завтрака! 74 Ах, опять моя шаль куда-то летит!

Брошь снова откололась, и внезапный порыв ветра сорвал шаль с плеч Королевы и понес её за ручеек. Королева распростерла руки и понеслась за шалью 76. На этот раз она поймала её сама.

– Попалась! – закричала она, торжествуя. – Смотри, на этот раз я заколю её сама, без посторонней помощи!

– Значит, палец у вас больше не болит? – спросила вежливо Алиса и вслед за Королевой перешла ручеек 77.

* * * * *

* * * * *

* * * * *

– Нет, не болит, – отвечала Королева. – Спасибо тебе... бе-е-е... бе-е-е... бе-е-е!

Она кричала все громче и громче, а последнее слово проблеяла, словно овца, – да так похоже, что Алиса совсем растерялась.

Она взглянула на Королеву – и не поверила своим глазам: в один миг Королева оделась овечьей шерстью. Алиса протерла глаза и снова взглянула на Королеву. Она никак не могла понять, что произошло. Где она? В лавочке? 78 И кто это сидит по ту сторону прилавка? Неужели *овца*? Но как она ни терла глаза, все оставалось без изменений: она стояла в темной комнате, облокотившись о прилавок, а напротив, в кресле сидела старенькая Овца и что-то вязала на спицах, поглядывая через огромные очки на Алису.

– Что ты хочешь купить? – спросила Овца наконец, подняв глаза от вязания.

– Я *еще* не знаю, – тихонько ответила Алиса. – Мне бы хотелось сначала осмотреться вокруг. Если можно, конечно...

– Осматривайся на здоровье! – сказала Овца. – Только выражайся точнее. Вперед, направо и налево ты смотреть можешь, но как ты собираешься смотреть *назад*, я, право, не знаю! Может, у тебя есть глаза на затылке?

Увы! На затылке у Алисы, как ни странно, глаз *не было* – пришлось ей просто повернуться и пойти вдоль полок.

Лавка была битком набита всякими диковинками, но вот что странно: стоило Алисе подойти к какой-нибудь полке и посмотреть на нее повнимательней, как она тотчас же пустела, хотя соседние полки прямо ломились от всякого товара.

– Какие здесь вещи текучие! – жалобно проговорила Алиса 79.

Вот уже несколько минут, как она гонялась за какой-то яркой вещицей. То ли это была кукла, то ли – рабочая шкатулка, но в руки она никак не давалась. Стоило Алисе потянуться

к ней, как она перелетала на полку повыше.

– Ужасно капризная вещица, – подумала про себя Алиса. – Хуже всех прочих...

Тут Алису осенило.

– Полезу за ней до самой верхней полки. Не улетит же она сквозь потолок!

Но из этой затеи ничего не вышло: вещица преспокойно вылетела себе сквозь потолок! Можно было подумать, будто она всю жизнь только этим и занималась.

– Скажи на милость: ты девочка или юла? – спросила Овца и взяла еще одну пару спиц. – Ты так вертишься, что у меня уже голова кружится.

В руках она сейчас держала четырнадцать пар спиц – и вязала на всех одновременно. Алиса смотрела на нее с величайшим удивлением.

– *Как* это у нее получается? – недоумевала Алиса. – С каждой минутой она все больше становится похожа на дикобраза!

– Грести умеешь? – спросила Овца и подала Алисе пару спиц.

– Немножко... Но только не на земле и... не спицами, конечно... – начала Алиса.

В ту же минуту спицы у нее в руках превратились в весла. Она увидела, что сидит в лодочке, а лодочка скользит по реке, меж берегов. Пришлось Алисе взяться за весла.

– Не зарывай! – крикнула Овца и прихватила еще одну пару спиц. Вряд ли она ждала ответа, так что Алиса промолчала и налегла на весла.

Вода в реке была какая-то странная: весла то и дело в ней завязали, и вытащить их было нелегко.

– Не зарывай! Не зарывай! – кричала Овца 80 и брала все больше и больше спиц в руки. – Что это ты там, ворон считаешь?

– А воронята какие славные! – подумала Алиса. – Как бы мне хотелось одного!

– Ты что, не слышишь? – сказала сердито Овца и взяла еще целую связку спиц. – Я тебе говорю: не зарывай!

– Еще бы не слышать! – отвечала Алиса. – Вы только это и говорите! Да еще так громко, к тому же! Скажите, а *где же* вороны?

– В небе, конечно! Где же им еще быть! – сказала Овца и воткнула несколько спиц себе в волосы (руки, у нее уже были полны). – Не зарывай же, тебе говорю!

– *Почему* вы все время говорите: «Не зарывай»? – спросила наконец Алиса с досадой. – Что я зарываю? И куда?

– Ум ты свой зарыла! А куда – не знаю!

Алиса немного обиделась, и разговор на время заглох, меж тем как лодка медленно скользила по воде, минуя то тихие заводи, поросшие водорослями (весла в них так увязли, что, казалось, вытащить их уже никогда не удастся), то деревья, склонившие ветки до самой воды. Крутые берега хмуро смотрели на них с обеих сторон.

– Взгляните! – вдруг в восторге закричала Алиса. – Душистые кувшинки! До чего красивые! Прошу вас...

– И не *проси!* – сказала Овца, не поднимая глаз от вязания. – Я их туда не сажала и вырывать их оттуда не собираюсь! Меня просить не о чем!

– Ах, нет, прошу вас, давайте нарвем кувшинок, – сказала Алиса. – Остановите, пожалуйста, лодку!

– Почему это я должна ее останавливать? – спросила Овца. – Не гребите – она и остановится!

Алиса подняла весла – лодка замедлила свой бег, и скоро течение тихонько поднесло ее к кувшинкам. Алиса осторожно засучила рукава и, погрузив руки по локти в воду, стала рвать кувшинки, стараясь, чтобы стебли были подлиннее. Волосы ее спутались и упали в воду, глаза жадно блестели; забыв и о вязании и об Овце, она склонилась над бортом лодки и рвала прелестные кувшинки.

– Только бы лодка не перевернулась, – думала она. – Ой, какая *красивая!* Как бы мне до нее дотянуться!

Обиднее всего было то, что, хотя ей и удалось сорвать несколько крупных кувшинок,

до самых красивых дотянуться она не смогла. («Можно подумать, что это они нарочно», – подумалось Алисе.)

– До самого красивого никогда не дотянешься, – сказала, наконец, Алиса со вздохом досады и выпрямилась.

Щеки у нее покраснелись, с волос и рук ручьями текла вода. Она уселась на место и принялась разбирать цветы.

Что ей было до того, что они вяли на глазах, теряя свою свежесть и красоту? Даже настоящие кувшинки держатся очень недолго, ну, а эти таяли как во сне. Но Алиса этого не замечала – вокруг творилось столько всего необычного!

Не успели они отплыть немного, как одно весло завязло в воде и ни за что *не желало* вылезать (так рассказывала об этом потом Алиса); оно ударило Алису ручкой под подбородок и, как она ни кричала, сбросило ее на дно лодки, прямо на груды цветов, лежащую там.

Как ни странно, Алиса совсем не ушиблась и тут же поднялась на ноги. Овца же все это время стучала спицами как ни в чем не бывало.

Алиса села на свое место, радуясь, что не упала в воду.

– Ну и ворона! – сказала Овца.

– Где? – спросила Алиса, оглядываясь. – Я не видала! Как жалко! Мне бы так хотелось привезти домой маленького вороненочка!

Овца в ответ только презрительно рассмеялась, не отрываясь от вязания.

– А много здесь ворон? – спросила Алиса.

– Ворон и всякого другого товара, – отвечала Овца. – Выбор богатый, только решишь! Так что ты *хочешь купить?*

– Купить? – повторила Алиса с недоумением и испугом.

Весла, река и лодочка исчезли в мгновение ока, и она снова оказалась в темной лавочке.

– Я бы хотела купить яйцо, если можно, – робко сказала она наконец. – Почему они у вас?

– За одно – пять пенсов с фартигом, а за два – два пенса, – объявила Овца.

– Значит, два яйца дешевле, чем одно? – удивилась Алиса, доставая кошелек.

– Только если купишь два, нужно оба *съесть*, – сказала Овца.

– Тогда дайте мне, пожалуйста, *одно* 81, – попросила Алиса и положила деньги на прилавок. Про себя же она подумала:

– Может, они несвежие, кто знает!

Овца взяла деньги и спрятала их в коробку, а потом сказала:

– Я никому ничего не даю в руки. Это бесполезно: тебе нужно, ты и бери! С этими словами она прошла в дальний конец лавки 82 и поставила на полку яйцо – острым концом вверх!

– Интересно, *почему* это бесполезно? – размышляла Алиса, пробираясь на ощупь между столами и стульями. В дальнем конце лавки было очень темно. – Что это? Чем ближе я подхожу к яйцу, тем дальше оно уходит от меня! А это что такое – стул? Почему же у него тогда ветки? Откуда здесь деревья? А вот ручеек! В жизни не видела такой странной лавки!

***** 83

Так размышляла Алиса, с каждым шагом удивляясь все больше и больше. Стоило ей подойти поближе, как все вокруг превращалось в деревья, и она уже думала, что и яйцо последует общему примеру.

Глава VI ШАЛТАЙ-БОЛТАЙ

Яйцо, однако, все росло и росло – в облике его постепенно стало появляться что-то человеческое. Подойдя поближе, Алиса увидела, что у него есть глаза, нос и рот, а сделав

еще несколько шагов, поняла, что это ШАЛТАЙ-БОЛТАЙ собственной персоной.

– Ну, конечно, это он – и никто другой! – сказала она про себя – Мне это так же ясно, как если бы его имя было написано у него на лбу!

Лоб этот был такой огромный, что имя уместилось бы на нем раз сто, не меньше.

Шалтай-Болтай сидел, сложив по-турецки ноги, на стене, такой тонкой, что Алиса только диву далась, как это он не падает; и, так как глаза его были неподвижно устремлены в противоположном направлении и он не обращал на нее ни малейшего внимания, она решила, что это просто-напросто чучело.

– А как похож на яйцо! – произнесла она вслух и подставила руки, чтобы поймать его, если он свалится со стены.

– До чего мне это *надоело!* – сказал вдруг после долгого молчания Шалтай-Болтай, не глядя на Алису. – Все зовут меня яйцом – ну просто *все до единого!*

– Я только сказала, что вы *похожи* на яйцо, сэр, – мягко пояснила Алиса. – К тому же некоторые яйца очень хороши собой.

Ей хотелось сказать ему что-нибудь приятное, чтобы смягчить невольную обиду.

– А некоторые люди очень умны, – сказал Шалтай, все так же глядя в сторону, – совсем как грудные младенцы!

Алиса не знала, что отвечать; беседа не клеилась – к тому же какая это беседа, если он на нее ни разу и не взглянул? Последнюю фразу он произнес, обращаясь, по всей видимости, к дереву. Алиса стояла и тихонько повторяла про себя:

Шалтай-Болтай сидел на стене 84.

Шалтай-Болтай свалился во сне.

Вся королевская конница, вся королевская рать

Не может Шалтая,

Не может Болтая,

Шалтая-Болтая,

Болтая-Шалтая,

Шалтая-Болтая собрать!

– Зачем повторять одно и то же столько раз! – чуть не сказала она вслух, совсем забыв, что Шалтай может ее услышать. – И так все ясно.

– Что это ты там бормочешь? – спросил Шалтай, впервые прямо взглянув на нее. – Скажи-ка мне лучше, как тебя зовут и зачем ты сюда явилась.

– *Меня* зовут Алиса, а...

– Какое глупое имя, – нетерпеливо прервал ее Шалтай-Болтай. – Что оно значит?

– Разве имя *должно* что-то значить? – проговорила Алиса с сомнением.

– Конечно, должно, – ответил Шалтай-Болтай и фыркнул. – Возьмем, к примеру, мое имя – оно выражает мою суть! Замечательную и чудесную суть! А с таким именем, как у тебя, ты можешь оказаться чем угодно 86... Ну, просто чем угодно!

– А почему вы здесь сидите совсем один? – спросила Алиса, не желая вступать с ним в спор.

– Потому, что со мной здесь никого нет! – крикнул в ответ Шалтай-Болтай. – Ты думала, я не знаю, как *ответить?* Загадай мне еще что-нибудь!

– А вам не кажется, что внизу вам будет спокойнее? – снова спросила Алиса. Она совсем не собиралась загадывать Шалтаю загадки, просто она волновалась за этого чудака. – Стена такая тонкая!

– Ужасно легкие загадки ты загадываешь! – проворчал Шалтай. – К чему мне падать? Но даже если б я *упал* – что совершенно исключается, – но даже если б это вдруг случилось...

Тут он поджал губы с таким величественным и важным видом, что Алиса с трудом удержалась от смеха.

– Если б я все-таки упал, – продолжал Шалтай, – Король обещал мне ... Ты, я вижу, побледнела. Немудрено! Этого ты не ожидала, да? Король обещал мне ... Да, он так мне прямо и сказал, что он...

– ...Пошлет всю свою конницу, всю свою рать! – не выдержала Алиса.

Лучше бы она этого не говорила!

– Ну, уж это слишком! – закричал Шалтай-Болтай сердито. – Ты подслушивала под дверью... за деревом... в печной трубе... А не то откуда бы тебе об этом знать!

– Нет, я не подслушивала, – возразила Алиса. – Я узнала об этом из книжки.

– А-а, ну, в книжке про это могли написать, – смягчился Шалтай. – Это, можно сказать, «История Англии»! Так, кажется, вы ее называете? Смотри же на меня хорошенько! Это я разговаривал с Королем, я – и никто другой! Кто знает, увидишь ли ты другого такого! Можешь позвать мне руку – я не гордый!

И он ухмыльнулся во весь рот, подался вперед (так что чуть не упал со стены) и протянул Алисе руку. Алиса пожалала ее, с тревогой глядя на Шалтая.

– Стоит ему улыбнуться пошире, – подумала она, – как уголки его рта сойдутся на затылке. Не знаю, что тогда будет с его головой... Она тогда просто отлетит!

– Да-да! – говорил меж тем Шалтай-Болтай, – вся королевская конница, вся королевская рать кинется ко мне на помощь. Они меня живо соберут, можешь не сомневаться! Впрочем, мы слишком далеко зашли в нашей беседе. Давай вернемся к предпоследнему замечанию...

– К сожалению, я не очень хорошо его помню, – сказала Алиса вежливо.

– В таком случае начнем все сначала, – отвечал Шалтай-Болтай. – Теперь моя очередь спрашивать! – («Можно подумать, что мы играем в такую игру!» – подумала Алиса). – Вот тебе вопрос! Как ты сказала, сколько тебе лет?

Алиса быстро посчитала в уме и ответила:

– Семь лет и шесть месяцев!

– А вот и ошиблась! – закричал торжествуя Шалтай. – Ты ведь мне об этом ни слова не сказала!

– Я думала, вы хотели спросить, сколько мне лет? – пояснила Алиса.

– Если б я хотел, я бы так и спросил, – сказал Шалтай.

Алиса решила не затевать новый спор и промолчала.

– Семь лет и шесть месяцев, – повторил задумчиво Шалтай. – Какой неудобный возраст! Если б ты со мной посоветовалась, я бы тебе сказал: «Остановись на семи!» Но сейчас уже поздно.

– Я никогда ни с кем не советуюсь, расти мне или нет, – возмущенно сказала Алиса.

– Что, гордость не позволяет? – поинтересовался Шалтай.

Алиса еще больше возмутилась.

– Ведь это от меня не зависит, – сказала она. – Все растут! Не могу же я одна не расти!

– Одна, возможно, и не можешь, – сказал Шалтай. – Но вдвоем уже гораздо проще. Позвала бы кого-нибудь на помощь – и прикончила б все это дело к семи годам! 87

– Какой у вас красивый пояс! – заметила вдруг Алиса. (Достаточно уже они поговорили о возрасте, и если они и вправду по очереди выбирали темы для беседы, то теперь был ее черед.)

– Нет, не пояс, а галстук! – тут же поправились она. – Ведь это, конечно, галстук... Или нет... Я, кажется, опять ошиблась. Это пояс!

Шалтай-Болтай нахмурился.

– Пожалуйста, простите!

Вид у Шалтая был такой обиженный, что Алиса подумала: «Зачем только я заговорила про это!»

– Если б только я могла разобрать, где у него шея, а где талия, – сказала она про себя.

Судя по всему, Шалтай-Болтай очень рассердился. С минуту он молчал, а потом просипел глубоким басом:

– Как мне ... надоели ... все, кто не может отличить пояса от галстука!
– Я страшно необразованная, я знаю! – сказала Алиса с таким смирением, что Шалтай мгновенно смягчился.

– Это галстук, дитя мое! И очень красивый! Тут ты совершенно права! Подарок от Белого Короля и Королевы! Понятно?

– Неужели? – воскликнула Алиса, радуясь, что тема для разговора была все же выбрана удачно .

– Они подарили его мне, – продолжал задумчиво Шалтай-Болтай, закинув ногу за ногу и обхватывая колено руками, – они подарили его мне на день... на день нерождения.

– Простите? – переспросила Алиса, растерявшись.

– Я не обиделся, – отвечал Шалтай-Болтай. – Можешь не извиняться!

– Простите, но я не поняла: подарок на день нерождения? Что это такое?

– Подарок, который тебе дарят не на день рождения, конечно.

Алиса задумалась.

– Мне больше нравятся подарки на день рождения, – сказала она наконец.

– А вот и зря! – вскричал Шалтай-Болтай. – Сколько в году дней?

– Триста шестьдесят пять.

– А сколько у тебя дней рождения?

– Один.

– Триста шестьдесят пять минус один – сколько это будет?

– Триста шестьдесят четыре, конечно.

Шалтай-Болтай поглядел на Алису с недоверием.

– Ну-ка, посчитай на бумажке, – сказал он 88.

Алиса улыбнулась, вынула из кармана записную книжку и написала:

365

–1

–

364

Шалтай-Болтай взял книжку и уставился в нее.

– Кажется, здесь нет ошибок... – начал он.

– Вы ее держите вверх ногами, – прервала его Алиса.

– Ну, конечно, – весело заметил Шалтай-Болтай и взял перевернутую Алисой книжку. – То-то я смотрю, как странно все это выглядит! Поэтому я и сказал: «Кажется, здесь нет ошибки!», – хоть я и не успел разобраться как следует... Значит так: триста шестьдесят четыре дня в году ты можешь получать подарки на день нерождения...

– Совершенно верно, – сказала Алиса.

– И только *один* раз на день рождения! Вот тебе и слава!

– Я не понимаю, при чем здесь «слава»? – спросила Алиса.

Шалтай-Болтай презрительно улыбнулся.

– И не поймешь, пока я тебе не объясню, – ответил он. – Я хотел сказать: «Разъяснил, как по полкам разложил!»

– Но «слава» совсем не значит: «разъяснил, как по полкам разложил!» – возразила Алиса.

– Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше, – сказал Шалтай презрительно.

– Вопрос в том, подчинится ли оно вам, – сказала Алиса.

– Вопрос в том, кто из нас здесь хозяин, – сказал Шалтай-Болтай 89. – Вот в чем вопрос!

Алиса вконец растерялась и не знала, что и сказать; помолчав с минуту, Шалтай-Болтай заговорил снова.

– Некоторые слова очень вредные. Ни за что не поддаются! Особенно глаголы! Гонору в них слишком много! Прилагательные попроще – с ними делай, что хочешь. Но глаголы себе на уме! Впрочем, я с ними со всеми справляюсь. Световодозвуконепроницаемость! Вот что я говорю!

– Скажите, пожалуйста, что это такое? – спросила Алиса.

– Вот теперь ты говоришь дело, дитя, – ответил Шалтай, так и сияя от радости. – Я хотел сказать: «Хватит об этом! Скажи-ка мне лучше, что ты будешь делать дальше! Ты ведь не собираешься всю жизнь здесь сидеть!»

– И все это в одном слове? – сказала задумчиво Алиса. – Не слишком ли это много для одного!

– Когда одному слову так достается, я всегда плачу ему сверхурочные, – сказал Шалтай-Болтай.

– Ах, вот как, – заметила Алиса.

Она совсем запуталась и не знала, что и сказать.

– Посмотрела бы ты, как они окружают меня по субботам, – продолжал Шалтай, значительно покачивая головой. – Я всегда сам выдаю им жалованье.

(Алиса не решилась спросить, чем он им платит, поэтому и я ничего не могу об этом сказать.)

– Вы так хорошо объясняете слова, сэр, – сказала Алиса. – Объясните мне, пожалуйста, что значит стихотворение под названием «Бармаглот».

– Прочитай-ка его, – ответил Шалтай. – Я могу тебе объяснить все стихи, какие только были придуманы, и кое-что из тех, которых еще не было!

Это обнадежило Алису, и она начала:

*Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве.
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.*

– Что же, хватит для начала! – остановил ее Шалтай. – Здесь трудных слов достаточно! Значит, так: «варкалось» – это четыре часа пополудни, когда пора уже варить обед.

– Понятно, – сказала Алиса, – а «хливкие»?

– «Хливкие» – это хлипкие и ловкие. «Хлипкие» значит то же, что и «хилые». Понимаешь, это слово как бумажник. Раскроешь, а там два отделения! 91 Так и тут – это слово раскладывается на два!

– Да, теперь мне ясно, – заметила задумчиво Алиса. – А «шорьки» кто такие?

– Это помесь хорька, ящерицы и штопора!

– Забавный, должно быть, у них вид!

– Да, с ними не соскучишься! – согласился Шалтай. – А гнезда они вьют в тени солнечных часов. А едят они сыр.

– А что такое «пырялись»?

– Прыгали, ныряли, вертелись!

– А «нава», – сказала Алиса, удивляясь собственной сообразительности. – Это трава под солнечными часами, верно?

– Ну да, конечно! Она называется «нава», потому что простирается немножко направо... немножко налево...

– И немножко назад! – радостно закончила Алиса 93.

– Совершенно верно! Ну, а «хрюкотали» это хрюкали и хохотали... или, может, летали, не знаю. А «зелюки» это зеленые индюки! Вот тебе еще один бумажник!

– А «мюмзики» – это тоже такие зверьки? – спросила Алиса. – Боюсь, я вас очень затрудняю.

– Нет, это птицы! Бедные! Перья у них растрепаны и торчат по все стороны, будто веник... Ну а насчет «новы» я и сам сомневаюсь. По-моему, это значит «далеко от дома». Смысл тот, что они потерялись. Надеюсь, ты теперь *довольна!* Где ты слышала такие мудреные вещи?

– Я прочитала их сама в книжке, – ответила Алиса. – А вот Траляля... да, кажется, Траляля, читал *мне* стихи, так они были гораздо понятнее!

– Что до стихов, – сказал Шалтай и торжественно поднял руку, – я тоже их читаю не хуже других. Если уж на то пошло...

– Ах, нет, пожалуйста, не надо, – торопливо сказала Алиса.

Но он не обратил на ее слова никакого внимания.

– Вещь, которую я сейчас прочитаю, – произнес он, – была написана специально для того, чтобы тебя развлечь.

Алиса поняла, что *придется* ей его выслушать. Она села и грустно сказала:

– Спасибо.

*Зимой, когда белы поля,
Пою, соседей веселя.*

– Это так только говорится, – объяснил Шалтай. – Конечно, я совсем не пою.

– Я вижу, – сказала Алиса.

– Если ты *видишь*, пою я или нет, значит, у тебя очень острое зрение, – ответил Шалтай.

Алиса промолчала.

*Весной, когда растет трава,
Мои припомните слова.*

– Постараюсь, – сказала Алиса.

*А летом ночь короче дня,
И, может, ты поймешь меня.*

*Глубокой осенью в тиши
Возьми перо и запиши.*

– Хорошо, – сказала Алиса. – Если только я к тому времени их не позабуду.

– А ты не можешь помолчать? – спросил Шалтай. – Несешь ерунду – только меня сбиваешь.

*В записке к рыбам как-то раз
Я объявил: «Вот мой приказ».*

*И вскоре (через десять лет)
Я получил от них ответ.*

*Вот что они писали мне:
«Мы были б рады, но мы не...»*

– Боюсь, я не совсем понимаю, – сказала Алиса.

– Дальше будет легче, – ответил Шалтай-Болтай.

*Я им послал письмо опять:
«Я вас прошу не возражать!»*

*Они ответили: «Но, сэр!
У вас, как видно, нет манер!»*

*Сказал им раз, сказал им два –
Напрасны были все слова.*

*Я больше вытерпеть не мог.
И вот достал я котелок...*

*(А сердце – бух, а сердце – стук),
Налил воды, нарезал лук.*

*Тут Некто из Чужой Земли
Сказал мне: «Рыбки спать легли».*

*Я отвечал: «Тогда пойдя
И этих рыбок разбуди».*

*Я очень громко говорил,
Кричал я из последних сил.*

Шалтай-Болтай прокричал последнюю строчку так громко, что Алиса подумала:
– Не завидую я этому чужестранцу!

*Но он был горд и был упрям,
И он сказал: «Какой бедлам!»*

*Он был упрям и очень горд,
И он воскликнул: «Что за черт!»*

*Я штопор взял и ватерпас,
Сказал я: «Обойдусь без вас!»*

*Я волновался неспроста –
Дверь оказалась заперта.*

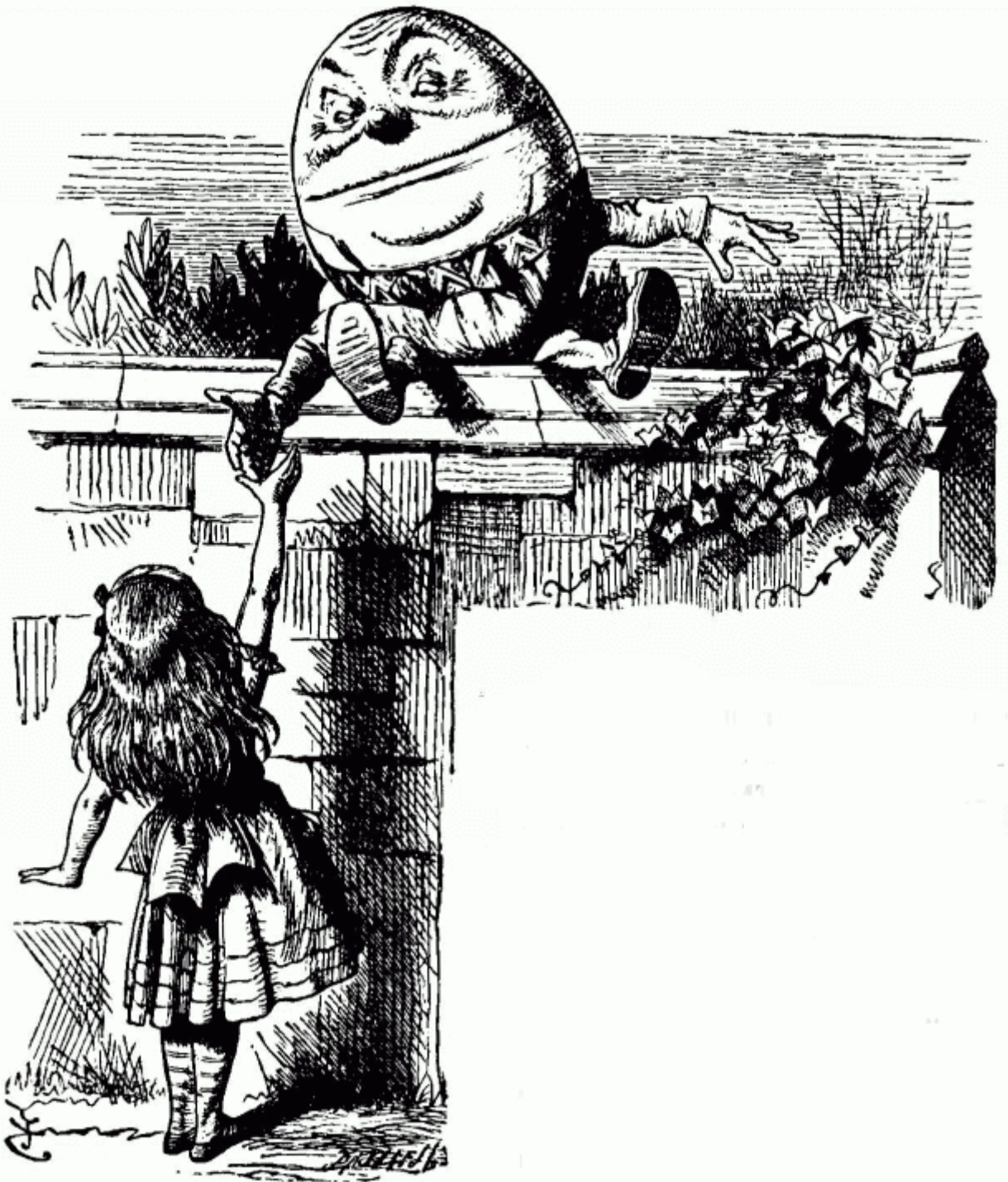
*Стучал я в дверь, стучал в окно
И достучался бы я, но...*

Наступило долгое молчание.

– И это все? – спросила робко Алиса.

– Да, – сказал Шалтай-Болтай. – Прощай!

Этого Алиса не ожидала, но после такого *прозрачного* намека оставаться было бы невежливо. Она встала и протянула Шалтаю руку.

– До свидания, – сказала она, стараясь, чтобы голос ее звучал бодро. – Надеюсь, мы еще встретимся.

– Даже если *встретимся*, я тебя все равно не узнаю, – недовольно проворчал Шалтай и подал ей один палец. – Ты так похожа на всех людей!

– Обычно людей различают по лицам, – заметила задумчиво Алиса.

– Вот я и говорю, – сказал Шалтай-Болтай. – Все на одно лицо: два глаза (и он дважды ткнул большим пальцем в воздухе)... в середине – нос, а под ним – рот. У всех всегда одно и то же! Вот если бы у тебя оба глаза были на одной стороне, а рот на лбу, тогда я, *возможно*, тебя бы запомнил.

– Но это было бы так некрасиво! – возразила Алиса.

В ответ Шалтай-Болтай только закрыл глаза и сказал:

– Попробуй – увидишь!

Алиса немножко подождала, не скажет ли он еще что-нибудь, но он не открывал глаз и вел себя так, словно ее здесь и не было.

– До свидания, – сказала она снова и, не получив ответа, тихонько пошла прочь.

Она шла и шептала:

– В жизни не встречала такого препротивнейшего...

Она остановилась и громко повторила это слово – оно было такое длинное, что произносить его было необычайно приятно.

– В *жизни* не встречала такого препротивнейшего...

Но ей не суждено было закончить эту фразу: страшный грохот прокатился по лесу.

Глава VII ЛЕВ И ЕДИНОРОГ

В тот же миг по лесу побежала королевская рать – солдаты бежали сначала по двое и по трое, потом десятками и сотнями и, наконец, огромными толпами, так что, казалось, весь лес наполнился ими; Алиса испугалась, как бы ее не затоптали, и, спрятавшись за дерево, смотрела на них.

Никогда в жизни ей не доводилось видеть солдат, которые так плохо бы держались на ногах: они то и дело спотыкались и падали, а стоило одному из них упасть, как на него тут же валился еще десяток, так что вскоре по всему лесу солдаты валялись кучами.

За солдатами появилась королевская конница. У коней все же было по четыре ноги, но и они порой спотыкались, и, если уж конь спотыкался, всадник – такое уж, видно, тут было правило – тотчас летел на землю. В лесу началась кутерьма, и Алиса рада была выбраться на полянку, где она увидела Белого Короля – он сидел на земле и что-то торопливо писал в записной книжке.

– Я послал всю королевскую конницу и всю королевскую рать! – воскликнул Король радостно, завидев Алису. – Ты шла лесом, милая? Ты их, наверное, видела?

– Да, видела, – сказала Алиса. – Как тут не увидеть. Их там целые тысячи!

– Точнее, четыре тысячи двести семь человек, – сказал Король, заглянув в записную книжку. – Я оставил себе только двух коней – они мне нужны для игры 94. И двух гонцов я тоже не послал – они в городе. Я жду их с минуты на минуту. Взгляни-ка на дорогу! Кого ты там видишь?

– Никого, – сказала Алиса.

– Мне бы такое зрение! – заметил Король с завистью. – Увидеть Никого! Да еще на таком расстоянии! А я против солнца и настоящих-то людей с трудом различаю!

Но Алиса его не слушала: она не отрываясь смотрела из-под руки на дорогу.

– Там кто-то идет! – сказала она наконец. – Только очень медленно. И как-то странно!

(Гонец прыгал то на одной ножке, то на другой, а то извивался ужом, раскинув руки, как крылья.)

– А-а! – сказал Король. – Это Англосаксонский Гонец со своими англосаксонскими позами 95. Он всегда так, когда думает о чем-нибудь веселом. А зовут его Зай Атс 97.

– «Мою любовь зовут на З», – быстро начала Алиса 98. – Я его люблю, потому что он Задумчивый. Я его боюсь, потому что он Задира. Я его кормлю... Запеканками и Занозами. А живет он...

– Здесь, – сказал Король, и не помышляя об игре: пока Алиса искала город на З, он в простоте душевной закончил ее фразу.

– А второго гонца зовут Болванс Чик, – прибавил Король. – У меня их *два* – один бежит туда, а другой – оттуда.

– Прошу вас... – начала Алиса.

– Не попрошайничай, – сказал Король строго. – Порядочные люди этого не делают!

– Я просто хотела сказать: «Прошу вас, объясните мне это, пожалуйста». Как это: один бежит туда, а другой оттуда? Я не понимаю...

– Но я же тебе говорю: у меня их *два!* – отвечал Король нетерпеливо. – Один живет, другой – хлеб жует.

В эту минуту к ним подбежал Гонец; он так запыхался, что не мог произнести ни слова – только махал руками и строил бедному Королю рожи.

– Эта молодая особа любит тебя, потому что ты задумчивый, – сказал Король, представляя Алису. Он надеялся отвлечь внимание Гонца, но тщетно – Англосаксонский Гонец не бросил своих штучек, а только бешено завращал глазами и принялся выкидывать одно коленце чуднее другого.

– Ты меня пугаешь! – сказал Король. – Мне дурно... Дай мне запеканки!

К величайшему восторгу Алисы, Гонец тут же открыл сумку, висевшую у него через плечо, вынул запеканку и подал Королю, который с жадностью ее проглотил.

- Еще! – потребовал Король.
- Больше не осталось – одни занозы, – ответил Гонец, заглянув в сумку.
- Давай занозы, – прошептал Король, закатывая глаза.
- Занозы Королю явно помогли, и Алиса вздохнула с облегчением.
- Когда тебе дурно, всегда ешь занозы, – сказал Король, усиленно работая челюстями. – Другого такого средства не сыщешь!
- Правда? – усомнилась Алиса. – Можно ведь брызнуть холодной водой или дать понюхать нашатырю. Это лучше, чем занозы!
- Знаю, знаю, – отвечал Король. – Но я ведь сказал: «Другого такого средства не сыщешь!» *Другого*, а не *лучше*!
- Алиса не решилась ему возразить.
- Кого ты встретил по дороге? – спросил Король Гонца, протягивая руку за второй порцией заноз.
- Никого, – отвечал Гонец.
- Слышал, слышал, – сказал Король. – Эта молодая особа тоже его видела. Он, значит, не так быстро бегают, как ты?
- Я стараюсь, как могу, – отвечал угрюмо Гонец. – Никто меня не обгонит! 99
- Конечно, не обгонит, – подтвердил Король. – Иначе он пришел бы сюда первым! Что ж, ты теперь отдышался, скажи-ка, что слышно в городе?
- Лучше я шепну вам на ухо, – сказал Гонец и, поднеся руки трубкой ко рту, нагнулся к Королю. Алиса огорчилась – ей тоже хотелось знать, что происходит в городе. Но Гонец гаркнул Королю прямо в ухо:
- Они опять взялись за свое!
- *Это*, по-твоему, шепот? – вскричал бедный Король, подскочив на месте и передергивая плечами. – Не смей больше так кричать! А не то живо велю тебя поджарить на сливочном масле! У меня в голове все гудит, словно там землетрясение!

– Маленькое такое землетрясеньице, – подумала про себя Алиса. Вслух же она спросила:

– Кто взялся за свое?

– Как – кто? Единорог и Лев, конечно, – отвечал Король.

– Смертный бой за корону? – спросила Алиса.

– Ну, конечно, – сказал Король. – Смешнее всего то, что они бьются за *мою* корону! Побежим, посмотрим?

И они побежали. На бегу Алиса твердила про себя слова старой песенки:

Вел за корону смертный бой со Львом Единорог 100.

Гонял Единорога Лев вдоль городских дорог.

Кто подавал им черный хлеб, а кто давал пирог,

А после их под барабан прогнали за порог.

– Кто... победит... получит... корону? – спросила Алиса, тяжело дыша.

– Ну, нет! – сказал Король 101. – Что это тебе в голову пришло?

– Будьте так добры... – проговорила, задыхаясь, Алиса. – Давайте сядем на минутку... чтоб отдышаться немного.

– Сядем *на* Минутку? – повторил Король. – И это ты называешь *добротой*? К тому же Минутку надо сначала поймать. А мне это не под силу! Она пролетает быстро, как Брандашмыг! За ней не угонишься!

У Алисы от бега перехватило дыхание – она не могла в ответ сказать ни слова. Молча они побежали дальше, пока не увидели, наконец, огромную толпу, окружившую Льва и Единорога, которые бились так, что пыль стояла столбом... Поначалу Алиса никак не могла разобрать, где Лев, а где Единорог, но, наконец, узнала Единорога по торчащему вперед рогу.

Они протиснулись вперед и стали рядом со вторым Гонцом, Болванс Чиком, который наблюдал бой, держа в одной руке чашку с чаем, а в другой – бутерброд.

– Его только что выпустили из тюрьмы, – шепнул Зай Атс Алисе. – А когда его взяли, он только что начал пить чай. В тюрьме же их кормили одними устричными ракушками. Вот почему он так голоден.

И, подойдя к Болванс Чику, он нежно обнял его за плечи.

– Как поживаешь, дитя? – спросил он.

Болванс Чик оглянулся, кивнул и снова принялся жевать.

– Хорошо тебе было в тюрьме, дитя? – спросил Зай Атс.

Болванс Чик снова оглянулся: из глаз его упали две слезы – и опять он не сказал ни слова.

– Что же ты молчишь? – нетерпеливо вскричал Зай Атс.

Но Болванс Чик только откусил еще хлеба и запил его чаем.

– Что же ты молчишь? – воскликнул король. – Как тут они дерутся?

Болванс Чик сделал над собой отчаянное усилие и разом проглотил большой кусок хлеба с маслом.

– Очень хорошо, – отвечал он, давясь. – Каждый из них вот уже около восьмидесяти семи раз был сбит с ног!

– Значит, скоро им подадут черный хлеб и пирог? – спросила, осмелев, Алиса.

– Да, уже все готово, – отвечал Болванс Чик. – Я даже отрезал себе кусочек.

Тут бой прекратился, и Лев с Единорогом уселись, тяжело дыша, на землю.

– Перерыв – десять минут! – закричал Король. – Всем подкрепиться!

Гонцы вскочили на ноги и обнесли всех хлебом. Алиса взяла кусочек на пробу, но он был *очень* сухой.

– Вряд ли они будут сегодня еще драться, – сказал Король Болванс Чику. – Поди, вели барабанщикам начинать!

Болванс Чик кинулся исполнять приказание.

Алиса молча смотрела ему вслед. Вдруг она оживилась.

– Смотрите! Смотрите! – закричала она. – Вон Белая Королева! Выскочила из лесу и бежит через поле! 102 Как эти Королевы *носятся!*

– Ей, видно, кто-то грозит, – проговорил Король, не поднимая глаз. – Какой-нибудь враг! Тот лес ими так и кишит!

– Разве вы не поспешите ей на помощь? – спросила Алиса, не понимая, почему он так спокоен.

– Не к чему! Не к чему! – сказал Король. – Она так бежит, что ее не догонишь! Все равно что пытаться поймать Брандашмыга! Но, если хочешь, я сделаю о ней запись в своей книжке...

Он открыл книжку и начал писать.

«Она такое милое и доброе существо», – произнес он вполголоса и взглянул на Алису. – Как писать «существо» – через «е» или «и»?

Мимо, сунув руки в карманы, прошествовал Единорог.

– Сегодня я взял верх, – бросил он небрежно, едва взглянув на Короля.

– Слегка, – нервно отвечал Король. – Только зачем вы проткнули его насквозь?

– Больно ему не было, – сказал Единорог спокойно.

И пошел было мимо. Но тут взгляд его упал на Алису. Он круто повернулся и начал разглядывать ее с глубочайшим отвращением.

– Это... что... такое? – спросил он наконец.

– Это детеныш, – с готовностью ответил Зай Атс. Он подошел к Алисе и, представляя ее, широко повел обеими руками, приняв одну из Англосаксонских поз. – Мы только сегодня ее нашли! Это самый настоящий, живой детеныш – живее некуда!

– А я-то всегда был уверен, что дети – просто сказочные чудища, – заметил Единорог. – Как ты сказал? Она живая?

– Она говорящая, – торжественно отвечал Зай Атс.

Единорог задумчиво посмотрел на Алису и проговорил:

– Говори, детеныш!

Губы у Алисы дрогнули в улыбке, и она сказала:

– А, знаете, я всегда была уверена, что единороги – просто сказочные чудища! Я никогда не видела живого единорога!

– Что ж, теперь, когда мы *увидели* друг друга, – сказал Единорог, – можем договориться: если ты будешь верить в меня, я буду верить в тебя! Идет?

– Да, если вам угодно, – отвечала Алиса.

– Подавай-ка пироги, старина, – продолжал Единорог, поворачиваясь к Королю. – Черный хлеб я в рот не беру!

– Сейчас, сейчас, – пробормотал Король и подал знак Болванс Чикю. – Открой сумку – да поживее! – прошептал он. – Да не ту, там одни занозы!

Болванс Чик вынул из сумки огромный пирог и дал его Алисе подержать, а сам достал еще блюдо и большой хлебный нож. Как там столько уместилось, Алиса понять не могла. Все это было похоже на фокус в цирке.

В это время к ним подошел Лев – вид у него был усталый и сонный, глаза то и дело закрывались.

– А это что такое? – спросил он, моргая, голосом глухим и глубоким, словно колокол 103.

– Попробуй *отгадай!* – воскликнул радостно Единорог. – Ни за что не отгадаешь! Я и то не смог!

Лев устало посмотрел на Алису.

– Ты кто? – спросил он, зевая после каждого слова. – Животное?.. Растение?.. Минерал?..

Не успела Алиса и рта раскрыть, как Единорог закричал:

– Это сказочное чудище – вот это кто!

– Что ж, угости нас пирогом, Чудище, – сказал Лев и улегся на траву, положив подбородок на лапы.

И, взглянув на Короля и Единорога, прибавил:

– Да сядьте вы! Только смотрите мне – пирог делить по-честному!

Королю, видно, не очень-то хотелось сидеть между Единорогом и Львом, но делать было нечего: другого места для него не нашлось.

– А вот *сейчас* можно бы устроить великолепный бой за корону, – сказал Единорог, хитро поглядывая на Короля. Бедный Король так дрожал, что корона чуть не слетела у него с головы.

– Я бы легко одержал победу, – сказал Лев.

– Сомневаюсь, – заметил Единорог.

– Я ж тебя прогнал по всему городу, щенок, – разгневался Лев и приподнялся.

Ссора грозила разгореться, но тут вмешался Король. Он очень нервничал, и голос его дрожал от волнения.

– По всему городу? – переспросил он. – Это немало! Как вы гонялись – через старый мост или через рынок? Вид со старого моста не имеет себе равных... 105

– Не знаю, – проворчал Лев и снова улегся на траву. – Пыль стояла столбом – я ничего

не видел. Что это Чудище так долго режет пирог?

Алиса сидела на берегу ручейка, поставив большое блюдо себе на колени, и прилежно водила ножом.

– Ничего не понимаю! – сказала она Льву (она уже почти привыкла к тому, что ее зовут Чудищем). – Я уже отрезала несколько кусков, а они опять срстаются!

– Ты не умеешь обращаться с Зазеркальными пирогами, – заметил Единорог. – Сначала раздай всем пирога, а потом разрежь его!

Конечно, это было бессмысленно, но Алиса послушно встала, обнесла всех пирогом, и он тут же разделился на три части.

– А *теперь* разрежь его, – сказал Лев, когда Алиса села на свое место с пустым блюдом в руках.

– Это нечестно! – закричал Единорог. (Алиса в растерянности смотрела на пустое блюдо, держа в руке нож.) – Чудище дало Льву кусок вдвое больше моего! 106

– Зато себе оно ничего не взяло, – сказал Лев. – Ты любишь сливовый пирог, Чудище? Не успела Алиса ответить, как забили барабаны.

Она никак не могла понять, откуда раздается барабанная дробь, но воздух прямо дрожал от нее. Барабаны гремели все громче и громче и совсем оглушили Алису.

Она вскочила на ноги и в ужасе бросилась бежать, перепрыгнув

через ручеек. Краем глаза она увидела, как Лев и Единорог поднялись с места, разгневавшись, что их оторвали от еды, а потом упала на колени и зажала руками уши, тщетно стараясь приглушить этот отчаянный грохот.

– Если сейчас они не убегут из города, – подумала она, – тогда уж они останутся тут навек!

Глава VIII «ЭТО МОЕ СОБСТВЕННОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ!»

Немного спустя шум постепенно затих, и наступила такая мертвая тишина, что Алиса в тревоге подняла голову. Вокруг не было видно ни души. Уж не приснились ли ей и Лев, и Единорог, и странные Англосаксонские Гонцы, подумала Алиса. Но на земле, у ее ног все еще лежало огромное блюдо, на котором она пыталась разрезать пирог.

– Значит, все это мне не приснилось! – сказала про себя Алиса. – А, впрочем, может, все мы снимся кому-нибудь еще? Нет, пусть уж лучше это будет *мой* сон, а не сон Черного Короля!

Подумав, она жалобно продолжала:

– Не хочу я жить в чужом сне! Вот пойду и разбужу его! Посмотрим, что тогда будет!

В эту минуту мысли ее были прерваны громким криком:

– Эй, остановись! Шах тебе! Шах!

Она подняла глаза и увидела, что на нее во весь опор несется Черный Конь, на котором, размахивая огромной дубинкой, сидит закованный в черные латы Рыцарь. Доскакав до Алисы, Конь остановился 107.

– Ты моя пленница! – крикнул Рыцарь и свалился с коня.

Алиса попятилась; правда, она испугалась больше за него, чем за себя, и с волнением следила, как Рыцарь снова вскарабкался в седло. Усевшись поудобнее, он снова начал:

– Ты моя плен...

Но тут его прервал чей-то голос:

– Эй, остановись! Шах тебе! Шах!

Алиса удивленно оглянулась.

Это был Белый Рыцарь, сидящий на Белом Коне 108. Он подскакал к Алисе и тоже свалился на землю, а потом снова вскарабкался в седло.

Рыцари сидели на своих Конях и молча смотрели друг на друга. Алиса с недоумением переводила взгляд с одного на другого.

– Это я взял ее в плен! – сказал, наконец, Черный Рыцарь.

– Да, но потом явился я и спас ее! – ответил Белый Рыцарь.

– Что ж, в таком случае придется нам решить спор в честном поединке, – предложил Черный Рыцарь, снимая с луки шлем в форме конской головы и надевая его на голову.

– Биться будем по всем правилам, конечно? – спросил Белый Рыцарь и тоже надел шлем.

– Я всегда бьюсь только так, – ответил Черный Рыцарь.

И они скрестили дубинки с такой силой, что Алиса в страхе спряталась за дерево.

– Интересно, – подумала она, робко выглядывая из своего убежища, – какие у них правила? Первое, по-моему, такое: если один Рыцарь ударит другого дубинкой, он сшибает его с лошади, а если промахнется – падает сам... А второе правило, должно быть, такое: дубинки надо держать обеими руками, как держат их Панч и Джуди, когда дерутся 109. Как эти Рыцари гремят, когда падают на землю! Можно подумать, что дюжину каминных щипцов швыряют о каминную решетку. А Кони какие спокойные! Рыцари падают, залезают на них снова, а они и ухом не ведут!

Было еще одно правило, которого Алиса, видно, не заметила: когда Рыцари летели с коней, падали они всегда на голову. Этим и кончилась битва: оба Рыцаря ударились о землю головами и лежали немного рядышком. Патом они поднялись и пожали друг другу руки; Черный Рыцарь уселся в седло и ускакал.

– Блестящая победа, правда? – спросил, подъезжая к Алисе, Белый Рыцарь и перевел дыхание.

– Не знаю, – отвечала с сомнением Алиса. – Мне что-то не хочется, чтобы меня брали в плен. Я хочу быть Королевой.

– Ты ею и будешь, когда перейдешь через следующий ручеек, – сказал Белый Рыцарь. – Я провожу тебя до опушки, а потом вернусь обратно – такой у меня ход!

– Большое спасибо, – сказала Алиса. – Помочь вам снять шлем?

Самому Рыцарю это, видно, было не под силу. С большим трудом Алиса освободила его, наконец, из шлема.

– Вот теперь можно вздохнуть свободнее, – сказал Рыцарь, пригладил обеими руками взлохмаченные волосы и повернулся к Алисе. У него было доброе лицо и большие кроткие глаза 111. Алиса подумала, что в жизни не видала такого странного воина.

На нем были жестяные латы – огромные, словно с чужого плеча, а на спине болтался вверх дном и с откинутой крышкой необычной формы деревянный ящик для писем. Алиса разглядывала его с большим любопытством.

– Я вижу, тебе нравится мой ящик, – приветливо заметил Рыцарь. – Это мое собственное изобретение! У меня в нем одежда и бутерброды. Надеваю я его, как видишь, вверх дном, и дождь в него не попадает.

– Зато все остальное из него *выпадает!* – мягко сказала Алиса. – Вы знаете, что крышка у него открыта?

– Нет, – ответил Рыцарь, и тень досады скользнула по его лицу. – Значит, все мои вещи выпали! Тогда зачем он мне?

С этими словами он отстегнул ящик и размахнулся, чтобы бросить его в кусты, но тут, видно, в голову ему пришла какая-то мысль, и он осторожно повесил его на дерево.

– Догадываешься, зачем? – спросил он Алису.

Алиса покачала головой.

– А вдруг пчелы совьют там гнездо – тогда у меня будет мед!

– Но у вас на седле висит улей... или что-то вроде улья, – сказала Алиса.

– Да, это очень хороший улей, – недовольно согласился Рыцарь. – Самого лучшего качества! Но пчелам он почему-то не нравится! У меня здесь есть еще и мышеловка. Видно, мыши отгоняют пчел. Или пчелы – мышей. Не знаю...

– А я как раз думала: зачем вам мышеловка, – сказала Алиса. – Трудно представить себе, что на Конях живут мыши...

– Трудно, но *можно*, – ответил Рыцарь. – А я бы не хотел, чтобы они по мне бегали.

– Видишь ли, – продолжал он, помолчав, – нужно быть готовым *ко всему!* Вот почему у моего Коня на ногах браслеты.

– А это зачем? – заинтересовалась Алиса.

– Чтобы акулы не укусили, – ответил Белый Рыцарь. – Это мое собственное изобретение! Помоги-ка мне забраться на коня. Я выведу тебя на опушку. А это блюдо для чего?

– Для пирога, – сказала Алиса.

– Тогда давай прихватим его с собой, – предложил Рыцарь. – Оно нам очень пригодится, если мы найдем пирог. Подержи-ка суму – я его туда засуну...

Это оказалось нелегко. Алиса крепко держала суму в руках, но Белый Рыцарь был *очень* неловок: вместо того, чтобы положить в суму блюдо, он все падал в нее сам. Наконец, блюдо было втиснуто.

– Конечно, места там для него маловато, – заметил Рыцарь. – Сума битком набита подсвечниками, но что поделаешь!

И он подвесил суму к седлу, с которого свисали пучки моркови, каминные щипцы и еще всякая всячина.

– Надеюсь, волосы у тебя сегодня хорошо приклеены? – спросил Рыцарь, когда они тронулись в путь.

– Не лучше, чем всегда, – с улыбкой отвечала Алиса.

– Этого мало, – встревожился Рыцарь. – Ветер тут в лесу *такой* сильный, что прямо рвет волосы с корнем!

– А вы еще не придумали средства от вырывания волос? – спросила Алиса.

– Нет, но зато я придумал средство от *выпадания*, – отвечал Рыцарь.

– Какое же? Мне бы очень хотелось узнать!

– Берешь палочку и ставишь ее на голову, чтобы волосы вились вокруг нее, как плющ. Волосы почему падают? Потому, что свисают *вниз*. Ну а *вверх* падать невозможно! Это мое собственное изобретение! Можешь его попробовать, если хочешь!

Средство это показалось Алисе не очень-то хорошим, и она молча шла рядом, время от времени останавливаясь, чтобы помочь бедному Рыцарю, который не *слишком-то* хорошо держался на Коня.

Стоило Коню остановиться (а он то и дело останавливался), как Рыцарь тут же летел вперед, а когда Конь снова трогался с места (обычно он делал это рывком), Рыцарь тотчас падал назад. В остальном он совсем неплохо держался в седле – только временами валился еще и набок. Падал он, как правило, прямо на Алису – поэтому она вскоре решила не держаться *слишком* близко к Коню.

В пятый раз помогая Рыцарю подняться с земли, она рискнула заметить:

– Вы, должно быть, не часто ездите верхом?

Белый Рыцарь очень удивился.

– Почему ты так думаешь? – спросил он дрожащим от обиды голосом и залез в седло, держась одной рукой за Алисины волосы, чтобы не свалиться с другого бока.

– Если много ездить верхом, то не будешь так часто падать.

– Я езжу много, – отвечал Рыцарь торжественно. – Очень много!

– Ах, вот как! – сказала Алиса как могла сердечнее.

Больше она ничего не могла придумать. Они продолжали свой путь молча – Рыцарь ехал, крепко закрыв глаза, и лишь изредка что-то бормотал, а Алиса с тревогой ждала, когда он опять упадет.

– Великое искусство верховой езды, – сказал вдруг громко Рыцарь и взмахнул правой рукой, – заключается в том, чтобы держать...

Он замолчал так же внезапно, как и начал, потому что свалился головой вперед – прямо на дорожку, по которой шла Алиса. На этот раз она перепугалась и, помогая ему подняться, взволнованно спросила:

– Вы ничего себе не сломали?

– Ничего существенного, – отвечал Рыцарь, словно одно-два ребра не шли в счет. – Как

я и говорил, великое искусство верховой езды заключается – в том, чтобы... правильно держать равновесие. Вот так...

Он отпустил узду и распростер руки в стороны, чтобы показать Алисе, что он имеет в виду, – на этот раз он упал навзничь, прямо под копыта своего Коня.

И, пока Алиса ставила его на ноги, он, не переставая, бормотал:

– Я езжу много. Очень много!

Тут Алиса потеряла терпение.

– Нет, это просто смешно! – воскликнула она. – Вам бы ездить на деревянной лошадке! Знаете, такая... на колесиках!

– А что, у таких ход легче? – заинтересовался Рыцарь и обнял своего Коня обеими руками за шею. И хорошо сделал, а то свалился бы опять на землю.

– О, гораздо легче, – фыркнула Алиса.

– Достану себе такую лошадку, – задумчиво сказал Рыцарь. – Одну или две... Или несколько...

Наступило молчание. Немного спустя Рыцарь произнес:

– Я сделал много замечательных открытий. Ты, конечно, заметила, когда меня поднимала, что я о чем-то думал?

– Да, вид у вас был *задумчивый*, – согласилась Алиса.

– В этот миг я как раз изобретал новый способ перелезания через калитку. Хочешь послушать?

– Пожалуйста, – сказала Алиса вежливо.

– Вот как я до этого додумался, – продолжал Рыцарь. – Понимаешь, я рассуждал так: единственная трудность в ногах – как поднять их наверх. *Голова* и так наверху! Значит так: сначала кладем голову на калитку – голова, значит, уже наверху. Потом становимся на голову – тогда и ноги тоже наверху, правда? И перемахиваем на ту сторону!

– Конечно, если удастся это сделать, через калитку перелезешь, – сказала с сомнением Алиса. – Но вам не кажется, что все это не так-то просто?

– Я еще не пробовал, – отвечал серьезно Рыцарь, – и ничего не могу сказать наверняка... Но ты, пожалуй, права, это *не очень* просто...

Эта мысль его так огорчила, что Алиса поспешно переменяла тему.

– Какой у вас шлем забавный! – весело заметила она. – Это тоже ваше изобретение?

Рыцарь с гордостью поглядел на шлем, свисавший с седельной луки.

– Да, – ответил он. – Но я изобрел и другой, гораздо лучше этого. С виду он похож на огромную сахарную голову. Когда я падал с лошади, он упирался тут же концом в землю, так что падать мне было *совсем* недалеко. Одно нехорошо, конечно, было – я мог упасть и в него. Однажды так и случилось; хуже всего, что только я застрял в шлеме, как вдруг подъезжает второй Белый Рыцарь и надевает его на себя. Он думал, это его шлем...

Белый Рыцарь рассказывал все это так серьезно, что Алиса не посмела улыбнуться.

– Должно быть, шлем оказался ему до боли тесен, – проговорила она, едва сдерживая смех. – Ведь в нем сидели вы!

– Пришлось мне лягнуть его ногой, – отвечал Рыцарь без тени улыбки. – Тогда он, наконец, догадался снять шлем. Нелегко ему было вытащить меня оттуда, а ведь хватка у него крепкая, как... как... как... ром!

– Ну, это совсем другая крепость! – заметила Алиса.

– Уверю тебя, тут были всякие крепости – и та, и эта!

В волнении Рыцарь воздел руки к небу – и тотчас вылетел из седла и шлепнулся головой в канаву. Алиса бросилась к нему. Падение было неожиданным – на этот раз ему удалось довольно долго продержаться в седле, и Алиса боялась, не *ушибся* ли он. Из канавы торчали одни лишь ноги, но, услышав, что он продолжает как ни в чем не бывало говорить, она успокоилась.

– Самые разные крепости, уверяю тебя! И все же с его стороны это было неосторожно – взять и надеть чужой шлем, да еще вместе с хозяином!

– Как это вы можете *говорить* вниз головой, да еще так спокойно? – спросила Алиса, вытаскивая его за ноги из канавы.

Рыцарь, казалось, очень удивился ее вопросу.

– Неважно, где находится мое тело, – сказал он. – Мой ум работает, не переставая. Чем ниже моя голова, тем глубже моя мысли! Да-да! Чем ниже – тем глубже!

Помолчав, он прибавил:

– Самым остроумным моим изобретением был новый пудинг! Я изобрел его, пока ел второе!

– И его успели приготовить на третье? – спросила Алиса. – Вот это *быстрота!*

– *Нет*, – протянул задумчиво Рыцарь, – на третье не успели! Не успели на *третье!*

– Значит, его приготовили на завтра? Вряд ли вам захотелось два пудинга в день?

– Нет, не *на завтра!* – повторил Рыцарь все так же задумчиво. – На завтра *не успели!*

Он повесил голову и мрачно произнес:

– Боюсь, что его вообще не *приготовили!* Боюсь, что его вообще *никогда* не приготовят! А какое это было остроумное изобретение!

– А из чего он делается? – спросила Алиса, желая хоть как-то его приободрить. Она увидела, что бедный Рыцарь совсем пал духом.

– В основном из промокашки, – отвечал Рыцарь со стоном.

– Боюсь, что это не очень-то вкусно...

– *Одна* промокашка, конечно, не очень вкусна, – прервал ее с волнением Рыцарь. – Но если смешать ее еще кое с чем – с порохом, например, или с сургучом – тогда совсем другое дело! Но здесь я должен тебя оставить...

Они вышли на опушку леса. Алиса вздрогнула от неожиданности – в эту минуту она думала только о пудинге.

– Ты грустила? – огорчился Рыцарь. – Давай я спою тебе в утешение песню.

– А она очень длинная? – спросила Алиса.

В этот день она слышала столько стихов!

– Она длинная, – ответил Рыцарь, – но очень, *очень* красивая! Когда я ее пою, все

рыдают ... или...

– Или что? – спросила Алиса, не понимая, почему Рыцарь вдруг остановился.

– Или... не рыдают 112. Заглавие этой песни называется «*Пуговки для сюртуков*» .

– Вы хотите сказать – песня так называется? – спросила Алиса, стараясь заинтересоваться песней.

– Нет, – ты не понимаешь, – ответил нетерпеливо Рыцарь. – Это *заглавие* так называется. А *песня* называется «*Древний старичок*» .

– Мне надо было спросить: это у *песни* такое *заглавие*? – поправилась Алиса.

– Да нет! *Заглавие* совсем другое. «*С горем пополам!*» Но это она только так называется!

– А песня эта *какая*? – спросила Алиса в полной растерянности.

– Я как раз собирался тебе об этом сказать. «*Сидящий на стене!*» Вот такая это песня! Музыка собственного изобретения! 114

С этими словами он остановил Коня, отпустил поводья и, медленно отбивая такт рукой, запел с выражением блаженства на своем добром и глупом лице.

Из всех чудес, которые видела Алиса в своих странствиях по Зазеркалью, яснее всего она запомнила это. Многие годы спустя сцена эта так и стояла перед ней, словно все это случилось только вчера: кроткие голубые глаза и мягкая улыбка Рыцаря, заходящее солнце, запутавшееся у него в волосах, ослепительный блеск доспехов, Конь, мирно щиплющий траву у ее ног, свесившиеся на шею Коня поводья и черная тень леса позади – она запомнила все, все до мельчайших подробностей, как запоминают поразившую воображение картину. Она прислонилась к дереву, глядя из-под руки на эту странную пару и слушая, словно в полусне, грустный напев 115.

– А музыка вовсе *не его* изобретения, – подумала Алиса. – Я эту музыку знаю. Это песня «*Я все вам отдал, все, что мог ...*» 116.

Она стояла и внимательно слушала Рыцаря, но рыдать – не рыдала.

*Я рассказать тебе бы мог,
Как повстречался мне
Какой-то древний старичок 118,
Сидящий на стене.
Спросил я: «Старый, старый дед.
Чем ты живешь? На что?»
Но проскочил его ответ
Как пыль сквозь решето.*

*– Ловлю я бабочек больших
На берегу реки,
Потом я делаю из них
Блины и пирожки
И продаю их морякам –
Три штуки на пятак.
И в общем, – с горем пополам,
Справляюсь кое-как.*

*Но я обдумывал свой план.
Как щеки мазать мелом,
А у лица носить экран.
Чтоб не казаться белым!
И я в раздумье старца тряс.
Держа за воротник:
– Скажи, прошу в последний раз,*

Как ты живешь, старик?

*И этот милый старичок
Сказал с улыбкой мне: –
Ловлю я воду на крючок
И жгу ее в огне,
И добываю из воды
Сыр под названьем бри.
Но получаю за труды
Всего монетки три.*

*А я раздумывал – как впредь
Питаться манной кашей.
Чтоб ежемесячно полнеть
И становиться краше.
Я все продумал, наконец,
И, дав ему пинка, –
Как поживаете, отец? –
Спросил я старика.*

*– В пруду ловлю я окуньков
В глухой полночный час
И пуговицы для сюртуков
Я мастерю из глаз.
Но платят мне не серебром.
Хоть мой товар хорош.
За девять штук, и то с трудом,
Дают мне медный грош.*

*Бывает, выловлю в пруду
Коробочку конфет,
А то – среди холмов найду*

*Колеса для карет.
Путей немало в мире есть.
Чтоб как-нибудь прожить,
И мне позвольте в вашу честь
Стаканчик пропустить.*

*И только он закончил речь,
Пришла идея мне:
Как мост от ржавчины сберечь,
Сварив его в вине. –
За все, – сказал я, – старикан,
Тебя благодарю,
А главное – за тот стакан,
Что выпил в честь мою.*

*С тех пор, когда я тосковал.
Когда мне тяжело было.
Когда я пальцем попадал
Нечаянно в чернила.
Когда не с той ноги башмак
Пытался натянуть.
Когда отчаянье и мрак
Мне наполняли грудь,
Я плакал громко на весь дом
И вспоминался мне
Старик, с которым был знаком
Я некогда в краю родном,
Что был таким говоруном.
Таким умельцем и притом
Незаурядным знатоком –
Он говорил о том, о сем,
И взор его пылал огнем,
А кудри мягким серебром
Сияли над плешивым лбом.
Старик, бормочущий с трудом.
Как будто бы с набитым ртом.
Храпящий громко, словно гром.
Сидящий на стене.*

Пропев последние слова своей баллады, Рыцарь подобрал поводья и повернул Коня.

– Тебе осталось пройти лишь несколько шагов, – сказал он. – Спустишься под горку, перейдешь ручеек – и ты Королева! Но ты подождешь и помашешь мне вслед? – прибавил он, увидев, что Алисе не терпится перепрыгнуть через последний ручеек, отделяющий ее от заветной цели. – Я тебя долго не задержу. Как увидишь, что я доехал до поворота, махни мне платком. А то я боюсь совсем упасть духом.

– Конечно, я подожду, – сказала Алиса. – Спасибо вам за то, что вы меня проводили... И за песню... Она мне очень понравилась.

– Надеюсь, – проговорил Рыцарь с сомнением. – Только ты почему-то не очень рыдала...

Они пожали друг другу руки, и Рыцарь медленно поехал назад по лесной дороге.

– Боюсь, что он очень скоро *упадет* ... духом. Так, кажется, он сказал, – подумала Алиса, глядя ему вслед. – Ну, конечно! Опять упал... Но только не духом, а, как всегда,

головой. Но на Коня он опять садится довольно легко, а Конь стоит как вкопанный, оттого, видно, что на него столько всего повешено!

Так она размышляла, глядя, как Конь мерно трусит по дороге, а Рыцарь падает то в одну сторону, то в другую. После четвертого или пятого падения он подъехал к повороту, она помахала ему платком и подождала, пока он не скрылся из вида 119.

– Надеюсь, это его приободрило, – подумала Алиса, сбегая с пригорка. – Последний ручеек – и я Королева! Звучит великолепно!

Еще несколько шагов – и она очутилась на берегу ручья.

– Наконец-то, восьмая линия! – воскликнула Алиса, прыгнула через ручеек

и бросилась ничком на мягкую, как мох, лужайку, на которой пестрели цветы.

– Ах, как я рада, что я, наконец, здесь! Но что это у меня на голове? – воскликнула она и в страхе схватилась руками за что-то тяжелое, охватившее обручем голову.

– И *как* оно сюда попало без моего ведома? – спросила Алиса, сняла с головы загадочный предмет и положила к себе на колени, чтобы получше разглядеть.

Это была золотая корона 120.

Глава IX КОРОЛЕВА АЛИСА

– Ах, как *великолепно!* – воскликнула Алиса, – Я никогда и не думала, что так скоро стану Королевой.

И, помолчав, строго добавила (она любила себя пробирать):

– Но вот что я вам скажу, Ваше Величество: не пристало вам валяться тут на траве! Королевам должно вести себя с достоинством!

С этими словами она встала и прошлась по лужайке, поначалу весьма скованно, ибо ей

было боязно, как бы корона не слетела у нее с головы, но потом смелее, успокаивая себя тем, что вокруг не было ни души.

– Если я и вправду Королева, – подумала Алиса вслух, – со временем я научусь с ней справляться!

Все было так странно, что она ничуть не удивилась, увидав, что с одной стороны от нее сидит Черная Королева, а с другой – Белая 121. Ей очень хотелось спросить их, как они сюда попали, но она боялась, что это будет неучтиво. Подумав, она решила, что может, по крайней мере, спросить, кончилась ли шахматная партия.

– Скажите, пожалуйста... – начала она робко, взглянув на Черную Королеву.

Но Черная Королева не дала ей договорить.

– Никогда не заговаривай первой! – сказала она строго.

– Но, если бы все соблюдали это правило, – возразила Алиса, всегда готовая немного поспорить, – и, если бы никто не заговаривал первым и только бы *ждал*, пока с ним заговорят, а те бы тоже ждали, тогда бы никто вообще ничего не говорил, и значит...

– Нет, это просто смешно, – воскликнула Королева. – Неужели ты не понимаешь, дитя...

Тут она нахмурилась и почему-то замолчала, а подумав с минуту, решительно переменяла тему.

– Как ты смела сказать: «Если я и вправду Королева...» Какое ты имеешь право так называть себя? Ты не Королева, пока не сдашь экзамена на Королеву! И чем скорее мы начнем – тем лучше!

– Я ведь только сказала: «если...» – жалобно проговорила бедная Алиса.

Королевы переглянулись, и Черная Королева произнесла, передернув плечами:

– Она *говорит*, что только сказала: «если»!

– Но ведь она сказала гораздо больше! – простонала, ломая руки. Белая Королева. – Ах, гораздо, гораздо больше!

– Конечно, больше, – подхватила Черная Королева и повернулась к Алисе.

– Всегда говори только правду! Думай, прежде чем что-нибудь сказать! И записывай все, что сказала!

– Я совсем не думала... – начало было Алиса, но Черная Королева нетерпеливо прервала ее.

– Вот это мне и не нравится! Ты *должна* была подумать! Как, по-твоему, нужен кому-нибудь ребенок, который не думает? Даже в шутке должна быть какая-то мысль, а ребенок, согласись сама, вовсе не шутка! Ты нас в этом не разубедишь, как ни старайся, хоть обеими руками!

– Я никогда никого не разубеждаю *руками!* – возразила Алиса.

– Никто и не говорит, что ты разубеждаешь руками! – сказала Черная Королева. – Я и говорю: руками нас не разубедишь!

– Она в таком настроении, – прибавила Белая Королева, – когда обязательно нужно с кем-то *спорить*. Неважно о чем – только бы спорить!

– Злобный, отвратительный нрав! – заметила Черная Королева.

Наступила неловкая пауза.

Ее прервала Черная Королева: повернувшись к Белой Королеве, она сказала:

– Приглашаю вас сегодня на обед к Алисе!

Белая Королева слабо улыбнулась и произнесла:

– А я приглашаю *вас!*

– Я, правда, про обед ничего не знаю, – заметила Алиса, – но если сегодня я даю *обед*, то гостей, по-моему, приглашать должна *я*.

– Мы долго ждали, пока ты догадаешься нас пригласить, – заметила Черная Королева. – Но ты, видно, уроков хороших манер не брала!

– Манерам на уроках не учат, – сказала Алиса. – На уроках учат арифметике и всякому такому...

– Сложению тебя обучили? – спросила Белая Королева. – Сколько будет один плюс один плюс один плюс один плюс один плюс один плюс один плюс один плюс один?

– Я не знаю, – ответила Алиса. – Я сбилась со счета.

– Сложения не знает, – сказала Черная Королева. – А Вычитание знаешь? Отними из восьми девять.

– Этого я не знаю, но зато...

– Вычитания не знает, – сказала Белая Королева. – А Деление? Раздели буханку хлеба ножом – *что* будет?

– По-моему... – начала Алиса, но тут вмешалась Черная Королева.

– Бутерброды, конечно, – сказала она. – А вот еще пример на Вычитание. Отними у собаки кость – что останется?

Алиса задумалась.

– Кость, конечно, не останется – ведь я ее отняла. И собака тоже не останется – она побежит за мной, чтобы меня укусить... Ну, и я, конечно, тоже не останусь!

– Значит, по-твоему, ничего не останется? – спросила Черная Королева.

– Должно быть, ничего.

– Опять неверно, – сказала Черная Королева. – Останется собачье терпение!

– Не понимаю...

– Это очень просто, – воскликнула Черная Королева. – Собака потеряет терпение, верно?

– Может быть, – отвечала неуверенно Алиса.

– Если она убежит, ее терпение останется, верно? – торжествующе воскликнула Королева.

– А, может, оно тоже убежит, только в другую сторону? – спросила без тени улыбки Алиса.

Про себя же она подумала:

– Какой *вздор* мы несем!

– Арифметику совсем не знает! – закричали обе Королевы в один голос.

– А *сами* вы знаете? – спросила Алиса, внезапно поворачиваясь к Белой Королеве.

Ей было обидно, что Королевы так к ней придирчивы.

Белая Королева охнула и закрыла глаза.

– Прибавить я еще могу, – сказала она, – если мне дадут подумать. Но отнять – *ни под каким видом!*

– Азбуку ты, надеюсь, знаешь? – спросила Черная Королева.

– Конечно, знаю, – отвечала Алиса.

– И я тоже, – прошептала Белая Королева. – Будем повторять ее вместе. Хорошо, милочка? Открою тебе тайну – я умею читать слова из одной буквы! *Великолепно*, правда? Но не отчаивайся! И ты со временем этому научишься!

Тут в разговор снова вмешалась Черная Королева.

– Перейдем к Домоводству, – сказала она. – Откуда берется хлеб? Отвечай!

– Это я *знаю*, – радостно начала Алиса. – Он печется...

– Печется? – повторила Белая Королева. – О ком это он печется?

– Не *о ком*, а *из чего*, – объяснила Алиса. – Берешь зерно, мелешь его...

– Не зерно ты мелешь, а чепуху! – отрезала Белая Королева.

– Обмахните ее, – сказала с тревогой Черная Королева. – А то у нее от умственного напряжения начнется жар!

И они принялись обмахивать ее ветками и не успокоились до тех пор, пока Алиса не попросила их перестать, так как волосы у нее совсем растрепались.

– Ну, вот теперь она вне опасности, – сказала Черная Королева. – А Языки ты знаешь? Как по-французски «фу ты, ну ты»?

– А что это значит? – спросила Алиса.

– Понятия не имею!

Алиса решила, что на этот раз ей удастся выйти из затруднения.

– Если вы мне скажете, что это значит, – заявила она, – я вам тут же переведу на французский!

Но Черная Королева гордо выпрямилась и произнесла:

– Королевы в сделки не вступают!

– Лучше бы они в споры не вступали, – подумала Алиса.

– Не будем ссориться! – забеспокоилась Белая Королева. – Скажи мне лучше, отчего бывает молния?

– От грома, – ответила без промедления Алиса. В чем-чем, но в этом она была совершенно уверена. Впрочем, она тут же поправилась:

– Нет, нет, наоборот!

– Не поправляйся! – сказала Черная Королева. – Что сказано – то сказано. Пеняй теперь на себя!

– Кстати, – проговорила Белая Королева, опуская глаза и нервно ломая руки, – на

прошлой неделе в пятницу была *такая* гроза! То есть, я хотела сказать – в пятницы!

Алиса удивилась.

– У нас, – сказала она, – больше одной пятницы разом не бывает!

– Какое убожество! – фыркнула Черная Королева. – Ну а у нас бывает шесть, семь пятниц на неделе! А иногда зимой мы берем сразу десять ночей – чтоб потеплее было!

– Разве десять ночей теплее, чем одна? – рискнула спросить Алиса.

– В десять раз теплее, конечно!

– Но, вероятно, и в десять раз *холоднее!* – заметила Алиса.

– Совершенно верно! – вскричала Черная Королева. – В десять раз теплее *и* в десять раз холоднее! Точно так же, как я в десять раз тебя богаче и в десять раз умнее! 122

Алиса вздохнула и не стала спорить.

– Похоже на загадку без ответа! – подумала она.

– Шалтай-Болтай тоже так думает, – проговорила тихо, словно про себя, Белая Королева. – Он как раз подошел к нашей двери со штопором в руках...

– Что ему было нужно? – спросила Черная Королева.

– Он сказал, что *хочет* зайти, – продолжала Белая Королева, – потому что ему нужен гиппопотам. Но в то утро у нас ничего такого в доме, к сожалению, не оказалось.

– А в остальные дни? – удивилась Алиса.

– Только по четвергам, – отвечала Королева.

– Я знаю, зачем он приходил, – сказала Алиса. – Он хотел наказать рыбок, потому что... 123

Тут Белая Королева снова ее прервала.

– *Такая* была гроза, такая гроза! Ты даже в мыслях такого представить себе не можешь!

(– Конечно, *не может*, – заметила Черная Королева. – Да у нее и мыслей-то нет!)

– Часть крыши унесло, и в дом набился гром! Он раскатывался по всем комнатам, сшибая столы и стулья! Я так испугалась, что собственное имя забыла!

– В такую минуту я бы и не *пыталась* его вспомнить! – подумала Алиса. – К чему оно?

Вслух, однако, она этого не сказала, чтобы не обидеть бедную Королеву.

– Ваше Величество должно извинить бедняжку, – сказала вдруг Черная Королева Алисе, взяв Белую Королеву за руку и нежно ее поглаживая. – Она очень добрая, но всегда говорит глупости! Просто не может иначе!

Белая Королева робко взглянула на Алису; Алиса чувствовала, что *должна* ее утешить, но, как она ни ломала себе голову, ничего не могла придумать.

– Она не получила никакого воспитания, – продолжала Черная Королева. – И все же она добра на диво! Погладьте ее по головке! Увидите, как она обрадуется.

Но Алиса не осмелилась последовать ее совету.

– Немножко дружеского участия... и папильотки в волосы... и она станет совершенно неузнаваемой!

Белая Королева глубоко вздохнула и положила голову к Алисе на плечо.

– Я так хочу *спать!* – простонала она.

– Устала, бедняжка! – сказала Черная Королева. – Пригладьте ей волосы! Одолжите ей свой спальный чепчик! И спойте ей колыбельную!

– У меня с собой нет чепчика, – возразила Алиса и попыталась пригладить Белой Королеве волосы. – И я не знаю никакой колыбельной.

– Придется мне самой ее убаюкивать, – вздохнула Черная Королева и запела 124:

*На груди Алисы дамы засыпают,
Пир еще не начали, нас не приглашают.
А как пир закончится – мы все пойдём на бал:
Алиса с королевами, и стар и мал.*

– Запомнили слова? – спросила она и положила голову к Алисе на другое плечо. – А теперь убаюкайте *меня!* Я что-то тоже спать захотела.
Не прошло и минуты, как обе Королевы крепко спали, да еще и храпели к тому же!

– *Что* же мне делать? – подумала Алиса, в замешательстве оглядываясь по сторонам. Головы Королев скатились, словно два тяжелых шара, ей на колени. – Такого еще *ни с кем* не бывало! Стеречь двух спящих Королев! История Англии не знает подобного случая! Ну, конечно, не знает! Ведь в Англии никогда не было сразу двух Королев!

– Ах, ну проснитесь же, наконец! – воскликнула она нетерпеливо. Но в ответ раздалось лишь мерное похрапывание.

С каждой минутой оно становилось все мелодичнее, все отчетливее, и, наконец, стало ясно, что это песенка – можно даже было разобрать слова; Алиса так заслушалась, что совсем не заметила, как две тяжелые головы исчезли с ее колен.

Она стояла перед огромной дверью с аркой, над которой большими буквами было написано «КОРОЛЕВА АЛИСА»; по обеим сторонам двери свисали ручки звонков – над одним стояло «Для гостей», а над другим «Для слуг».

– Дослушаю песенку до конца, – подумала Алиса, – а потом позвоню. Только в *какой* звонок мне звонить?

Она задумалась.

– Я не гостя, но я и не служанка. Нужен *еще один* звонок с надписью: «Для Королевы».

В эту минуту дверь приотворилась, из-за нее высунулось какое-то существо с длинным клювом и прошипело:

– Прием отменяется до послезавтрашней недели!

И с грохотом захлопнуло дверь.

Алиса долго стучала и звонила, но все было напрасно. Наконец, старый Лягушонок, сидевший невдалеке под деревом, встал и медленно заковылял к Алисе. На нем был костюм ярко-желтого цвета и огромные сапоги.

– В чем дело? – спросил он хриплым басом.

Алиса рассерженно повернулась.

– Где привратник? – гневно начала она. – Почему никто не подходит к двери?

– К *какой* двери? – спросил Лягушонок.

Он говорил так спокойно и неторопливо, что Алиса чуть не затопала на него ногой.

– К *этой*, конечно!

Лягушонок уставился на дверь большими грустными тусклыми глазами, потом подошел поближе и потер ее пальцем, словно проверял, не сходит ли краска, и снова уставился на Алису.

– Как это: «никто не подходит к двери»? – переспросил он. – Ты же к ней подошла!

Он так хрипел, что Алиса с трудом разбирала слова.

– Не понимаю, что вы говорите, – сказала она.

– Чего ж тут не понять? – ответил Лягушонок. – Небось, я по-английски говорю. Или, может, ты оглохла? Как по-твоему, где ты стоишь?

– Ах, оставьте, – отмахнулась Алиса. – Я в нее колочу, а все без толку!

– Зря колотишь, – пробормотал Лягушонок. – Так ведь она и осерчать может!

С этими словами он подошел к двери и изо всех сил пнул ее своим огромным сапогом.

– Не тронь *ее* – проговорил он, задыхаясь. – И она *тебя* не тронет! И он, вернулся, прихрамывая, на свое место.

В эту минуту дверь широко распахнулась, и пронзительный голос запел:

*Королева Алиса на праздник зовет 125:
– Собирайся скорей, Зазеркальный народ!
На высоком престоле в блестящем венце
Королева Алиса вас ждет во дворце!*

И сотни голосов подхватили припев:

*Так наполним бокалы и выпьем скорей!
Разбросаем по скатерти мух и ежей
В кофе кошку кладите, а в чай – комара,
Трижды тридцать Алисе ура!*

Голоса нестройно прокричали «Ура!», и Алиса подумала:

– Трижды тридцать – девяносто! Интересно, кто-нибудь там считает или нет?

Потом снова наступило молчание, и тот же пронзительный голос запел второй куплет:

*И сказала Алиса: – Зазеркальный народ!
Счастлив тот, кто с тремя Королевами пьет.
Это редкое счастье, великая честь –
За обеденный стол с Королевами сесть!*

И хор снова подхватил:

*Так нальем же в бокалы чернила и клей,
И осушим их залпом за наших гостей.
Вина с теплом мешай, веселись до утра!
Девяностожды девять ура!*

– Девяностожды девять! – повторила в отчаянии Алиса. – Этого мне никогда не сосчитать! Войду-ка я лучше в дом!

И она вошла. В зале тотчас воцарилась мертвая тишина.

Алиса пошла вдоль столов, беспокойно поглядывая по сторонам. Тут собрались звери, птицы и даже цветы – гостей было много, не менее пятидесяти персон.

– Как хорошо, что они пришли сами, без приглашения, – подумала Алиса. – Я бы не знала, кого приглашать, а кого нет.

Во главе стола стояли три кресла; в одном сидела Белая Королева, в другом – Черная, а кресло между ними было свободно. Алиса уселась в него, смущенная всеобщим молчанием; ей так хотелось, чтобы кто-нибудь заговорил.

Наконец, Черная Королева сказала:

– Вы опоздали – мы уже съели суп и рыбу. Она махнула рукой и крикнула:

– Несите мясо!

И слуги поставили перед Алисой блюдо с бараньим боком. Алиса посмотрела на него с тревогой – ей никогда раньше не приходилось резать мясо.

– Вы, я вижу, робеете, – сказала Черная Королева. – Разрешите мне представить вас этому боку. Знакомьтесь! Алиса, это Бараний Бок. Бок, это Алиса...

Бараний Бок поднялся с блюда и поклонился Алисе; та тоже ему поклонилась, так и не решив, смешно это или страшно.

– Я вам отрежу по кусочку? – спросила она Королев и взяла в руки нож и вилку.

– Как можно? – запротестовала Черная Королева. – Вас только что познакомили, а вы уже на него с ножом! Унесите Бок!

И слуги тотчас же его унесли, а взамен принесли сливовый пудинг.

– Я не хочу знакомиться с пудингом, – быстро сказала Алиса, – а то так мы вообще не побеждаем. Отрезать вам по кусочку?

Но Черная Королева посмотрела исподлобья и произнесла:

– Знакомьтесь! Пудинг, это Алиса. Алиса, это Пудинг. Унесите пудинг!

И слуги тотчас же схватили Пудинг со стола, так что Алиса даже не успела ему поклониться.

– Впрочем, почему это одна Черная Королева здесь распоряжается? – подумала она и, решив посмотреть, что получится, крикнула:

– Слуги! Принесите Пудинг!

И тут же, словно по мановению волшебной палочки фокусника, Пудинг снова оказался перед ней. Он был такой огромный, что Алиса опять *немножко* оробела. Но она взяла себя в руки, отрезала кусок и подала его Черной Королеве.

– Какая наглость! – сказал Пудинг. – Интересно, что бы ты сказала, если бы я отрезал от *тебя* кусок? Мерзкое ты создание!

Он произнес эти слова густым и жирным голосом. Алиса в ответ не могла сказать ни

слова: она только смотрела на него широко раскрытыми глазами.

– Скажи ему что-нибудь! – воскликнула Черная Королева. – Ведь это смешно: Пудинг говорит, а ты молчишь!

– Знаете, мне сегодня читали столько стихов, – начала Алиса робко, ибо она заметила, что стоило ей открыть рот, как в зале воцарилась тишина и все взоры обратились на нее. – И во всех стихах было что-нибудь про рыб... Как странно, правда? Интересно, почему здесь так любят рыб?

Она обращалась к Черной Королеве, и та ответила, хоть как-то и невпопад.

– Кстати, о рыбах... – медленно и торжественно произнесла она прямо в ухо Алисе. – Ее Белейшее Величество знает премилую загадку, всю в стихах – и всю сплошь о рыбах! Пусть она ее загадает, хорошо?

– Ее Чернейшее Величество очень добры, – проговорила Белая Королева в другое ухо Алисы. – Я сделаю это с *восторгом!* Вы разрешите?

– Прошу вас, – сказала Алиса учтиво.

Белая Королева засмеялась от радости и погладила Алису по щеке. Потом она начала:

*Изловить эту рыбку нетрудно –
Ребенку под силу.
И купить эту рыбку нетрудно –
Гроша бы хватило.*

*А в тарелку ее положить –
Так и вовсе безделка.
Потому что она, как известно,
Родится в тарелке.*

*– Рыбку мне принеси!
– Принести ее вам? Это можно.
– Крышку с рыбки снимите!
– Ах, увольте, мне так это сложно, –*

*Будто клеим приклеена крышка... Теперь
Отгадайте загадку:
Легче рыбку наружу извлечь или нам,
Обнаружить отгадку? 126*

– Даю тебе минуту на размышление! – сказала Черная Королева. А мы пока выпьем за твое здоровье!

– Здоровье Королевы Алисы! – завопила она во весь голос.

И все гости тут же выпили, хоть и несколько странно: кто нахлобучил себе на головы бокалы, словно колпаки, и слизывал то, что текло по щекам, кто опрокинул графины с вином и, припав к краю стола, пил все, что лилось на пол. А три каких-то существа (очень похожих на кенгуру) забрались в блюдо с жарким и лакали соус.

– Словно свиньи в корыте! – подумала Алиса.

– Ты должна произнести благодарственную речь, – сказала Черная Королева, взглянув исподлобья на Алису.

– Мы тебя поддержим, не беспокойся, – шепнула Белая Королева.

Алиса послушно встала, хоть сердце у нее и похолодело.

– Большое спасибо, – ответила она тоже шепотом, – я и сама справлюсь.

– Это будет совсем не то! – решительно заявила Черная Королева.

Пришлось Алисе покориться.

(«Они так *навалились* на меня с двух сторон, – говорила она потом сестре, дойдя в

своим рассказе до этого места, – словно хотели меня раздавить в лепешку!»)

Ей, и вправду, пришлось нелегко: Королевы поддерживали ее под локти и так давили с обеих сторон, что чуть не подбросили в воздух.

– Я поднялась, чтобы выразить вам свою благодарность... – начала Алиса.

И тут она действительно оторвалась от пола и *поднялась* на несколько дюймов в воздух, однако, успела схватиться за край стола и снова опуститься на пол.

– Берегись! – завопила Белая Королева, вцепившись обеими руками Алисе в волосы. – Сейчас что-то будет!

И тут (как говорила потом Алиса) началось что-то несусветное. Свечи вдруг вытянулись до потолка, словно гигантские камыши с фейерверком наверху. Бутылки схватили по паре тарелок и вилок – хлопая тарелками, словно крыльями, и перебирая вилками-ногами, они разлетелись в разные стороны.

– Совсем как птицы, – успела подумать Алиса в начавшемся переполохе.

В эту минуту она услышала у себя за спиной хриплый хохот и, оглянувшись, чтобы посмотреть, что случилось с Белой Королевой, увидела, что вместо Королевы в кресле сидит Бараний Бок.

– А я здесь! – закричал кто-то из суповой миски.

Алиса снова обернулась. Доброе, круглое лицо Королевы улыбнулось ей из миски и исчезло в супе 127.

Нельзя было терять ни минуты. Кое-кто из гостей повалился уже в блюда с едой, а половник шел по столу к Алисе и нетерпеливо махал ей рукой, чтобы она уступила ему кресло.

– Довольно! – закричала Алиса. – Я больше не могу!

Она вскочила,хватила скатерть обеими руками и сдернула ее со стола. Блюда, тарелки, гости, свечи – все полетело на пол.

– Ну, а *вас* ... – закричала Алиса, в сердцах поворачиваясь к Черной Королеве, которая, как ей казалось, была всему виновницей. Но Королевы рядом не было: она стала маленькой, как кукла, и крутилась по столу, ловя свою шаль, которая волочилась за ней словно хвост.

В другое время Алиса очень бы этому удивилась, но сейчас она была слишком рассержена, чтобы чему-то еще удивляться.

– Ну, а *вас* ... – повторила Алиса и схватила Королеву как раз в тот миг, когда она прыгнула на севшую на стол бутылку, – *вас* я просто отшлепаю, как котенка! 128

Глава X ПРЕВРАЩЕНИЕ

С этими словами она схватила Черную Королеву и стала трясти ее изо всех сил.

Черная Королева и не думала сопротивляться, только лицо ее сморщилось и стало совсем маленьким, а глаза округлились и позеленели. Алиса все трясла и трясла ее, а Королева у нее в руках становилась все меньше... и мягче... и толще... и пушистее... и

Глава XI ПРОБУЖДЕНИЕ

... и в самом деле оказалось, что это просто *котенок!*

Глава XII ТАК ЧЕЙ ЖЕ ЭТО БЫЛ СОН?

– Ваше Чернейшее Величество зря так громко мурлычет, – сказала Алиса котенку почтительно, но строго и протерла глаза. – Ты меня разбудила, Китти, а мне снился такой чудесный сон! И ты там со мной была – в Зазеркальной стране. Помнишь?

У котят есть одна неприятная привычка (как заметила однажды Алиса): что им ни говори, они в ответ *всегда* мурлычат.

– Вот если бы они мурлыкали вместо «да», а мяукали вместо «нет», тогда с ними можно было бы иметь дело! Но разве *можно* разговаривать с человеком, когда тебе отвечают всегда одно и то же?

Котенок опять замурлыкал, но что он хотел этим сказать – неизвестно.

А Алиса принялась перебирать шахматные фигурки, лежащие на столе. Наконец, она нашла Черную Королеву, села на коврик у камина и поставила ее перед котенком, чтобы они посмотрели друг на друга.

– Признавайся, Китти! – закричала Алиса и с торжеством захлопала в ладоши. – Вот в кого ты превратилась!

(«Но Китти на Королеву и не взглянула, – рассказывала она потом сестре. – Отвернулась в сторону и притворилась, что даже ее и не видит! Правда, вид у нее при этом был *несколько* виноватый. По-моему, все же Черной Королевой была *она!* »)

– А ну-ка, выпрямись! – воскликнула с веселым смехом Алиса. – Пока думаешь, что... промурлыкать, делай реверанс! Это экономит время, помнишь?

Она схватила Китти на руки и легонько поцеловала.

– В честь того, что ты была Черной Королевой!

– Снежинка, милая! – сказала она, поглядывая на Снежинку, которая все так же

послушно подвергалась умыванию. – Когда это Дина вас, наконец, *отпустит*, Ваше Белейшее Величество? Теперь понятно, почему я видела вас такой растрепанной в своем сне! Послушай, Дина! Тебе известно, что ты умываешь Белую Королеву? Ты должна обращаться с ней почтительно, а ты что делаешь?

– Интересно, а *Дина* в кого превратилась? – продолжала Алиса, устраиваясь поудобнее на коврик и задумчиво глядя на котят. – Признайся, Дина, ты была Шалтаем-Болтаем? *По-моему*, да... Только подожди, не рассказывай об этом своим друзьям... Я все еще сомневаюсь.

– Кстати, Китти, если ты и вправду была вместе со мной в моем сне, ты, верно, заметила одну вещь... очень *приятную* для тебя! Я столько слышала стихов, и все про рыб! Завтра утром я устрою тебе настоящий пир! Ты будешь завтракать, а я буду читать тебе про Моржа и Плотника, чтоб ты вообразила, что ешь устриц, милая!

– Послушай, Китти, давай-ка поразмыслим, чей же это был сон! Это вопрос серьезный, милая, так что *перестань*, пожалуйста, лизать лапу! Тебя ведь умыли сегодня! Понимаешь, Китти, сон этот приснился *либо* мне, *либо* Черному Королю. Конечно, он мне снился – но ведь и я ему снилась! Так чей это был сон? *Неужели* Черного Короля, Китти? Кому же это знать, как не тебе? Ты ведь была его женой, милочка! Ах, Китти, помоги мне *решить!* Оставь на минуту свою лапу!

Но Китти, негодница, принялась за другую лапу, притворяясь, что не слышит Алису. Как же, *по-твоему*, чей это был сон?

А х, какой был яркий день! 129
Л одка, солнце, блеск и тень,
И везде цвела сирень.

С естры слушают рассказ,
А река уносит нас,
П леск волны, сиянье глаз.

Л етний день, увы, далек.
Э хо смолкло. Свет поблек.
З имний ветер так жесток.

Н о из глубины времен
С ветлый возникает сон,
Л егкий выплывает челн.

И опять я сердцем с ней –
Д евочкой ушедших дней,
Д авней радостью моей.

Е сли мир подлунный сам
Л ишь во сне явился нам,
Л юди, как не верить снам?

ДОПОЛНЕНИЯ

ШМЕЛЬ В ПАРИКЕ

...и она совсем уже собралась перепрыгнуть через ручеек, как вдруг услышала

глубокий издох, – казалось, кто-то вздыхал в лесу у нее за спиной.

...Кому-то там *очень* грустно, – подумала Алиса, с тревогой вглядываясь в лес. На земле, облокотись о ствол, съезжившись и дрожа, словно от холода, сидело какое-то существо, весьма похожее на дряхлого старичка (только лицом оно больше походило на шмеля).

– Я, *по-моему*, ему ничем помочь не могу, – решила Алиса и повернулась, чтобы перепрыгнуть через ручеек.

– И все же я спрошу у него, в чем дело, – прибавила она, останавливаясь на самом краю.

И она подошла к Шмелю – без особой, правда, охоты, ибо ей очень хотелось поскорее пройти в Королевы.

– Ох, болят мои старые косточки, болят, – бормотал Шмель.

– Должно быть, это ревматизм, – подумала Алиса, склоняясь над ним.

– Надеюсь, вам не очень больно? – спросила она мягко.

Шмель только пожал плечами и отвернулся.

– Ах, господи! – прошептал он.

– Что я могу для вас сделать? – продолжала Алиса. – Вам здесь не холодно?

– И пристаёт, и болтает! – проговорил недовольно Шмель. – И одно ей, и другое! Господи, что за ребенок!

Алиса обиделась – ей очень хотелось повернуться и уйти, но она подумала:

– Может, это он от боли такой сердитый?

И она решила попытаться еще раз.

– Разрешите, я помогу вам сесть по другую сторону дерева. Там не так дует.

Шмель взял Алису под руку и, опираясь на нее, перешел на другую сторону; однако, усевшись, он снова сказал:

– И пристаёт, и болтает! Неужели не можешь оставить меня в покое, а?

– Хотите, я вам немного почитаю? – предложила Алиса, подняв газету, лежавшую у ее ног.

– Можешь почитать, если хочешь, – сказал угрюмо Шмель. – Тебе вроде никто не мешает.

Алиса уселась с ним рядом и, развернув на коленях газету, начала:

– *«Последние новости. Поисковая партия отправилась снова в Кладовую и обнаружила там еще пять кусков сахара, довольно больших и в хорошей сохранности. На обратном пути...»*

– А сахарного песку там не было? – прервал Алису Шмель.

Алиса быстро просмотрела страницу.

– Нет, – отвечала она. – Насчет сахарного песку ничего не сказано.

– Сахарного песку не нашли! – проворчал Шмель. – Тоже мне поисковая партия!

– *«На обратном пути обнаружили озеро киселя. Берега озера были сине-белыми и походили на фаянс. Во время снятия пробы приключилось несчастье – два члена экспедиции были поглощены...»*

– Были что? – спросил сердито Шмель.

– По-гло-ще-ны, – повторила Алиса по слогам.

– Такого слова в английском языке нет! – сказал Шмель.

– Но в газете есть, – возразила робко Алиса.

– Пусть оно там и остается, – сказал раздраженно Шмель и отвернулся.

Алиса отложила газету.

– Боюсь, вы неважно себя чувствуете, – сказала она, пытаясь успокоить Шмеля. – Не могу ли я чем-то вам помочь?

– Это все из-за парика, – проговорил Шмель смягчаясь.

– Из-за парика? – переспросила Алиса, радуясь, что настроение у Шмеля улучшается.

– Ты бы тоже сердилась, если б у тебя был такой парик, – продолжал Шмель. – Все

только и делают, что разные про него шутки шутят. И пристают. Ну, я и сержусь. А еще охлаждаюсь. И достаю желтый платок. И подвязываю щеку – вот так.

Алиса с жалостью взглянула на него.

– Подвязывать щеку надо, если зубы болят, – сказала она. – Очень помогает от зубной боли.

– И от чванства тоже, – подхватил Шмель.

Алиса не расслышала.

– Это тоже болезнь, вроде зубной боли? – переспросила она.

Шмель на минуту задумался.

– Да н-нет, – сказал он. – Это когда голову держишь высоко... вот так... и шею согнуть не можешь.

– А-а, это когда прострел, – сказала Алиса.

Шмель возразил:

– Это что-то новое. В наше время это называли чванством.

– Чванство это совсем не болезнь, – заметила Алиса.

– А вот и нет, – ответил Шмель. – Подожди, пока сама заболеешь – тогда узнаешь. А когда ты ее подхватишь, попробуй, повяжись желтым платком! Это тебя живо исцелит!

С этими словами Шмель развязал платок – и Алиса с удивлением увидела, что на голове у него надет парик. Парик был ярко-желтый, как и платок, и весь встрепанный и запутанный, словно гряда водорослей.

– Вы могли бы привести свой парик в порядок, если б у вас был гребешок.

– А-а, так ты, значит, курица, да? – спросил Шмель, вглядываясь в нее с большим интересом. – Гребешок у тебя, говоришь, есть. А яйца ты несешь?

– Нет, это совсем другой гребешок, – поспешила объяснить Алиса. – Им волосы расчесывают – парик у вас, знаете ли, совсем растрепался.

– Я тебе расскажу, как он у меня появился, – сказал Шмель. – В молодости, знаешь, волосы у меня вились.

Тут Алисе пришла в голову забавная мысль. Многие из тех, кого она встречала в этой стране, читали ей стихи, и она решила испытать и Шмеля.

– Не могли бы вы рассказать об этом стихами? – попросила Алиса очень учтиво.

– Я этому не обучен, – отвечал Шмель, – ну, да ладно, попытаюсь... подожди-ка...

Он помолчал, а потом снова начал:

*Когда легковерен и молод я был,
Я кудри растил, и берег, и любил.
Но все говорили: «О, сбрей же их, сбрей,
И желтый парик заведи поскорей!»*

*И я их послушал и так поступил:
И кудри обрил, и парик нацепил –
Но все закричали, взглянув на него:
«Признаться, мы ждали совсем не того!»*

*«Да, – все говорили, – он плохо сидит.
Он так не к лицу вам, он так вас простит!»
Но, друг мой, как было мне дело спасти? –
Уж кудри мои не могли отрасти...*

*И нынче, когда я не молод и сед,
И прежних волос на висках моих нет.
Мне крикнули: «Полно, безумный старик!»
И сдернули мой злополучный парик.*

*И все же, куда бы ни выглянул я.
Кричат: «Грубиян! Простофиля! Свинья!»
О, друг мой! К каким я обидам привык,
Как я оплатился за желтый парик!*

– Я вам очень сочувствую, – сказала Алиса от души. – По-моему, если бы ваш парик сидел лучше, вас бы так не дразнили.

– *Твой-то* парик сидит прекрасно, – пробормотал Шмель, глядя на Алису с восхищением. – Это потому, что у тебя форма головы подходящая. Правда, челюсти у тебя не очень хороши. Небось, укусить как следует не сможешь?

Алиса расхохоталась, но тут же постаралась сделать вид, что ее одолел кашель. Наконец, ей удалось взять себя в руки, и она серьезно ответила:

– Я могу откусить все, что хочу.

– С таким-то ротиком? – настаивал Шмель. – Вот, скажем, во время нападения, смогла бы ты ухватить врага зубами за шиворот?

– Боюсь, что нет, – отвечала Алиса.

– То-то, – сказал Шмель. – Это потому, что челюсти у тебя коротки. Зато макушка у тебя круглая и хорошей формы.

С этими словами он снял собственный парик и протянул лапку к Алисе, словно хотел сделать то же и с нею, – но Алиса отошла подальше, сделав вид, что не понимает намека. И Шмель продолжал свою критику.

– А твои глаза – слишком уж они сдвинуты вперед. Это точно. Одного бы хватило вполне – зачем же два, если они так близко посажены?

Алисе не понравилось, что Шмель ее так разбирает, и, видя, что он совсем оправился и разговорился, она решила, что может спокойно идти дальше.

– Пожалуй, мне нужно идти, – сказала она. – Прощайте.

– Прощай – и спасибо тебе, – отвечал Шмель.

И Алиса снова сбежала вниз по склону, довольная, что задержалась на несколько минут и успокоила бедного старичка.

*По первоначальной мысли Кэрролла, этот эпизод должен был предварить заключительную главу «Зазеркалья», где Алиса наконец становится Королевой; однако, по предложению Тенниела, Кэрролл исключил этот эпизод из окончательного текста (см. с. 143). В оригинале *Wasp* у Кэрролла – существо мужского рода; при переводе мы сочли нужным сохранить эту особенность персонажа и сделали его Шмелем.*

ОБОСНОВАНИЕ ТЕКСТА

Первое издание «Алисы в Стране чудес» было напечатано издательством Макмиллана в типографии «Оксфорд Юниверсити Пресс» (Oxford University Press) в 1865 г. Иллюстратор Дж. Тенниел был недоволен качеством иллюстраций в этом издании, в результате чего Кэрролл отказался от заказа (судя по всему, тираж еще не поступал в продажу). Примерно 48 экземпляров этого издания были переплетены и разосланы Кэрроллом в подарок друзьям. Однако, отказавшись от заказа, Кэрролл попросил вернуть эти экземпляры и отослал их в детские больницы. Из этого первого издания сохранилось 20 экземпляров (два из них сейчас потеряны), а также экземпляр верстки, переплетенный наборщиком.

Кэрролл передал заказ фирме «Ричард Клей энд Санз» (Richard Clay and Sons), не

сделав сколько-нибудь значительных изменений в тексте; в декабре 1865 г. книга вышла в свет (датирована 1866 г.) (Lewis Carroll. *Alice's Adventures in Wonderland*. L., Macmillan, December 1865 (1866)). В это издание Кэрролл внес несколько мелких изменений, большая часть которых вошла в переиздание 1867 г.

При жизни автора «Алиса в Стране чудес» неоднократно переиздавалась, однако никаких сколько-нибудь существенных изменений в тексте не было произведено. К изданию 1886 г. Кэрролл написал короткое предисловие и увеличил одно стихотворение с шести до шестнадцати строк (см. примеч. d, с. 84-85). Издание 1897 г., вышедшее за год до смерти Кэрролла, было им собственноручно исправлено и снабжено предисловием.

«Сквозь Зеркало и Что там увидела Алиса» вышло в свет в декабре 1871 г. (датировано 1872 г.) (Lewis Carroll. *Through the Looking-Glass and What Alice Found There*. L., Macmillan, December 1871 (1872)). В последующих переизданиях Кэрролл лишь исправил несколько опечаток в тексте, а также написал послесловия к изданиям 1871 и 1876 гг. К изданию 1897 г. Кэрролл написал короткое предисловие.

Издание 1897 г., в которое вошли обе сказки Кэрролла, считается каноническим текстом, оно воспроизводилось в академическом издании «Оксфордской серии английского романа» (Lewis Carroll. *Alice's Adventures in Wonderland and Through the Looking Glass and What Alice Found There*. Edited with an Introduction by Roger Lancelyn Green. Oxford University Press, 1971. Oxford English Novels Series).

В основу нашего издания положено последнее прижизненное издание обеих сказок, выверенное Кэрроллом (текст сличен с академическим изданием «Оксфордской серии английского романа»), и «Аннотированная „Алиса“ Мартина Гарднера (Martin Gardner. *The Annotated Alice*, NY, 1960).

О ПЕРЕВОДЕ СТИХОВ

Приступая к работе над сказками Кэрролла в начале 60-х годов, мы включили в текст переводы С. Я. Маршака, давно уже ставшие достоянием русской культуры. Для издания 1967 г. остальные стихи перевела Д. Г. Орловская. Три года спустя Дины Григорьевны Орловской не стало. Труд по подготовке стихотворной части настоящего издания взяла на себя Ольга Александровна Седакова. Таким образом, за исключением отдельных, специально оговоренных случаев, переводы стихов в этом издании осуществлены С. Я. Маршаком, Д. Г. Орловской и О. А. Седаковой.

С. Я. Маршаку принадлежат переводы стих. «Папа Вильям», «Морская кадрили», «Шалтай-Болтай» в тексте самих сказок.

Д. Г. Орловской принадлежат переводы стихотворений в тексте обеих сказок Кэрролла: «Июльский полдень золотой», «Цап-царап сказал мышке», «Лупите своего сынка», «Дитя с безоблачным челом», «Бармаглот», «Раз Труляля и Траляля», «Морж и плотник», «Зимой, когда белы поля», «Вел за корону смертный бой со Львом Единорог», «Сидящий на стене», «Королева Алиса на праздник зовет», «Загадка Белой Королевы», «Ах, какой был яркий день».

О. Л. Седаковой принадлежат переводы стихов в тексте сказок: «Как дорожит своим хвостом», «Еда вечерняя», «Ты мигаешь, филин мой», «Дама Червей», «Колыбельная», а также стихотворные переводы в комментариях Гарднера и «Приложениях», за исключением специально оговоренных случаев.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Р. Л. Грин сообщает, что это объявление было напечатано на отдельном листе, вложенном в экземпляры первого завода второго тома «Сильви и Бруно», 1893; возможно,

оно было вложено также в следующий завод – шестьдесят первая тысяча – «Зазеркалья». Погрешности печати, о которых идет речь, были на деле минимальными, однако Кэрролл с присущей ему щепетильностью счел для себя необходимым выкупить весь тираж.

ОТ РЕДАКЦИИ

Две сказки английского писателя Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес» и «Сквозь Зеркало и Что там увидела Алиса» (или «Алиса в Зазеркалье») давно уже стали достоянием мировой культуры. Их судьба уникальна: написанные для детей, они не только вошли в классику литературы для взрослых, но и вызывают в наши дни самое пристальное внимание представителей гуманитарных и естественных наук. Интерес этот неслучаен, ибо создатель этих сказок, Чарлз Лютвидж Доджсон, выступавший в литературе под именем Льюиса Кэрролла, был профессиональным математиком, немало размышлявшим над различными аспектами математики и смежных с нею проблем, которые в середине прошлого века еще не оформились в самостоятельные науки. Кэрролл предвосхитил и на интуитивном уровне постиг многое из того, что лишь десятилетия спустя стало достоянием науки; его научные прозрения нашли свое особое выражение в тексте сказок. «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье», таким образом, возникли на пересечении двух планов, планов художественного и естественнонаучного мышления, что и объясняет своеобразие этого памятника и широту интереса к нему.

В академическое издание «Алисы в Стране чудес» и «Алисы в Зазеркалье» включены тексты обеих сказок в сопровождении комментария Мартина Гарднера, раскрывающего, в частности, их научный смысл, а также воссоздающего литературный, полемический и биографический фон обеих сказок. В комментарии Гарднера внесены некоторые сокращения: они касаются объяснений редких английских слов, ныне не понятных даже англичанам, но переданных в переводе, объяснений английских острот и каламбуров, параллельных мест, из документов, цитируемых в статьях Честертона, Де ла Мара и др., деталей, экранизаций и театральных постановок «Алисы в Стране чудес» в Соединенных Штатах и пр.

В раздел «Дополнения» вошли недавно найденный эпизод из «Алисы в Зазеркалье», исключенный Кэрроллом из корректуры, а также работы известных писателей и ученых, комментирующих различные стороны личности и творчества Кэрролла. Это, с одной стороны, такие видные представители английской художественной литературы, как Г. К. Честертон, Вирджиния Вулф, Уолтер Де ла Мар, которые воссоздают облик Кэрролла и интерпретируют его творческий метод. С другой стороны, это видные представители научного знания, которые комментируют сказки Кэрролла с позиций современной науки. Сюда относятся работы как зарубежных (математика М. Гарднера), так и отечественных ученых (математика Ю. А. Данилова, физика Я. А. Смородинского, психолога С. Г. Геллерштейна).

В раздел «Приложения», помимо статьи Н. М. Демуровой о месте Кэрролла в английской литературе XIX в., включена статья того же автора «О некоторых принципах перевода сказок Кэрролла», в которой анализируются трудности, встающие перед переводчиком Кэрролла, и излагаются некоторые основные принципы перевода.

1

1 *...рабочие институты...* – центры самообразования промышленных и сельскохозяйственных рабочих; были широко распространены в Англии со времен чартистского движения 30-х – 40-х годов XIX в.

2

2 «*Напастю*» – намек на поэму Кэрролла «Охота на Снарка», имеющую подзаголовок «В восьми напастях».

3

1 *Dramatis personae*. (* Действующие лица (лат.)). – Эта страница отсутствовала в издании 1897 г. Р. Л. Грин восстановил ее по первому изданию 1872 г. (перепечатана также в «народном» издании («People's Edition») в 1887 г.).

4

1 *Дитя с безоблачным челом...* – В этом стихотворном посвящении Кэрролл вновь обращается к Алисе Лидделл.

5

а Грустная мысль, выраженная в этих строках, к счастью, не имела реального основания, хоть большинство маленьких друзей Кэрролла, став повзрослее, и теряли с ним связь (а возможно, это он терял связь с ними). Среди воспоминаний о Кэрролле особое место занимают мемуары Алисы Лидделл, написанные ею в преклонном возрасте.

6

2 *Хоть лето кончилось, но пусть / Его не блекнут краски...* – В этих строках Кэрролл вспоминает «Алису в Стране чудес» и обстоятельства ее написания.

7

3 *Дыханью зла и в этот раз / Не опечалить мой рассказ.* – В оригинале последняя строка читается двояко. The pleasance of our fairy-tale буквально означает [не омрачит] «радость нашей сказки». В то же время Pleasance (счастье, радость) – второе имя Алисы Лидделл. Тем самым Кэрролл выражает также и надежду, что ее не коснутся ни зло, ни печаль.

8

а Описание шахматной задачи, лежащей в основе повествования, которое дает Кэрролл, не грешит против истины. Трудно объяснить утверждение, которое мы находим в «Справочнике по литературе о достопочтенном Ч. Л. Доджсоне» Сиднея Уильямса и Фальконера Мэдена (Sydney Williams and Falconer Madan. Handbook of the Literature of the Rev. C. L. Dodgson, p. 48), что до сих пор «не было сделано попытки» поставить правильный мат. Финальный мат вполне ортодоксален. Конечно, как указывает сам Кэрролл, не всегда соблюдается чередование ходов черных и белых, и некоторые из «ходов», перечисленных

Кэрроллом, не сопровождаются реальным передвижением фигур на доске (например, первый, третий, девятый и десятый «ходы» и «рокировка» королев).

Самое серьезное нарушение правил игры в шахматы происходит к концу задачи, когда Белый Король оказывается под шахом Черной Королевы, причем оба не обращают на это никакого внимания. «Почти ни один ход не имеет разумного смысла с точки зрения шахмат», – пишет мистер Мэден. Конечно, обе стороны играют до крайности небрежно, но чего же ожидать от безумцев, находящихся по ту сторону зеркала? Дважды Белая Королева пропускает возможность объявить мат, а потом почему-то бежит от Черного Коня, когда могла бы взять его. Оба промаха, однако, можно объяснить ее рассеянностью.

Огромные трудности, неизбежные при попытке увязать партию в шахматы с веселой сказкой-нонсенсом, Кэрролл преодолевает с замечательной находчивостью. Алиса, к примеру, не обменивается репликами ни с одной фигурой, не находящейся в клетке, граничащей с ней. Королевы мечутся во все стороны, верша всевозможные дела, тогда как их супруги остаются сравнительно неподвижными, ничего не предпринимая, – как это и бывает в настоящих шахматах. Причуды Белого Рыцаря на удивление соответствуют причудливому ходу его коня; даже склонность Рыцарей падать со своих коней то налево, то направо напоминает о том, как они движутся по шахматной доске – две клетки в одном направлении, а потом одна вправо или влево. Чтобы помочь читателю связать шахматные ходы с сюжетными, каждый ход будет отмечаться в комментарии.

Горизонталы на огромной шахматной доске отделены друг от друга ручейками. Вертикали – живыми изгородями. В продолжение всей игры Алиса остается позади Королевы – лишь последним ходом, став сама королевой, она берет Черную Королеву, чтобы поставить мат дремлющему Черному Королю. Любопытно, что именно Черная Королева убедила Алису пройти к восьмой горизонтали. Королева думала таким образом защититься сама, ибо белые вначале могут одержать легкую, хоть и не очень изящную победу в три хода. Белый Конь прежде всего объявляет шах на g3. Если Черный Король движется на d3 или d4, то Белая Королева дает мат на c3. Если же Черный Король идет на e5, то белые дают шах на c5, вынуждая Черного Короля пойти на e6. Затем Белая Королева объявляет мат на d6. Это требует, конечно, некоторой живости ума, которой не обладали ни Король, ни Королева.

Делались попытки придумать лучшую последовательность ходов, которая больше соответствовала бы повествованию и правилам игры. Из известных мне попыток такого рода наиболее далеко идущей является опубликованная в майском номере «Бритиш чесс мэгэзин» за 1910 г. («British Chess Magazine», 1910, vol. 30, p. 181).

Доналд М. Лидделл описывает всю игру, начатую дебютом Берда и заканчивающуюся матом, который объявляет Алиса, достигнув восьмой горизонтали на шестьдесят шестом ходу. Выбор дебюта очень хорош, ибо английский мастер Х. Э. Берд не имел себе равных по эксцентричности игры. Является ли Доналд Лидделл родственником кэрролловских Лидделлов, мне выяснить не удалось.

В средние века и эпоху Возрождения шахматные партии иногда разыгрывались на огромных лугах людьми, исполнявшими роль фигур (см. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», книга 5, главы 24 и 25); но я не знаю до Кэрролла ни одной попытки построить повествование, оживив шахматные фигуры. В качестве недавнего примера такого же рода приведу прекрасный рассказ Пола Андерсона «Бессмертная партия» (Paul Anderson. The Immortal Game. – «Fantasy and Science Fiction», February, 1954).

Шахматные фигуры по многим причинам чрезвычайно хорошо соответствуют второй книге об Алисе. Они дополняют карточные персонажи первой книги, разрешая вновь воспользоваться королями и королевами. Исчезновение воров-валетов более чем возмещается появлением благородных рыцарей с их конями. Удивительным переменам, связанным с ростом Алисы в первой книге, соответствуют не менее удивительные перемены местоположения, вызванные, разумеется, передвижением шахматных фигур на доске. По счастливому совпадению шахматы увязываются с темой зеркального отражения. Дело не только в том, что туры, офицеры и кони парны, но и в том, что в начале игры асимметричное

расположение фигур одной стороны (из-за позиций короля и королевы) представляет собой точное зеркальное отражение расположения фигур противника. И, наконец, безумство шахматной игры как нельзя лучше отвечает безумной логике Зазеркалья.

9

1 ...а «зелюки» – на последнем. – В оригинале поясняются слова «slithy», «gyte», «gimble», «rath».

10

а Кэрролл с его любовью к резким контрастам начинает вторую книгу сценой в доме, зимой (первая сказка открывалась сценой на берегу реки, в пригожий майский день). Зима переключается с темой старости и надвигающейся смерти, которые звучат в стихотворных вступлениях и заключении. Костер, для которого мальчишки собирали хворост, и вопрос Алисы: «А знаешь, что будет завтра, Китти?» – заставляют предположить, что время действия – 4 ноября, канун Дня Гая Фокса 11. (Этот день ежегодно отмечался в колледже Крайст Черч: на Пекуотер Квадрэнгл устраивался большой костер.) Предположение о дне действия подтверждается в главе V, где Алиса говорит Белой Королеве, что ей семь с половиной лет ровно: Алиса родилась 4 мая (предыдущее путешествие в Страну чудес происходило 4 мая, когда Алисе, по-видимому, было ровно семь).

Однако остается открытым вопрос о том, имел ли Кэрролл в виду 1859 г. (когда Алисе действительно было семь лет) или 1860, 1861, 1862 годы, когда Кэрролл рассказал и записал повесть о первом приключении Алисы. 4 ноября 1859 г. было пятницей, 1860 г. – воскресеньем, 1861 г. – понедельником, 1862 г. – вторником. Последняя дата кажется наиболее подходящей, если принять во внимание слова Алисы (см. несколько ниже) о том, что она отложит наказание котенку до следующей среды.

12

б Снежинкой звали котенка, который принадлежал Мэри Макдоналд, одной из маленьких приятельниц Кэрролла ранних лет. Мэри была дочерью доброго друга Кэрролла, Джорджа Макдоналда 13, шотландского поэта и романиста, автора таких известных фантастических повестей для детей, как «Принцесса и гоблин», «За спиной у Северной бури». Детям Макдоналда отчасти мы обязаны тем, что Кэрролл решился опубликовать «Алису в Стране чудес». Чтобы проверить, насколько она может заинтересовать широкий круг читателей, он попросил миссис Макдоналд прочитать сказку вслух в семейном кругу. Дети пришли в восторг. Гревилл, которому в то время было шесть лет, заявил, что хорошо бы иметь шестьдесят тысяч таких книжек. Позже он рассказал об этом эпизоде в книге воспоминаний о своих родителях (Greville Macdonald. George Macdonald and his Wife).

14

с Тема Зазеркалья, очевидно, возникла позже основного замысла второй сказки, в основу которой, как вспоминала Алиса Лидделл, легли экспромты, которые сочинял Кэрролл, обучая девочек Лидделл игре в шахматы. Лишь в 1868 г. появилась мысль о стране, лежащей по ту сторону зеркала, подсказанная разговором с другой Алисой, дальней родственницей писателя Алисой Рейке. Вот как об этом рассказывает она сама в лондонской

газете «Таймс» от 22 января 1932 г.:

«В детстве мы жили на Онслоу-сквер и играли, бывало, в саду за домом. Чарлз Доджсон гостил там у старого дядюшки и часто прогуливался по лужайке, заложив руки за спину. Однажды, услышав мое имя, он подозвал меня к себе.

– Так ты, значит, тоже Алиса. Я очень люблю Алис. Хочешь посмотреть на что-то очень странное?

Мы вошли вслед за ним в дом, окна которого, как и у нас, выходили в сад. Комната, в которой мы очутились, была заставлена мебелью; в углу стояло высокое зеркало.

– Сначала скажи мне, – проговорил он, подавая мне апельсин, – в какой руке ты его держишь.

– В правой, – ответила я.

– А теперь, – сказал он, – подойди к зеркалу и скажи мне, в какой руке держит апельсин девочка в зеркале.

Я с удивлением ответила:

– В левой.

– Совершенно верно, – сказал он. – Как ты это объяснишь?

Я никак не могла этого объяснить, но видя, что он ждет объяснения, решила:

– Если б я стояла по ту сторону зеркала, я бы, должно быть, держала апельсин в правой руке?

Я помню, что он засмеялся.

– Молодец, Алиса, – сказал он. – Лучше мне никто не отвечал.

Больше мы об этом не говорили; однако спустя несколько лет я узнала, что, по его словам, этот разговор навел его на мысль о «Зазеркалье», экземпляр которого он и прислал мне в свое время вместе с другими своими книгами.

В зеркале все асимметричные предметы (предметы, не совпадающие по своим зеркальным отражениям) предстают обращенными, «выворачиваются».

В книге много примеров таких зеркальных отражений 15.

Как мы увидим, Труляля и Траляля – «зеркальные» близнецы; Белый Рыцарь поет о попытке втиснуть правую ногу в левый башмак; возможно, не случайно, что в книге не раз говорится о штопоре, ибо спираль – асимметричная структура, имеющая правую и левую формы. Если расширить тему Зазеркалья так, чтобы она включала зеркальное отражение любой асимметричной ситуации, мы верно определим основной мотив всей книги. Перечислять здесь все примеры было бы слишком долго; достаточно привести лишь несколько из них.

Чтобы приблизиться к Черной Королеве, Алиса идет в противоположном направлении; в вагоне поезда кондуктор ей говорит, что она едет не в ту сторону; у короля – два Гонца, «один, чтобы бежал туда, другой – чтобы бежал оттуда». Белая Королева объясняет преимущества «жизни назад»; пироги в Зазеркалье сначала раздают гостям, а потом уж режут. Четные и нечетные числа, представляющие собой комбинаторные эквиваленты правого и левого, в различных местах вплетаются в повествование. В определенном смысле нонсенс есть инверсия осмысленного и бессмысленного. Обычный мир переворачивается вверх ногами и выворачивается наизнанку; он превращается в мир, в котором все происходит как угодно, но только не так, как полагается.

Тема инверсии характерна, конечно, для всего нонсенса Кэрролла. В «Стране чудес» Алиса размышляет: «Едят ли кошки мошек? Едят ли мошки кошек?» Ей объясняют, что говорить, что думаешь, и думать, что говоришь, совсем не одно и то же. Откусив от гриба с левой стороны, она вырастает, откусив же с правой – напротив, уменьшается. Эти изменения в росте, которых так много в первой сказке, сами по себе являются инверсиями (например, вместо большой девочки и маленького щенка – маленькая девочка и большой щенок). В «Сильви и Бруно» мы знакомимся с «импондералом», антигравитационной ватой, которой можно набить почтовую посылку, чтобы она весила меньше, чем ничего; с часами, которые обращают время; с черным светом; с Фортунатовым кошельком, являющимся проективной

плоскостью, у которой внутренность снаружи, а наружная сторона внутри. Мы узнаем, что E-V-I-L (зло) есть не что иное, как L-I-V-E («жить» наоборот).

В жизни Кэрролл также часто пользовался приемом инверсии, чтобы повеселить своих маленьких друзей. В одном из его писем речь идет о кукле, чья левая рука становится «правой», оторвав правую в споре. В другом он писал: «Я так уставал, что ложился спать через минуту после того, как вставал, а иногда за минуту до того, как вставал». Он порой писал письма зеркально: чтобы прочитать, приходилось подносить их к зеркалу. У него было собрание музыкальных шкатулок, и он любил проигрывать их от конца к началу. Он рисовал картинки, которые превращались во что-то иное, стоило перевернуть их вверх ногами.

Даже в серьезные минуты Кэрроллу лучше всего думалось, когда ему удавалось, наподобие Белого Рыцаря, увидеть все перевернутым. Он придумывал новый способ умножения, в котором множитель писался наоборот и над множимым. «Охота на Снарка», как он рассказывает, была написана им с конца. «Ибо Снарк был буджум, понимаешь?» – эта последняя строка поэмы пришла ему в голову внезапно, как озарение. Затем он присочинил к ней строфу, к строфе – поэму.

Близко связан с кэрролловской инверсией и его юмор логического противоречия. Черная Королева знает холм такой большой, что рядом с ним этот покажется долиной; сухое печенье едят, чтобы утолить жажду; гонец шепчет крича; Алиса бежит так быстро, что ей удается остаться на месте. Неудивительно, что Кэрролл любил особый вид каламбура, называемый «ирландским быком» 16, суть которого в логическом противоречии. Однажды он написал сестре:

«Пожалуйста, разбери с логической точки зрения следующее рассуждение:

Девочка: Я так рада, что не люблю спаржу.

Подруга: Отчего же, милая?

Девочка; Потому что, если б я ее любила, мне бы пришлось ее есть, а я ее не выношу».

Кто-то из знакомых Кэрролла вспоминает, что слышал, как он рассказывал про одного человека, у которого были такие большие ноги, что ему приходилось надевать брюки через голову.

«Пустое множество» (множество, не имеющее элементов), с которым он обращается как с овеществленной реальностью, также служит Кэрроллу источником логического нонсенса особого рода. Мартовский Заяц предлагает Алисе несуществующего вина; Алиса размышляет, что происходит с пламенем свечи, когда свеча не горит; географическая карта в «Охоте на Снарка» представляет собой «абсолютную и совершенную пустоту»; Червонному Королю кажется странным, что можно написать письмо «никому» («Кому адресовано письмо?» – «Никому»), а Белый Король хвалит остроту зрения Алисы, увидевшей на дороге «никого» («Кого ты там видишь?» – «Никого»).

Почему юмор Кэрролла так тесно связан с логическими головоломками такого рода? Здесь не место разбирать вопрос о том, объясняется ли это только тем, что Кэрролл интересовался логикой и математикой или некими подсознательными импульсами, побуждающими его снова и снова сужать и расширять, сжимать и переворачивать, вывертывать наизнанку и ставить вверх ногами привычный мир. Вряд ли можно согласиться с положением, выдвинутым Флоренс Бекер Леннон в ее чрезвычайно интересной биографии Кэрролла «Викторианство в Зазеркалье» (Florence Becker Lennon. Victoria Through the Looking-Glass). Она доказывает, что Кэрролл от рождения был левшой, которого заставили пользоваться правой рукой, и что он «брал реванш, выворачивая многое справа налево». К несчастью, факты, доказывающие, что Кэрролл от природы был левшой, настолько малочисленны и неубедительны, что их нельзя принимать во внимание. Впрочем, такое объяснение истоков нонсенса Кэрролла все равно было бы недостаточным.

d Рассуждение Алисы о «зазеркальном» молоке гораздо значительнее, чем думалось Кэрроллу. Лишь спустя несколько лет после опубликования «Зазеркалья» стереохимия нашла положительное подтверждение тому, что органические вещества имеют асимметричное строение атомов. Изомеры суть вещества, молекулы которых состоят из совершенно тех же атомов, соединенных, однако, в топологически различные структуры. Стереои́зомеры суть изомеры, идентичные даже в топологической структуре, однако из-за асимметричности этой структуры они образуют зеркальные пары, подобно левому и правому ботинку. Все органические вещества стереоизометричны. Обычно в пример приводят сахар: в «правом» варианте его называют декстрозой, в левом – левулезой. Прием пищи вызывает сложные химические реакции между асимметричными веществами и асимметричными продуктами в организме, потому что между «левыми» и «правыми» формами одного и того же органического вещества существует определенная разница во вкусе, запахе и усвояемости. Ни одна лаборатория или корова пока что не дала «зеркального» молока, но можно смело сказать, что если бы асимметричную структуру молока зеркально отразили, его нельзя было бы пить.

В этом суждении о «зазеркальном» молоке подразумевается лишь отражение структуры, соединяющей атомы молока. Конечно, подлинное зазеркальное отражение молока означало бы и инверсию структуры самих элементарных частиц. В 1957 г. Ли Цзун-дао и Янг Чжень-нин, два американских физика китайского происхождения, получили Нобелевскую премию за теоретический труд, который, по удачному выражению Роберта Оппенгеймера, привел их к «радостному и удивительному открытию» относительно того, что частицы и их античастицы (то есть идентичные частицы с противоположными зарядами), подобно стереоизомерам, суть не что иное, как зеркальные отражения тех же структур. Если это так, тогда «зазеркальное» молоко будет состоять из «антивещества», которое Алиса даже не сможет выпить: стоит ей прийти в соприкосновение с этим молоком, как оба они взорвутся. Разумеется, анти-Алиса, находящаяся по ту сторону зеркала, найдет антимолоко чрезвычайно вкусным и питательным.

Читателям, которым хотелось бы узнать больше о философском и научном смысле «левого» и «правого», рекомендую познакомиться с прекрасной книжкой Германа Вейля (Hermann Weyl. Symmetry, 1952) 18, со статьей Филипа Моррисона (Philip Morrison. The Overthrow of Parity, – «Scientific American», April, 1957) и с моей работой «Обеими ли руками пишет Природа?» (Martin Gardner. Is Nature Ambidextrous? – «Philosophy and Phenomenological Research», December, 1952) 19. В более легком жанре написана последняя глава о «левом» и «правом» в «Книге математических загадок и развлечений „Сайентифик Америкэн“ (The Scientific American Book of Mathematical Puzzles and Diversions, 1959) и мой рассказ „Левое или правое?“ („Esquire“, February, 1951). Классический пример научной фантастики на эту тему – „Рассказ Платнера“ Уэллса. В настоящий момент, когда я пишу эти строки, специалисты по атомной физике размышляют о возможности создания антивещества в лабораторных условиях.

20

e Неловкость Белого Коня, съезжающего вниз по кочерге, предвосхищает неловкость Белого Рыцаря на коне (гл. VIII).

21

f Поначалу Кэрролл намеревался напечатать все стихотворение зеркально отраженным, однако позже решил ограничиться первой строфой. Тот факт, что Алиса увидела эти строки перевернутыми, свидетельствует о том, что сама она, пройдя сквозь зеркало, не изменилась.

Как говорилось выше (примеч. «d»), сейчас у вас есть все основания полагать, что «неотраженная» Алиса просуществовала бы в Зазеркалье не более тысячной доли секунды (см. также примеч. к гл. V).

JABBERWOCKY

*'Twas brillig, and the slithy toves
Did gyre and gimble in the wabe:
All mimsy were the borogoves,
And, the mome raths outgrabe.*

*Beware the Jabberwock, my son!
The jaws that bite, the claws that catch!
Beware the Jnjbub bird, and shun
The frumious Bandersnatch!*

*He took his vorpal sword in hand:
Long time the manxome foe he sought –
So rested he by the Tumtum tree,
And stood awhile in thought.*

*And, as in uffish thought he stood,
The Jabberwock, with eyes of flame,
Came whiffling through the tulgey wood,
And burbled as it came!*

*One, two! One, two! And through and through
The vorpal blade went snicker-snack!
He left it dead, and with its head
He went galumphing back.*

*And hast-than slain the Jabberwock?
Come to my arms, my beamish boy!
O frabjous day! Callooh! Callay!
He chortled In his joy.*

*'Twas brillig, and the slithy loves
Did gyre and glmble in the wabe:
All mimsy were the borogoues.
And the mome raths outgrabe.*

Первая строфа этого стихотворения появилась впервые в журнале «Миш-Мэш» («Misch-Masch»), последнем из домашних «публикаций», которые Кэрролл в юности сочинял, собственноручно переписывал и иллюстрировал для развлечения своих братьев и сестер. В номере, помеченном 1855 годом (Кэрроллу тогда было двадцать три года), этот «любопытный отрывок» появился под названием: «Англосаксонский стих» ... В заключение

Кэрролл писал: «Смысл этого фрагмента древней Поэзии темен; и все же он глубоко трогает сердце». Мало кто станет оспаривать тот факт, что «Jabberwocky» является величайшим стихотворным нонсенсом на английском языке. Он был так хорошо знаком английским школьникам XIX в., что пять из его «бессмысленных» слов фигурируют в непринужденном разговоре мальчиков в «Столки и Ко» Киплинга 23. Сама Алиса весьма точно определяет секрет очарования этих строк: они «наводят на всякие мысли, хоть и неясно – на какие». Странные слова в этом стихотворении не имеют точного смысла, однако они будят в душе читателя тончайшие отзвуки. С тех пор были и другие попытки создать более серьезные образцы этой поэзии (стихотворения дадаистов 24, итальянских футуристов и Гертруды Стайн 25, например) – однако, когда к ней относятся слишком серьезно, результаты кажутся скучными. Я не встречал человека, который помнил бы хоть что-нибудь из поэтических опытов Стайн, но я знаю множество любителей Кэрролла, которые обнаружили, что помнят «Jabberwocky» слово в слово, хоть никогда не делали сознательной попытки выучить его наизусть. Огден Нэш 26 написал прекрасное стихотворение-нонсенс «Геддондилло», но даже в нем он несколько слишком старается достигнуть определенного эффекта. «Jabberwocky» же обладает непринужденной звучностью и совершенством, не имеющим себе равных.

«Jabberwocky» был любимым произведением английского астронома Артура Стэнли Эллингтона, которое он не раз упоминал в своих трудах. В книге «Новые пути в науке» (Arthur Stanley Eddington. *New Pathways in Science*) он сравнивал формальную структуру стихотворения с областью современной математики, известной как теория групп. В «Природе физического мира» (*The Nature of the Physical World*) он замечает, что описание элементарной частицы, которое дает физик, есть на деле нечто подобное «Jabberwocky»; слова связываются с «чем-то неизвестным», действующим «неизвестным нам образом». Поскольку указанное описание содержит числа, физика оказывается в состоянии внести некоторый порядок в явление и сделать относительно него успешные предсказания. Эддингтон пишет:

«Наблюдая восемь электронов в одном атоме и семь электронов в другом, мы начинаем постигать разницу между кислородом и азотом. Восемь „хливых шорьков“ „пыряются“ в кислородной „наве“ и семь – в азотной. Если ввести несколько чисел, то даже „Jabberwocky“ станет научным. Теперь можно отважиться и на предсказание: если один из „шорьков“ сбежит, кислород замаскируется под азот. В звездах и туманностях мы, действительно, находим таких волков в овечьих шкурах, которые иначе могли бы привести нас в замешательство. Если перевести основные понятия физики на язык „Jabberwocky“, сохранив все числа – все метрические атрибуты, ничего не изменится; это было бы неплохим напоминанием принципиальной непознаваемости природы основных объектов».

«Jabberwocky» умело переводили на несколько языков. Существуют два латинских перевода; один сделан в 1881 г. Огастесом М. Ванситтартом, профессором Тринити Колледжа в Кембридже, и был издан отдельной книжечкой Оксфордским университетским издательством в том же году (см. с. 144 биографии Коллингвуда); второй – дядюшкой Кэрролла Хэссердом Х. Доджсоном (см. *Lewis Carroll Picture Book*, p. 364). «Габбербокхус Пресс», странное наименование, принятое одним лондонским издательством, идет от латинского имени «Jabberwocky», придуманного дядюшкой Хэссердом.

Приводимый ниже французский перевод Фрэнка Л. Уоррина (F. L. Warriо) был впервые опубликован в журнале «Нью-Йоркер» в январе 1981 г. («New Yorker», January 10, 1931). (Цит. по книге миссис Леннон, где он был перепечатан).

LE JASEROQUE

*Il brllgue: les toves lubricilleux
Se gyrent en vrillant dans le guave,
Enmimes sont les gougebosqueux.*

Et le momerade horsgrave.

*Garde-toi du Jaseroque, mon fils!
La gueule qui mord; la griffe qui prend!
Garde-toi de l'oiseau Jube, evite
Le frumieux Band-a prend,*

*Son glaive vorpal en, main il va—
T-a la recherche du fauve manscant;
Puis arrive a iabre Te-Te,
Il y reste, reflechissant.*

*Pendant qu'il pense, tout uffuse
Le Jaseroque, a l'oeil flambant,
Vient siblant par le bois lullegeais,
Et burbule en venant.*

*Un deux, un deux, par le milieu,
Le glaive vorpul fait pat-a-pan!
La bete delaite, avec sa tete,
Il rentre gallomphant.*

*As-tu tue le Jaseroque?
Viens a mon coeur, fils rayonnait
O jour frabbejeais! Calleau! Collai!
Il cortule dans sa joie.*

*Il brilgue: les loues lubricilleux
Se gyrent en vrillant dans le guaue,
Enmimes sont les gougebosqueux,
Et le momerade horsgrave.*

Превосходный перевод на немецкий язык был сделан Робертом Скоттом, видным специалистом по греческому языку, сотрудничавшим с ректором Лидделлом (отцом Алисы) в работе над греческим словарем. Впервые этот перевод появился в статье «Подлинное происхождение „Jabberwocky“» („Macmillan Magazine“, February 1872). Скрывшись под псевдонимом Томаса Чэттертона, Скотт сообщал, что присутствовал однажды на спиритическом сеансе, где дух некоего Германа фон Швинделя 27 утверждал, что стихотворение Кэрролла есть просто перевод старинной немецкой баллады:

DER JAMMERWOCH

*Es brillig war. Die schlichte Toven
Wirrten und wimmelten in Waben:
Und aller-mumsige Burgguven
Die mohmen Rath' ausgraben.*

*Bewahre doch vor Jammerwoch!
Die Zahne knirschen, Krallen kratzen!
Bewahr' vor Jubjub-Vogel, vor
Frumiosen Banderschnatzchen!*

*Er griff sein vorpals Schwertchen zu,
Er suchte lang das manchsam' Ding;
Dann, stellend unten Tumtum Baum,
Er an-zu-denken-jing.*

*Als stand er tief in Andacht auf,
Des Jammerwochen's Augen-jeuer
Durch tulgen Wald mit wiffek kam
Ein burbelnd ungeheuer!*

*Eins, Zwei! Eins, Zwei!
Und durch und durch
Sein vorpals Schwert
zerschnifer-schnuck,
Da blieb es todt! Er, Kopf in Hand,
Gelaumfig zog zuruck.*

*Und schlugst Du ja den Jammerwoch?
Umarme mich, mien Bohm'sches Kind!
O Freuden-Tag! O Halloo-Schlag!
Er chortelt froh-gesinnt.*

Es brillig war, etc.

«Jabberwocky» много раз пытались пародировать. В антологию нонсенса Кэролин Уэллс (Such Nonsense. Compiled by Carolyn Wells, 1918) включены три из наиболее удачных пародий, но я склонен разделить мнение Честертона относительно того, что всякие попытки такого рода создать юмористические подражания юмористическим произведениям обречены на провал.

В одном из лучших рассказов Льюиса Пэджитта – под этим именем выступали покойный Генри Куттнер и его жена Кэтрин Л. Мор – (L. Padgett. Mimsy were the Borogoves) слова из «Jabberwocky» рассматриваются как знаки языка будущего. Правильно понятые, они раскрывают технику проникновения в четырехмерный континуум пространства-времени. Та же мысль превосходно используется в очень смешном детективном романе Фредрика Брауна (Fredric Brown. Night of the Jabberwock). Рассказчик – восторженный почитатель Кэрролла. От Иегуди Смита, который, судя по всему, является членом общества поклонников Кэрролла «Светозарные мечи», он узнает, что сказки Кэрролла – вовсе не сказки, а правдивое повествование о действительной жизни в другом измерении. Ключи к сказкам остроумно скрыты в математических трактатах Кэрролла, особенно в Curiosa Mathematics, и в его стихотворениях, которые на деле являются акростихами более замысловатого толка. Почитатели Кэрролла не должны пройти мимо «Ночи Бармаглота», этого необычного произведения, тесно связанного с «Алисой».

h Бармаглот в «Охоте на Снарка» не упоминается, но в письме к миссис Чэтевей, матери одной из девочек, с которыми дружил Кэрролл, он пишет, что место действия в «Снарке» – остров, «который часто посещают Джубдзуб и Брандашмыг. Это, безусловно, тот самый остров, где был убит Бармаглот».

Когда девочки из Бостонской классической гимназии попросили у Кэрролла

разрешения назвать свой школьный журнал «The Jabberwock», он ответил:

«Мистер Льюис Кэрролл с удовольствием дает редакторам предполагаемого журнала согласие использовать титул, на котором они остановили свой выбор. Ему удалось установить, что англосаксонское слово „wocet“ или „wocog“ означает „потомок“ или „плод“. Принимая обычное значение слова „jabber“ („возбужденный или долгий спор“), получим в результате „плод долгого и возбужденного спора“. Насколько это название будет отвечать духу задуманного издания, предоставим судить будущим историкам американской литературы. Мистер Кэрролл желает всевозможных успехов журналу».

29

i Брандашмыг упоминается снова в главе VII, а также в «Охоте на Снарка» («Напасть» 7, ст. 3, 4, 6).

30

j Тенниел, иллюстрировавший эту строфу прекрасным рисунком, поначалу предполагал поставить его фронтисписом ко всей книге. Однако Кэрроллу этот рисунок показался слишком устрашающим, и он предпочел заменить его чем-то более спокойным. В 1871 г., прежде чем принять окончательное решение, он отпечатал типографским способом следующее письмо и разослал его тридцати матерям своих юных друзей:

«Посылаю Вам предполагаемый фронтиспис „Зазеркалья“. Чудовище это, как полагают некоторые, слишком страшно и может испугать нервных детей, наделенных воображением, а книгу, во всяком случае, лучше начать каким-то более приятным рисунком.

Поэтому мне хотелось бы узнать мнение нескольких друзей, для какой цели я и рассылаю отпечатанные фронтисписы. Мы можем принять любое из трех решений:

(1) Сохранить данный фронтиспис; (2) Перенести этот фронтиспис в надлежащее место (там, где будет напечатана баллада, которую он должен иллюстрировать) и заменить его другим фронтисписом; (3) Не публиковать его вовсе. Я буду признателен Вам за мнение (которое можно проверить, показав рисунок детям по Вашему выбору) относительно того, какое решение принять».

Судя по всему, большинство матерей выбрали второй вариант, ибо фронтисписом стал рисунок, изображающий Белого Рыцаря верхом на коне. Вопрос о том, не является ли и «Бармаглот» пародией, остается до сих пор открытым. Роджер Грин высказывал предположение («The London Times Literary Supplement», March 1, 1957), что Кэрролл, возможно, имел в виду немецкую балладу «Пастух с Гор Великанов», в которой повествуется о том, как юный пастушок убил огромного Грифона. В 1846 г. кузина Кэрролла, Мэнелла Бьют Смедли перевела эту балладу на английский язык и опубликовала в одном из лондонских журналов («Sharpe's London Magazine», March 7 and 21, 1846). «Сходство почти неуловимо, – пишет Грин. – Оно не в словах, а в настроении и атмосфере; пародируется весь стиль и самая идея баллады».

11

1 День Гая Фокса – так называется празднуемый и по сию пору в Англии день раскрытия Порохового заговора 1605 г., когда католики пытались взорвать здание Парламента, где на сессии должен был находиться ненавистный им король Иаков I с сыном. Заговорщики были казнены. С тех пор в Англии стало традицией отмечать этот день кострами, на которых сжигали чучело Гая Фокса, одного из участников заговора.

В колледже Крайст Черч, где преподавали Кэрролл и Лидделл, в честь этого праздника разводили костер на одной из площадок.

13

2 *Макдоналд*, Джордж (1824-1905) – английский писатель и поэт.

15

3 ...*зеркальных отражений*. – Среди тех, кто использовал прием, русский поэт С. Г. Фруг (1860-1916). Приведем для примера его стихотворение «Зеркало» (1899), где используется прием «зеркального отражения»:

*О грядущем ни намека,
О минувшем – ни следа...
Отражается всегда
Лишь обманчиво глубоко
С их зеркальной глубиной
Все в очах лазурно-чистых:
И созревшей страсти зной,
И мерцанье грез лучистых.
Подношу я этот дар
Ей, холодной и прекрасной,
Не пленив мечтой напрасной
Мысли свет и сердца жар.*

*Мысли свет и сердца жар
Не пленив мечтой напрасной,
Ей, холодной и прекрасной,
Подношу я этот дар.
И мерцанье грез лучистых,
И созревшей страсти зной –
Все в очах лазурно-чистых
С их зеркальной глубиной
Лишь обманчиво глубоко
Отражается всегда...
О минувшем – ни следа.
О грядущем ни намека.*

16

4 «*Ирландский бык*» – см. эссе Марии Эджворт (1767-1849) «Эссе об ирландских быках» (Maria Edgeworth. Essay on Irish Bulls. L., 1802).

18

Русский перевод: Герман Вейль. Симметрия. М., 1968.

19

Русский перевод: Мартин Гарднер. Математические головоломки и развлечения. М., 1971.

23

5 *Киплинг*, Редьярд (1865-1936) – английский поэт и писатель; «Столки и Ко» (1899) – повесть о школьных годах писателя, в которой он сам и его друзья фигурируют под вымышленными именами.

24

6 Дадаисты – представители модернистского течения начала XX в., объединяющего художников и писателей (главным образом во Франции и Германии).

25

7 *Стайн*, Гертруда (1874-1946) – американская писательница, известная своими авангардистскими экспериментами в области поэтической и прозаической формы.

26

8 *Нэш*, Огден (1902-1971) – американский поэт-юморист.

27

Schwindel (нем.) – обман.

31

1 *Пойду-ка я назад!* – П. Хит замечает по этому поводу: «Неудачи Алисы в данном случае, подобно неудачам героев Кафки, вызваны не ошибками в исполнении задуманного, а неправильным методом подхода. Нередко тем же объясняются философские и научные трудности. Когда все пути ведут прочь от намеченной цели, заканчиваясь все тем же препятствием, наступает время задаться методологическими вопросами и пересмотреть условия самой задачи. То, что кажется неразрешимым под одним углом, не представляет сложности под другим, как со временем поймет и Алиса» (с. 141).

32

а Поначалу Кэрролл намеревался использовать здесь страстоцвет, однако, узнав, что он символизирует Страсти Христовы, а не людские, заменил страстоцвет на тигровую лилию.

Весь этот эпизод пародирует говорящие цветы в поэме Теннисона «Мод» (ч. 22).

33

b Помимо трех старших сестер, которых так любил Кэрролл, в семействе Лидделл были еще две младшие, Роза и Вайолет (violet – фиалка). Они появляются этой главе как Роза и Фиалка.

34

c Сравни со следующей строфой из поэмы Теннисона «Мод»:

*Уронили цветы мои слезы, и ниже
Лепестки наклонили в бреду.
Не она ли идет, не ее ли увижу.
Жизнь мою и голубку в саду?
Роза алая вскрикнула: «Ближе, ближе!»
Плачет белая, прочит беду.
И прислушался шпорник: «Я слышу, слышу!»
И шепнула лилия: «Жду!»*

35

d В этих словах – явный намек на то, что «вперед» и «назад» в зеркале меняются местами. Идите к зеркалу – изображение двинется навстречу вам, т. е. в обратном направлении.

36

e В статье «Алиса на сцене», которая цитировалась выше, Кэрролл писал:

«Черную Королеву я представлял себе также как фурию, но совсем иного рода; ее страсть должна быть холодной и сдержанной; сама же она – чопорной и строгой, впрочем, не вовсе лишенной приветливости; педантичная до чрезвычайности, это квинтэссенция всех гувернанток!»

Предполагают, что в образе Черной Королевы Кэрролл изобразил мисс Прикетт, гувернантку Лидделов, которую дети прозвали «Колючкой» (Pricks – сокращение от Prickett – по-английски «колючка»). Одно время в Оксфорде ходили слухи о романтической привязанности Кэрролла к мисс Прикетт, вызванные его частыми визитами в дом Лидделла, однако скоро стало ясно, что интересовали его дети, а не гувернантка.

37

f Эддингтон в заключительной главе «Природы физического мира» приводит эти слова Черной Королевы в связи с тонким замечанием относительно того, что физики называют «проблемой нонсенса». Эддингтон утверждает, что хотя физику, возможно, бессмысленно утверждать, что существует какая-то иная реальность, помимо той, которая подвластна

законам физики, все же это осмысленно, как толковый словарь, по сравнению с бессмыслицей предположения, что этой реальности вовсе не существует.

38

g Столько было написано незабываемых строк, в которых жизнь сравнивалась с огромной шахматной партией, что из них можно было бы составить солидную антологию. Порой игроки – это сами люди, стремящиеся распоряжаться своими собратьями, словно шахматными фигурами на доске. Порой шахматную партию играют Бог и Сатана. Уильям Джеймс 39 обыгрывает эту сцену в своем эссе «Дилемма детерминизма» (William James. The Dilemma of Determinism). Ему вторит Герберт Уэллс в прологе к своему прекрасному роману о воспитании «Неугасимый огонь».

40

h Алиса встречает Лили, дочь Белой Королевы и одну из белых пешек, еще в предыдущей главе. Давая это имя белой пешке, Кэрролл, возможно, имел в виду Лили Макдоналд, старшую дочь Джорджа Макдоналда (см. 12), который называл ее «своей белой лилией». Кэрролл в своих письмах, написанных, когда Лили исполнилось пятнадцать лет, подшучивал над ее внушительным возрастом. Возможно, фраза о том, что крошка Лили еще слишком мала для игры в шахматы, также шутка в том же роде.

С. Колливгвуд в своей биографии Кэрролла отмечает (р. 427), что последний подарил одной из девочек, с которыми дружил, белого котенка по имени Лили («Лили, кисочка! Котенок мой ненаглядный!» – говорит своей дочери Белая Королева еще в первой главе). Правда, это, возможно, произошло уже после того, как возникло «Зазеркалье».

41

3 *Неужели мы не стронулись с места ни на шаг?* – По поводу этих строк Эликзэндер Тейлор пишет: «Не подлежит сомнению, что множество остроумных и глубокомысленных вещей, сказанных об этом беге, совершенно справедливы. Возможно, Кэрролл здесь предвосхищает Эйнштейна. Возможно, он действительно представляет здесь духовные странствия Алисы, в результате которых она оказывается там же, откуда ушла. Однако в основе этого эпизода лежит математический фокус. В нашем мире скорость есть частное от деления расстояния на время: $s = d:t$. В „Зазеркалье“, однако, скорость есть частное от деления времени на расстояние. При большой скорости время велико, а расстояние мало. Чем выше скорость, тем меньше пройденное расстояние. Чем быстрее бежала Алиса во времени, тем более она оставалась на том же месте в пространстве» (Alexander L. Taylor. *Through the Looking-glass*. – AA, p. 225).

42

i Эта фраза, возможно, цитируется чаще, чем любая другая из сказок об Алисе. Особенно часто вспоминают ее в связи с быстро меняющейся политической ситуацией.

43

j Взглянув на расположение шахмат на диаграмме, приводимой в предисловии автора, тотчас замечаешь, что Алиса (белая пешка) и Черная Королева стоят рядом на соседних клетках. Первый ход задачи: Королева уходит на b5.

39

2 *Джеймс* (Джемс), Уильям (1842-1910) – американский философ и психолог.

44

а Шесть ручейков – это шесть горизонталей, отделяющих Алису от восьмой, куда она стремится попасть, чтобы стать Королевой. Всякий раз, как она пересекает поле, это отмечается в тексте звездочками.

Первым ходом, который распадается в тексте на прыжок Алисы через ручеек и прыжок поезда, она переходит с d2 на d4. Это единственный «длинный прыжок», дозволенный пешке. Перепрыгнув сейчас через ручеек, она оказалась на третьей горизонтали. Поезд доведет ее до четвертой.

45

б Лицо «господина в белой бумаге» напоминает Дизраэли в политических карикатурах Тенниела 46 в «Панче». Возможно, что «белая бумага» – намек на официальные документы (называемые по-английски white papers), с которыми имеют дело эти деятели.

47

с Прыжок поезда переносит Алису на d4. В первоначальном варианте сказки Алиса хваталась не за козлиную бороду, а за волосы старой дамы, которая также сидела в вагоне. Однако 1 июня 1870 г. Тенниел послал Кэрроллу следующее письмо:

«Мой дорогой Доджсон,

Мне кажется, что во время прыжка (сцена в поезде) Вы могли бы заставить Алису вцепиться в козлиную бороду, а не в волосы старой дамы. Ведь Алису в результате прыжка просто швыряет в этом направлении.

Не считайте меня бестактным, но я вынужден сказать, что глава о «шмеле» меня совершенно не устраивает. Я не вижу в ней ничего для иллюстраций. Думаю – при всей готовности согласиться с Вашим решением, – что, если Вы хотите сократить книжку, этой возможности упускать не следует. Мучительно спешу –

Искренне Ваш, Дж. Тенниел».

Кэрролл принял оба предложения Тенниела. Старая дама и глава о «шмеле» исчезли. К сожалению, из этой главы не сохранилось ничего 48.

49

3 *Но я могу вам сказать, как их зовут. – А они, конечно, идут, когда их зовут? – небрежно заметил Комар. – Нет, по-моему, не идут. – Тогда зачем же их звать, если они не идут? –* В этом диалоге отголоском звучат шекспировские строки («Генрих IV», часть I, III, 1):

Глендаур

Я духов вызывать могу из бездны.

Хотспер

И я могу, и каждый это может. Вопрос лишь, явятся ль они на зов.

(Пер. Е. Бируковой).

50

d Таким лесом является на деле вселенная, если рассматривать ее как существующую саму по себе, независимо от существ, манипулирующих символами и наклеивающих ярлычки на те или иные ее части, поскольку, как заметила ранее с прагматической прозорливостью Алиса, это полезно для тех, кто этим занимается. Мысль о том, что мир сам по себе не помечен знаками, что между предметами и их названиями нет никакой связи, помимо той, которую придает им интеллект находящий эти пометки полезными, – совсем не тривиальная философская истина. Радость Лани, вспомнившей свое имя, вызывает в памяти старую шутку о том, что Адам назвал тигра тигром, потому что тот был *похож* на тигра.

51

e Алиса пытается вспомнить, конечно, собственную фамилию (Лидделл). С буквы Л начинается также «Лили», имя белой пешки, чье место на доске заняла Алиса.

52

4 *Впрочем, она тут же успокоилась, сообразив, что перед ней не два куля а...* – Конец этой главы в оригинале – *feeling sure that they must be...* – явно рифмуется с названием следующей главы – Tweedledum and Tweedledee. Мы постарались это передать: «не два куля, а – Траляля и Труляля». Тот же прием использован в заглавиях заключительных главок: Shaking и Waking. Мы передали их следующим образом: «Превращение» (речь здесь идет о том, как Черная Королева превращается в котенка) – «Пробуждение».

46

1 *Тенниел*, Джон (1820-1914) – иллюстратор обеих сказок об Алисе. Был известен также как живописец и политический карикатурист. В течение полувека (с 1850 г.) совместно с Джоном Личем был ведущим карикатуристом журнала «Панч» («Punch»).

48

2 *...из этой главы не сохранилось ничего.* – Так называемая глава о шмеле была куплена в 1898 г. после смерти Кэрролла неким «неизвестным джентльменом». Долгое время ее считали безвозвратно потерянной, однако в 1974 г. на известном лондонском аукционе

Сотби были проданы (за 1700 фунтов) исключенные Кэрроллом уже в верстке страницы этой главы.

Английское общество Льюиса Кэрролла, желая приобрести эту главу для Национальной библиотеки, начало разыскивать человека, купившего эти страницы. Недавно их поиски увенчались успехом. Этим человеком оказался Норман Армор-младший из Манхэттана, позволивший Обществу Льюиса Кэрролла издать главу о шмеле (750 экземпляров в твердых обложках; остальное по подписке для членов Общества). Возглавил комиссию по публикации Эдвард Гиляно; комментарий и вступление написал Мартин Гарднер. В августе 1977 г. книга увидела свет.

53

а В 1720 г. разгорелась вражда между Георгом Фридрихом Генделем, немецким композитором, жившим в Англии, и итальянцем Джуованни Баттиста Бонoncini. Джон Байром, известный в XVIII в. автор гимнов и преподаватель стенографии, так описал эту вражду:

*Одни твердят, что рядом с Бонoncini
Минхеер Гендель – неуч и разиня.
Другие: Бонoncini после Генделя? –
Маэстро пуст, как серединка кренделя.
Но я молчу, ища названья для
Отличья Труляля от Траляля 54.*

Неизвестно, имела ли поначалу старая песенка о Траляля и Труляля отношение к этой знаменитой музыкальной баталии. Возможно, Байром всего лишь заимствовал из нее последнюю строчку для своего стихика.

55

б Труляля и Траляля являются тем, что геометры называют «энантиоморфами», то есть зеркальными отображениями друг друга. На мысль о том, что таково было намерение Кэрролла, наводит любимое выражение Траляля: «Задом наперед, совсем наоборот!» – и то, что один из них протягивает правую, а другой левую руку для рукопожатия. Рисунок Тенниела, где изображены оба брата, готовые к битве, которые стоят в идентичных позах, подтверждает, что и он смотрел на близнецов таким же образом. Обратите внимание на то, что положение пальцев на правой руке Труляля (или это Траляля? У Траляля на шее был диванный валик, а у Труляля на голове – сковородка) точно соответствует положению пальцев на левой руке у его брата.

56

с Этот шедевр нонсенса написан размером «Сна Юджина Арама» Томаса Гуда 57, однако пародирует лишь стиль этого произведения. Читателям, склонным находить нарочитый символизм в сказках Кэрролла, нелишне напомнить, что, посылая рукопись этого стихотворения Тенниелу для иллюстрации, Кэрролл предложил художнику на выбор плотника, бабочку и баронета. Все три имени одинаково ложились в размер стихотворения и подходили в смысле нонсенса Кэрроллу. Тенниел остановился на плотнике. Дж. Б. Пристли 58 написал забавную статью о «Морже и Плотнике» («New Statesman», August 10, 1957, p.

168), в которой он провозглашал этих двух героев архетипами политических деятелей.

59

4 *...И горько плакали они, / Взирая на песок: / – Ах, если б кто-нибудь убрать / Весь этот мусор мог!* – Исследователи не раз указывали на органическую близость нонсенса Кэрролла психологии детей раннего возраста. Интересна запись, которую находим в одном из писем Марии Эджворт, которая вместе со своим отцом Ричардом Ловеллом Эджвортом была одной из зачинательниц экспериментальной педагогики. Восхищаясь глубиной детских вопросов, М. Эджворт приводит в качестве примера следующий: «Кто посыпал пляж песком?» См. также: Л. С. Выгодский. Воображение и творчество в детском возрасте. М., 1967.

60

5 *И молвил Морж: «Пришла пора / Подумать о делах: / О башмаках и сургуче, / Капусте, королях...»* – Свою первую книгу О. Генри (1862-1910) назвал «Короли и капуста» (1905). В ней он выполняет обещание, данное Моржом, так и не рассказавшим бедным устрицам ни о башмаках и сургуче, ни о капусте и королях. У О. Генри в его книге есть глава «Башмаки», в ней фигурируют сургуч и некоторые другие из упомянутых Моржом тем. Сам О. Генри так пишет об этом в «Присказке Плотника», открывающей книгу: «Так что, видите, нам есть о чем рассказать. Пожалуй, неразборчивому уху Моржа эта повесть полюбится больше всего, потому что в ней и вправду есть и корабли, и башмаки, в сургуч, и капустные пальмы, и (взамен королей) президенты» (пер. К. Чуковского).

61

d Для оперетты Сэвила Кларка о Зазеркалье Кэрролл написал дополнительную строфу:

*И Плотник плакать перестал,
И бросил Морж рыдать.
Прикончив устриц, наконец,
Легли злодеи спать –
И за жестокие дела
Расплату пожинать.*

Когда Морж и Плотник засыпали, на сцене появлялись духи двух устриц, которые пели, танцевали и пинали спящих. Кэрролл считал (и публика, очевидно, разделила его мнение), что это было наилучшей концовкой для всего эпизода. Таким образом, он немного успокаивал ту часть зрителей, которая проливали слезы над судьбой устриц.

Дух первой устрицы танцевал мазурку и пел:

*Он спит, коварный Плотник, и масло на усах.
А перец и горчица на листьях и цветах.
Так раскачаем люльку, чтоб он не мог вздохнуть!
А если не удастся – скачи ему на грудь!
скачи ему на грудь!
Ах, самое разумное – вскочить ему на грудь!*

Дух второй устрицы танцевал джигу и пел:

*О Морж, злодей плаксивый, позор слезе твоей!
Ты был страшной для устриц, чем дети для сластей.
Ты долго нас морочил, чтоб в уксус окунуть!
Прости же, Морж злосчастный, – встаю тебе на грудь!
встаю тебе на грудь!
Прости же, Морж злосчастный, встаю тебе на грудь!*

(Стихи цит. по примеч. Р. Грина к кн. «The Diaries of Lewis Carroll», vol. II, pp. 446-447).

62

е Алиса пришла в замешательство, ибо перед ней традиционная этическая дилемма: судить ли человека по его поступкам или по его намереньям.

63

f Этот известный спор о сне Черного Короля (его монаршьё величество храпит в это время в клетке, расположенной непосредственно к востоку от той, на которой стоит Алиса) погружает бедную Алису в мрачные глубины метафизики. Труляля и Траляля, как видим, выражают точку зрения епископа Беркли 64, считавшего, что все материальные предметы, включая нас самих, «просто снятся» господа. Алиса принимает позицию здравого смысла Сэмюэля Джонсона 65, полагавшего, что он опровергнул Беркли, пнув ногой большой камень. «Очень поучительный разговор с философской точки зрения, – заметил Бертран Рассел по поводу этой сцены в радиодискуссии, посвященной „Алисе“. – Но если б он не был написан так смешно, он был бы слишком печален».

Берклианская тема беспокоила Кэрролла, как беспокоит она всех платоников. Оба приключения Алисы происходят во сне; в «Сильви и Бруно» рассказчик таинственным способом переходит из мира реальности в мир сновидений. Где-то в самом начале романа он говорит: «Итак, либо я увидел Сильви во сне, а то, что происходит сейчас со мной, – реальность. Либо я действительно видел Сильви, а то, что происходит сейчас, – только сон! Неужто и Жизнь – всего лишь сон?» В «Зазеркалье» Кэрролл возвращается к этому вопросу в начале главы VIII, в заключительных строках книги и в последней строке последнего стихотворения. В параллельных снах Алисы и Черного Короля наблюдается своеобразный пример бесконечно убывающей последовательности 66. Алиса видит во сне Короля, который видит во сне Алису, которая видит Короля, и так далее, словно два зеркала, поставленные друг перед другом, или тот ужасный рисунок Сола Стейнберга, на котором толстая дама рисует худощавую, которая в свою очередь рисует толстую и т. д. (ср. «Страну чудес», гл. VI, примеч. «f» и гл. XII, примеч. «с»).

54

1 Но я молчу, ища названья для / Отличья Труляля от Траляля. – Английские фольклористы Иона и Питер Оупи отмечают в своем классическом труде об английских народных песенках, что последние две строки приписывают также Александру Попу и Джонатану Свифту (Iona and Peter Opie. The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes. Oxford, 1951).

57

2 Гуд, Томас (1799-1845) – английский поэт, автор знаменитой «Песни о рубашке», «Моста вздохов» и других стихотворений о бедственном положении трудящихся. Был известен также своими юмористическими стихами, которые нередко сам иллюстрировал.

58

3 *Пристли*, Джон Бойнтон (род. в 1894 г.) – английский писатель.

64

6 *Беркли*, Джордж (1685-1753) – английский философ субъективно-идеалистического направления.

65

7 *Джонсон*, Сэмюэл (1709-1784) – английский лексикограф, критик, поэт.

66

8 *...пример бесконечно убывающей последовательности.* – Этот мотив использован в пьесе американского драматурга Эдварда Олби (род. в 1928 г.) «Крошка Алиса» (1964).

67

а Стремглав выбежав из лесу, Королева оказывается на с4, непосредственно к западу от Алисы. В том, что Королевы в сказке то и дело куда-то бегут, виден намек на их способность передвигаться по шахматной доске в любом направлении и на любое расстояние. С характерной для нее небрежностью Белая Королева только что пропустила возможность объявить Черному Королю мат, став на е3. В статье «Алиса на сцене» Кэрролл так пишет о Белой Королеве:

«И, наконец, Белая Королева представлялась моему воображению доброй, глупой, толстой и бледной; беспомощной, как дитя; ее медлительность и растерянность наводят на мысль о слабоумии, но никогда не переходят в него; это по моему, уничтожило бы комическое впечатление, которое она должна производить. В романе Уилки Коллинза „Без имени“ 68 есть персонаж, до странности похожий на нее. Идя двумя различными путями, которые где-то пересеклись, мы странным образом осуществили один и тот же идеал – миссис Рэгг и Белая Королева могли бы быть сестрами-близнецами».

69

б Этот прием – «жизнь в обратную сторону» – многие авторы, идя вслед за Кэрроллом, клали в основу своих фантастических и научно-фантастических произведений. Наиболее известен рассказ Ф. Скотта Фитцджералда 70 «Странное происшествие с Бенджамином

Баттоном».

71

с Королевский Гонец, как станет ясно из иллюстрации Тенниела к главе VII, есть не кто иной, как Болванщик 72 из «Страны чудес».

73

4 *Теперь ты понимаешь, как все здесь происходит!* – П. Хит пишет по этому поводу: «Может возникнуть впечатление, что события здесь происходят в обратном порядке. Но проще предположить, что здесь, как и выше, нормальный ход событий предопределен и заранее известен Королеве, которая поэтому реагирует на грядущие события истерией, психосоматическим кровотечением и т. д.» (с. 179). Другого мнения придерживается советский психолог профессор С. Г. Геллерштейн (см. с. 259-266).

74

d «Я верую, – заявил Тертуллиан 75 в часто приводимом высказывании в защиту некоторых положений христианской доктрины, – ибо это абсурдно». В письме к маленькой Мэри Макдоналд (1864) Кэрролл предостерегал:

«В следующий раз не торопись верить тому, что тебе говорят. И вот почему: если ты станешь всему верить, мускулы твоего воображения утомятся, и ты настолько ослабнешь, что не сможешь поверить даже в самые простые и очевидные истины. Не далее, как на прошлой неделе, один мой приятель решил поверить в Джека-победителя-великанов. Это ему удалось, но он при этом так утомился, что, когда я сказал ему, что на дворе идет дождь (так оно и было на самом деле), он просто не смог мне поверить и выбежал на улицу без шляпы и без зонта...»

76

e Белая Королева передвигается вперед на одно поле – на с5.

77

f Алиса также делает шаг вперед. В результате она оказывается на поле d5, снова рядом с Королевой (превратившейся в Овцу).

78

g Уильямс и Мэден в своем «Справочнике литературы о преподобном Ч. Л. Доджсоне» указывают, что два рисунка Тенниела, изображающих лавку, правдиво, до мельчайших деталей, воспроизводят витрину и дверь бакалейного магазинчика, расположенного в доме № 83 по улице Сейнт-Олдгейт в Оксфорде (в подтверждение они приводят фотографию лавки). Однако Тенниел не забыл поменять местами окно и дверь, а также перевернуть объявление в окне: «Чай – два шиллинга». Эти перестановки подтверждают наше

предположение, что Алиса не стала анти-Алисой» (см. 17).

79

h Популяризаторы квантовой теории сравнивали трудности, с которыми столкнулась Алиса, желая взглянуть повнимательнее на то, что было в лавке, с невозможностью определить точное положение электрона в его движении вокруг атомного ядра. Невольно вспоминаешь также крошечные пятна, порой возникающие где-то на краю поля зрения, которые невозможно разглядеть, ибо при движении зрачка они также перемещаются.

80

5 *Не зарывай! Не зарывай!* – кричала Овца... – Возможно, во время одной из лодочных прогулок по реке Алису Лидделл также привели в замешательство эти слова, употребляемые в гребле. Судя по всему, она не слишком хорошо гребла. Недаром в стихотворном вступлении к «Стране чудес» Кэрролл написал:

*В неловких маленьких руках
Упрямится весло...*

Овца на деле просит Алису отводить весла назад по воздуху, а не «зарывать» их в воду.

81

i Во времена Кэрролла студенты Крайст Черч-колледжа говорили, что, если заказываешь одно яйцо на завтрак, тебе подадут два, ибо одно обязательно окажется несвежим.

82

j На шахматной доске это соответствует ходу Белой Королевы на f8.

83

k Отточия означают, что Алиса перешла через ручеек, передвинувшись на d6. Теперь она находится справа от Белого Короля, хотя встретит его лишь в следующей главе.

68

1 *Коллинз*, Уилки Уильям (1824-1889) – английский романист.

70

2 *Фитцджералд*, Скотт Ф. (1896-1940) – американский писатель.

3 ...*Болваничик из «Страны чудес»*. – П. Хит замечает по поводу рисунка Тенниела к этой стр.: «Дар провидения, который проявляет здесь сэр Джон Тенниел, не менее замечателен, чем тот, которым владеет Белая Королева. На его рисунке, конечно, изображен не кто иной, как недавно скончавшийся выдающийся философ, отбывавший тюремное заключение *сiрса* [около – лат.] 1918, где он и написал „Введение в математическую философию“ (с. 177). В 1918 г. Рассел был заключен в тюрьму за пацифистскую деятельность. Прославленное „Введение“ вышло в 1919 г.

Рассел, Бертран (1872-1970) – английский ученый и философ.

Тертуллиан (155-220) – латинский автор, один из первых отцов церкви.

а Эпизод с Шалтаем-Болтаем (*Humpty-Dumpty*), так же как эпизоды с Червонным Валетом, со Львом и Единорогом, основан на старинной детской песенке. Л. Фрэнк Баум 85 использовал, хоть и совсем иначе, ту же песенку в своей первой книге для детей «Матушка Гусыня прозой» (L. Frank Baum. *Mother Goose in Prose*, 1897). В последние годы мистер Шалтай издает детский журнал («*Humpty-Dumpty Magazine*»). Я имел честь работать под его руководством в качестве летописца приключений, выпавших на долю его сына, Шалтая-Болтая-младшего.

б Питер Эликзэндер в своей статье «Логика и юмор Льюиса Кэрролла» (Peter Alexander. *Logic and Humour of Lewis Carroll*. – «*Proceedings of the Leeds Philosophical Society*», vol. 6, May 1951, pp. 551-566) обращает внимание на характерную для Кэрролла инверсию, которая проходит обычно незамеченной. В реальной жизни собственные имена редко имеют какой-либо смысл, помимо обозначения индивидуального объекта, в то время как другие слова обладают общим, универсальным смыслом. В мире Шалтая-Болтая справедливо обратное. Обычные слова обретают любые значения, которые придает им Шалтай-Болтай, а имена собственные, такие, как «Алиса» и «Шалтай-Болтай», предполагаются имеющими универсальное значение. П. Эликзэндер отмечает, что юмор Кэрролла имеет совершенно особый характер благодаря тому, что он проявлял интерес к формальной логике.

с Неоднократно указывалось, что это самый тонкий, мрачный и трудноуловимый софизм из всех, которыми изобилуют обе книги. Немудрено, что Алиса, не пропустившая намека, тут же меняет разговор.

d Шалтай-Болтай – филолог и философ, искушенный в основном в лингвистических тонкостях. Кэрролл, возможно, здесь намекает, что люди этого склада, а их немало было и до сих пор осталось в Оксфорде, редко бывают одарены и в математическом отношении.

89

e Льюис Кэрролл полностью сознавал глубину диковинных рассуждений Шалтая-Болтая по вопросам семантики. Шалтай-Болтай становится на точку зрения, известную в средние века как номинализм, точку зрения, согласно которой общие имена не относятся к объективным сущностям, а являются чисто словесными знаками. Эту точку зрения искусно защищал Уильям Оккам (XIV в.) 90. В настоящее время ее придерживаются почти все логические эмпирики. Даже в логике и математике, там, где термины, как правило, более точны, чем в других науках, нередко возникает чудовищная путаница из-за того, что люди не понимают, что слова означают только то, что в них вложено – «не больше и не меньше».

Во времена Льюиса Кэрролла в формальной логике велись оживленные споры, касавшиеся содержания четырех основных суждений Аристотеля. Следует ли считать, что общие суждения «Всякое А есть В» и «Никакое А не есть В» подразумевают, что А является множеством, которое фактически содержит некоторый элемент? Подразумевается ли это в частных суждениях «Некоторые А являются В» и «Некоторые А не являются В»?

Кэрролл отвечает на этот вопрос достаточно подробно на с. 529 «Символической логики». Стоит процитировать этот отрывок, потому что его произнес, улыбаясь во весь рот, сам Шалтай-Болтай.

«Авторы и издатели учебников по логике, ступающие по проторенной колее, – я буду величать их титулом „Логики“ (надеюсь, неоскорбительным) – испытывают в этом вопросе неуместную робость. Затаив дыхание, говорят они о Связке в Суждении, словно Связка – живое сознательное Существо, способное самостоятельно возвестить, какое значение оно желало бы иметь, тогда как нам, беднякам, остается лишь узнать, в чем состоит монаршая воля, и подчиниться ей. Вопреки этому мнению, я утверждаю, что любой человек, пожелавший написать книгу, вправе придать любое значение любому слову или любой фразе, которыми он намерен пользоваться. Если в начале фразы автор говорит: „Под словом „черное“, не оговаривая того, я всегда буду понимать „белое“, а под „белым“ – „черное“, – то я с кротостью подчинюсь его решению, сколь безрассудным ни казалось бы оно мне.

Итак, любому автору, как я считаю, дозволительно принять собственные правила по вопросу о том, нужно или не нужно подразумевать, будто Суждение утверждает существование самого Предмета, разумеется, при условии, что эти правила не противоречат самим себе и установленным фактам Логики. Рассмотрим теперь некоторые точки зрения, которых можно придерживаться логически, и тем самым решим вопрос о том, каких точек зрения придерживаться удобно; после этого я буду считать себя свободным сообщить, каких взглядов намерен придерживаться я».

Мнение Кэрролла состояло в том, что слова «всякий» и «некоторый» подразумевают существование, а слово «никакой» оставляет вопрос открытым. В конечном итоге это мнение не возобладало. Только предложение со словом «некоторый», как считает современная логика, подразумевает, что класс предметов не пуст. Разумеется, это соглашение не опрокидывает номиналистскую точку зрения Кэрролла и его Шалтая-Болтая. Нынешнее воззрение было принято лишь потому, что логики считали его наиболее полезным.

Когда же интерес логиков переместился от логики классов Аристотеля к исчислению высказываний (алгебре логики), вновь разгорелись страсти и споры (в основном, правда, между нелогиками) по поводу смысла «материальной импликации». В основном неразбериха возникла от того, что связка «влечет» в высказывании «А влечет В» понимается в ограниченном смысле, специфическом для этого исчисления, и не имеет никакого

отношения к причинной связи между А и В. Подобная же неразбериха все еще существует в связи с многозначными логиками, в которых такие термины, как «и», «не» и «влечет», не имеют того значения, которое дают им здравый смысл или интуиция. На самом деле у них нет никакого вообще значения, отличного от того, которое придается им таблицами истинности, таблицами, которые порождают эти «связки». Стоит это понять, как тайна, окутывающая эти диковинные логики, почти полностью рассеивается.

В математике также столько энергии пропало впустую в бесполезных препирательствах по поводу «значения» таких выражений, как «мнимое число», «трансфинитное число» и т. д., бесполезных потому, что подобные слова имеют в точности только то значение, которое в них вложено, – не более, не менее.

С другой стороны, если мы хотим быть правильно понятыми, то на нас лежит некий моральный долг избегать практики Шалтая, который придавал собственные значения общеупотребительным словам.

91

f Таких слов-бумажников теперь немало во всех современных словарях. Сам этот термин часто употребляется, когда говорят о словах, в которые «упаковано» не одно значение. В английской литературе большим мастером по части слов-бумажников был, конечно, Джеймс Джойс 92. В «Поминках по Финнегану» (кстати, так же, как «Алиса», написанных в форме сна) их буквально десятки тысяч, включая те десять раскатов грома (каждый – в сотню букв), которые, помимо всего прочего, символизируют падение Тима Финнегана с лестницы. Сам Шалтай-Болтай «упакован» в седьмой из этих раскатов (Bothallchoractorschumminaroundsansiimum,inarumdrumstrumtrumlnahumptadumpwa ultooroojoolooderamaunsturnup!).

93

g Возможно, не все читатели заметят так же быстро, как Алиса, что все три слова, объясняющие название «нава», начинаются с одного слога.

85

1 *Баум*, Фрэнк (1856-1919) – известный американский писатель, автор 14 книг для детей о стране Оз.

90

2 *Оккам*, Уильям (1290-1349) – английский философ.

92

3 *Джойс*, Джеймс (1882-1941) – английский писатель. Роман «Поминки по Финнегану» был опубликован в 1939 г.

94

а Кони нужны Королю для игры в шахматы, конечно. На них сядут два Рыцаря.

95

б Здесь Кэрролл подшучивает над увлечением англосаксонской ученостью, которая была модной в его время. Хэрри Морган Эйрз в своей книге «Алиса Кэрролла» (Harry Morgan Ayres. Carroll's Alice) воспроизводит некоторые изображения англосаксов в различных костюмах и позах из англосаксонской рукописи, хранящейся в Бодлеанской библиотеке в Оксфорде, которыми, возможно, пользовались Кэрролл и Тенниел. Энгус Уилсон 96 поставил эпиграфом к своему роману «Англосаксонские позы» этот диалог.

97

с Это, конечно, наш старый друг Мартовский Заяц. В главе V отмечалось, что второй гонец – это Болванщик, только что вышедший из тюрьмы, куда он попал в конце предыдущей книги.

98

d Это популярная в викторианской Англии игра. Первый из играющих говорил:

«Мою любовь зовут на А...

Я его люблю, потому что он...

Я его боюсь, потому что он...

Он меня водил в...

Он меня кормил...

И живет он в...», –

подставляя слова начинающиеся на «А». Второй из играющих повторял те же фразы, подставляя слова на «Б», и так далее до конца алфавита. Не нашедшие нужного слова выбывали из игры. Фразы бывали разные; выше цитировался вариант, приводимый в книге «Английские детские стихи и песенки» Джеймса Орчарда Хэллиуэла (James Orchard Halliwell. The Nursery Rhymes of England), которая пользовалась успехом во времена Кэрролла.

100

е Как указывают Иона и Питер Оупи в «Оксфордском словаре детских стихов», соперничество между Львом и Единорогом насчитывает не одну тысячу лет. Полагают, что этот стишок появился в начале XVII в., когда в результате союза между Англией и Шотландией был принят новый британский герб, на котором шотландский единорог и британский лев поддерживают, как и поныне, королевский геральдический щит.

101

f Если Кэрролл имел в виду соперничество между Гладстоном и Дизраэли (см. ниже примеч. h), тогда этот диалог приобретает очевидный смысл. Кэрролл, придерживавшийся в политике консервативных взглядов и не любивший Гладстона, сочинил две превосходные

анаграммы из его полного имени William Ewart Gladstone: «Wilt tear down all images», «Wild agitator! Means well!» (см.: «The Diaries of Lewis Carroll», vol. II, p. 277).

102

g Белая Королева идет на поле с8. Ей, собственно, нечего бояться – Конь ей ничем не угрожает, тогда как она могла бы его взять. Этот глупый ход весьма для нее характерен.

103

h Современники Кэрролла полагают, что Лев и Единорог на рисунке Тенниела были задуманы как карикатуры на Гладстона и Дизраэли 104. Доказательств тому нет, но они и вправду напоминают карикатуры Тенниела из «Панча», изображающие этих двух политических деятелей, которые часто выступали друг против друга.

105

4 *Вид со старого моста не имеет себе равных...* – Возможно, название пьесы американского драматурга Артура Миллера «Вид с моста» (1955) навеяно этим эпизодом. Если это так, пьеса приобретает дополнительные обертоны, придающие ей особую выразительность.

106

j То есть «львиную долю» – выражение, взятое из басни Эзопа, в которой рассказывается о том, как звери делили добычу. Лев потребовал себе четверть как глава зверей, еще четверть – за свое несравненное мужество и еще одну четверть – для жены и детей. Что же до последней четверти, заключил Лев, любой из зверей может поспорить с ним из-за нее.

96

1 *Уилсон*, Энгус (род. в 1913 г.) – английский писатель. Роман «Англосаксонские позы» был опубликован в 1956 г.

99

2 *Никто меня не обгонит!* – Здесь, как и ранее, Кэрролл обыгрывает понятие получившее у логиков название «пустого множества».

104

3 *Гладстон*, Уильям Эварт (1809-1898) – английский политический деятель и писатель; лидер партии либералов, четырежды премьер-министр Англии (1808-1874; 1880-1885; 1885-1886; 1892-1893). *Дизраэли*, Бенджамин (1804-1881) – английский политический

деятель и писатель; лидер партии консерваторов; – в 1868 г., а затем с 1874 по 1880 гг. – премьер-министр Англии.

107

а Черный Конь пошел на e7; прекрасный ход в игре, идущей по правилам, ибо в одно и то же время он объявляет шах Белому Королю и угрожает Белой Королеве. Если Черный Конь останется на доске, Королеве конец.

108

б Белый Конь, выскочив на поле, занятое Черным Конем (это поле соседствует с Алисой с востока), объявляет по рассеянности шах; на деле он угрожает шахом разве что собственному Королю.

109

с Возможно, Кэрролл в этом эпизоде подразумевает, что оба Коня, подобно Панчу и Джуди 110, – всего лишь марионетки, приводимые в движение рукой невидимого шахматиста. Тенниел, в отличие от современных иллюстраторов текста, изобразил Рыцарей с дубинками, которые они держат так, как полагалось их держать Панчу и Джуди.

111

д Исследователи Кэрролла полагают (и не без оснований), что в лице Белого Рыцаря писатель создал карикатуру на самого себя. У Кэрролла, так же как у Рыцаря, волосы были взлохмаченные, лицо – мягкое и доброе, глаза голубые и кроткие. Лучше всего, по-видимому, голова его работала тогда, когда он видел мир перевернутым вверх ногами. Подобно Рыцарю, он любил всякие хитроумные приспособления и «сделал много замечательных открытий». Он постоянно думал о «способах» сделать по-новому что-нибудь. Многие из его изобретений, подобно пудингу из промокашки у Белого Рыцаря, были очень оригинальны, но непрактичны. (Правда, десятилетиями позже, когда некоторые из его изобретений были повторены другими, они оказались вовсе не такими бесполезными.) Среди изобретений Кэрролла – дорожные шахматы, доска для писания в темноте (он назвал ее «никтограф»); коробочка для марок с двумя «живописными сюрпризами». В его дневнике немало подобных записей:

«Мне пришло в голову, что можно придумать игру из букв, которые нужно передвигать на шахматной доске, пока они не сложатся в слова» (19 декабря 1880 г.).

Или:

«Сочинил новый способ „Плана пропорционального представительства“, намного лучше всех, которые придумывали раньше... Также изобрел правила для проверки делимости на 17 и 19. Изобретательный день!» (3 июня 1884 г.). «Изобрел заменитель клея для заклеивания конвертов, ...приклеивания мелких предметов к книжкам и пр. – а именно, бумагу, смазанную клеем с обеих сторон» (18 июля 1896 г.). «Изобрел упрощенный метод денежных переводов: отправитель заполняет два бланка перевода, один из них подает для пересылки на почту – в нем содержится номер-код, который должен назвать получатель для того, чтобы получить деньги. Думаю послать правительству это предложение вместе с предложением двойного тарифа на письма, посылаемые в воскресенье» (16 ноября 1880 г.).

В своей квартире Кэрролл держал для развлечения детей всевозможные игрушки: музыкальные шкатулки, кукол, заводных животных (медведя и летучую мышь, которая облетала комнату), различные настольные игры, «американский органчик», который играл, если через него прокручивали перфорированную бумажную ленту. Когда Кэрролл ехал куда-то, сообщает нам Стюарт Коллингвуд в его биографии, «каждый предмет был аккуратно завернут в бумагу, так что в его чемоданах было столько же бумаги, сколько других полезных вещей».

Стоит также отметить, что из всех, кого встретила Алиса в двух своих странствиях, один лишь Белый Рыцарь проявил к ней искреннюю симпатию и предложил ей помощь. Чуть ли не единственный, он говорит с ней учтиво и почтительно; и, как мы узнаем из текста, Алиса помнит его лучше всех, кого она встретила в Зазеркалье. Его печаль при расставании отражает, возможно, печаль Кэрролла при расставании с выросшей (прошедшей в Королевы) Алисой. Во всяком случае в этом эпизоде мы слышим яснее всего ту «грусть», которая, как пишет Кэрролл во вступительном стихотворении, «витает в сказке».

112

е В двузначной логике это могло бы послужить примером к закону исключенного третьего: утверждение верно либо нет, – третье исключается. В нескольких старых песенках-нонсенсах используется этот закон.

*Жила-была старушка,
Вязала кружева,
И, если не скончалась –
Она еще жива 113.*

*И ходит за грибами,
И вишню продает.
Живет одна старушка
И никому не лжет.*

114

f Для человека, искушенного в логике и семантике, все это вполне понятно. Песня эта есть «Сидящий на стене»; она *называется* «С горем пополам»; *имя* песни – «Древний старичок»; *имя* это *называется* «Пуговки для сюртуков». Кэрролл здесь различает предметы, имена предметов и имена имен предметов. «Пуговки для сюртуков», имя имени, принадлежит к той области, которую в современной логике именуют «метаязыком». Приняв соглашение о иерархии метаязыков, логикам удастся избежать определенных парадоксов, которые мучили их со времен древних греков. См. интересную запись замечаний Белого Рыцаря символическими обозначениями, сделанную Эрнстом Нагелем (Ernest Nagel «Symbolic Notation, Haddocks' Eyes and the Dog-Walking Ordinance». J. R. Newman (ed.) The World of Mathematics. N. Y., v. III, 1956).

Менее специальный, но, однако, не менее обоснованный и увлекательный анализ этого отрывка дает Роджер Холмс (Roger W. Holmes. The Philosopher's Alice in Wonderland. Antioch Review, Summer 1959).

Профессор Холмс, заведующий кафедрой философии в Маунт Холиоук Колледж, полагает, что Кэрролл посмеялся над нами, когда заставил своего Белого Рыцаря заявить, что песня эта *есть* «Сидящий на стене». Разумеется, это не может быть сама песня, но лишь еще

одно имя. «Чтобы быть последовательным, – заключает Холмс, – Белый Рыцарь, сказав, что песня эта *есть* ..., должен был бы запеть саму песню. Впрочем, последовательный или нет, Белый Рыцарь это драгоценнейший подарок, который Льюис Кэрролл преподнес логикам».

В песне Белого Рыцаря наблюдается некая иерархия, подобная зеркальному отражению зеркального отражения предмета. Белый Рыцарь, которого не могла забыть Алиса, тоже не может забыть другого чудака, который, возможно, также был карикатурой на Кэрролла, напоминая его некоторыми чертами; не исключено, что так Кэрролл видел самого себя: одиноким никем не любимым стариком.

115

g Песня Белого Рыцаря в первом кратком варианте была опубликована Кэрроллом анонимно в 1856 г. в журнале «Трейн» («The Train»). В ней высмеивается содержание стихотворения Уордсворта «Решимость и независимость».

*...И вот – была ли это благодать,
Пославшая мне знак и наставленье –
Но тут, когда, не в силах совладать
С печалью, прерывая размышленья,
Я поднял взгляд: в немом оцепененье
Стоял старик, согнувшись над водой.
И был древнее он, чем может быть живой.*

*Так на вершине голой, может быть,
Огромный камень привлечет вниманье –
И смотрим мы, и пробуем решить,
Как он попал туда: его молчанье
Нам кажется исполненным сознанья,
Одушевленным: он, как зверь морской,
Что выполз на песок, расставшись с глубиной.*

*Таким был тот – ни мертвый, ни живой,
В полудремоте старости глубокой,
Согбенный так, что ноги с головой
Почти сошлись, прийдя к черте далекой
Земного странствия – или жестокий
Груз бедствия, недуга, нищеты
Лег на спину его и исказил черты.*

*Он опирался. Посохом ему
Был крепкий сук с ободранной корою.
Прислушиваться к шагу моему
Над этой заболоченной водою
Не думал он, недвижим, как порою
Бывает облако под ветерком,
И если двинется – то вдруг и целиком.*

*Но вот он молча посох опустил
И дно пошевелил. И с напряженьем
Он вглядывался в возмущенный ил.*

*Как будто поглощенный трудным чтеньем.
И я по праву путника, с почтеньем,
Беседу начал, и ему сказал:
– Какой погожий день нам нынче бог послал.*

*Он отвечал. Сердечности живой
Его ответа кротости глубинной
Я поразился. И спросил его:
– Что привело вас в этот край пустынный?
Как сил достало для дороги длинной?
И в глубине его запавших глаз
Какой-то быстрый свет и вспыхнул, и погас.*

*Он начал слабым голосом, едва,
Но выверенно, медленно ступали
В живом порядке важные слова –
Так в простолюдье говорят едва ли.
Вы б царственную эту речь назвали.
В Шотландии она еще звучит,
Где божий и людской закон не позабыт.*

*Он рассказал, что он пришел сюда
Ловить пиявок. Бедность научила
Такому делу – полное труда,
Опасное – не всякому под силу,
Что сотни миль по топям, исходил он,
Ночуя там, где бог ему пошлет.
Но это честный труд и этим он живет.*

*Старик еще стоял и объяснял.
Но слабым шумом, глухнувшим потоком
Казалась речь – я слов не различал.
И он, в своем величье одиноком –
Не снится ли он мне во сне глубоком?
Иль вестник он и послан, может быть,
Чтоб силы мне подать и веру укрепить.*

*Я вспомнил мысль мою о том, что страх
Убийственен, надежда неуместна,
О суете и о земных скорбях,
О гениях в их гибели безвестной.
И вновь я начал, чтобы речью честной
Конец моим сомненьям положить:
– Так это хлеб для вас? И этим можно жить?*

*Он, улыбаясь, повторил: – Брожу
От лужи к луже, от болот к болотам.
Ищу пиявок, под ноги гляжу
В прибрежный ил. Но вот еще забота:
Когда-то, – молвил, – было их без счета.
Теперь не так, ловить уже трудней.
И все же хватит мне по старости моей.*

*Пока он говорил – казались мне
И речь его, и взгляд в краю пустынном
Какими-то нездешними. В уме
Я видел: как он молча по трясинам
Идет, идет в смирении старинном...
Забылся я. И в этот миг как раз
Он кончил, помолчал и повторил рассказ.*

*И многое еще он рассказал
Все так же твердо, с точностью прекрасной.
Державно. И, когда он замолчал,
Я улыбнулся: кто бы угадал
В глубоком старце этот разум ясный?
– Господь! – сказал я. – Будь же мне в оплот!
Пусть нищий твой старик в душе моей живет.*

116

h В печальных строках песни Белого Рыцаря пародируются строки Уордсворта «Я все сказал вам, все, что мог» и «Я все вам в помощь отдал» из менее известного стихотворения «Шипы». В них также звучит строка из стихотворения Томаса Мура 117 «Мое сердце и лютня» («Я все вам отдал, все, что мог»), которое было положено на музыку английским композитором Генри Раули Бишопом. Песня Белого Рыцаря воспроизводит метрику и рифмы Мура. «Белый Рыцарь, – писал Кэрролл в одном из писем, – задуман был таким, чтобы он мог быть и тем лицом, от имени которого написано стихотворение». На мысль о том, что это сам Кэрролл, наводят слова об умножении на десять в первом варианте этой песни. Вполне возможно, что Кэрролл думал о любовном стихотворении Мура как о той песне, которую он в качестве Белого Рыцаря хотел бы, но не смел, предложить Алисе. Ниже следует полный текст стихотворения Мура.

*Я все вам отдал, все, что мог,
И беден дар мой был –
Лишь лютню я на ваш порог
Да сердце положил.
Лишь лютню – на ее ладах
Сама Любовь живет.
Да сердце – любящее так,
Как лютня не сплет.
Пусть и песня, и любовь
Беды не отвратят –
Края печальных облаков
Они позолотят.
И если шум земных обид
Созвучья возмутит –
Любовь по струнам пробежит,
И мир, как прежде, мил.*

i Бертран Рассел в своей «Азбуке относительности» (гл. 3) цитирует эти четыре строки в связи с гипотезой Лоренца – Фицджералда, одной из ранних попыток объяснить неудачу

опыта Майкельсона – Морли, который должен был обнаружить влияние движения Земли на скорость распространения света. Согласно этой гипотезе, предметы претерпевают сокращения в направлении движения, но, поскольку все измерительные эталоны претерпевают аналогичные сокращения, они тем самым, подобно экрану Белого Рыцаря, мешают нам обнаружить изменение длины предметов. Те же строки цитируются Артуром Стэнли Эддингтоном в главе 2 его «Природы физического мира», но трактуются уже в более широком метафорическом смысле: природа всегда стремится скрыть от нас важнейшие факты своей структуры.

118

4 *Какой-то древний старичок...* – В песне Белого Рыцаря Хорас Грегори видит решительное развенчание романтического идеализма Уордсворта. Он сопоставляет песню не со стихотворением «Решительность и независимость», как это делает Гарднер, а с «Одой о бессмертии» и в подтверждение своей точки зрения цитирует центральные строфы.

*И пусть сиянья, явленного тут,
Уже глаза мои не обретут,
Пусть ничто не возвратит живым
Той славы трав и торжества листвы.*

*Не скорби, душа. Найди
Силу в том, что позади:
Связано сродством сердечным,
Бывшее пребудет вечным.*

«К тому времени, когда Рыцарь заканчивает свою балладу, – пишет Грегори, – мы уже оставили далеко позади „Оду о бессмертии“, пройдя сквозь нее, подобно Алисе, прошедшей в Зазеркалье. Меж тем Льюис Кэрролл меняет направление своей критики Уордсворта, переходя от косвенных аллюзий к развернутому пародированию определенного стихотворения. Между „Одой“ и размышлениями о Ловце пиявок (герой „Решительности и независимости“ – И. Д.) – расстояние, которое почти не поддается измерению, так они близки и так далеки; мы ощущаем, как начинают дрожать и рассыпаться, словно обрушившийся Лондонский мост, все наши изначальные представления о добре и зле, связанные с образами Руссо и невинным ликом ребенка» (АА, с. 136).

119

j Белый Рыцарь вернулся на поле f5, которое он занимал перед столкновением с Черным Рыцарем.

120

k Алиса перепрыгнула через последний ручеек и заняла клетку d8. Для читателей, не знакомых с шахматами, следует заметить, что, когда пешка достигает последней горизонтали шахматной доски, она может по желанию игрока превратиться в любую фигуру. Обычно выбирают королеву, самую сильную из фигур.

110

1 Панч и Джуди – герои английского народного кукольного театра. Кэрролл, с детства любивший кукольный театр и даже смастеривший свой собственный, хорошо знал эту сварливую супружескую пару, то и дело, к вящей радости зрителей, вступающую в драку.

113

2 *...если не скончалась / Она еще жива.* – Стишки такого рода, как сообщают нам супруги Оупи в «Оксфордском словаре детских стихов», в которых содержалось «очевидное положение, составляющее самую Суть Истины», были чрезвычайно популярны в XVII и XVIII вв.

117

3 *Мур*, Томас (1779-1852) – английский поэт-романтик.

121

а Черная Королева только что встала на поле Короля, так что две Королевы находятся теперь по обе стороны от Алисы. Белый Король при этом оказался под «шахом», но ни одна из сторон не обращает на это ни малейшего внимания.

122

б Не сразу замечаешь, что Черная Королева употребляет прилагательные «богатый» и «умный» как антонимы (типа «теплый» – «холодный»).

123

с Алиса вспоминает песню Шалтая-Болтая (гл. VI), в которой он, вооружившись штопором и ватерпасом, намеревался наказать рыбок за то, что они ему не повиновались.

124

d Кэрролл пародирует здесь известную колыбельную:

*Баюшки, на ели мальчик засыпает,
А подует ветер – люльку раскачает,
Ветка обломилась, полетела колыбель –
Падает и люлька, и дитя, и ель.*

125

е Это стихотворение пародирует песню Вальтера Скотта «Красавчик Данди» из его пьесы «Проклятие рода Деворгойл».

Вот как звучит припев песни у Вальтера Скотта:

*Так наполни стаканы и чаши налей,
И людей созывай, и седлай лошадей,
И ворота открой, и с дороги сойди:
Это скачут шотландцы за славным Данди.*

126

f Ответ на это стихотворение-загадку: устрица. «Справочник по Льюису Кэрроллу» (с. 95) отмечает, что в английском журнале «Фан» («Fun») 30 октября 1878 г. на с. 175 был напечатан стихотворный ответ на загадку Белой Королевы (четыре строфы, выдержанные в том же размере). Стихотворение неизвестного автора было предварительно послано Кэрроллу, который его отредактировал. Приведем последнюю строфу отгадки (цит. по «Справочнику"»):

*Если острым ножом
Мы раскроем кастрюльку-загадку –
Из-под крышки мы УСТРИЦ возьмем,
А под крышку положим отгадку.*

127

g Белая Королева уходит от Алисы на поле а6. С точки зрения обычной шахматной партии ход этот противоречит правилам, ибо он не избавляет Белого Короля от шаха.

128

h Алиса берет Черную Королеву, объявляя законный шах и мат Черному Королю, который проспал всю партию, ни разу не сдвинувшись с места. Победа Алисы придает всей сказке легкий дидактический оттенок, ибо белые фигуры известны своей добротой и кротостью в отличие от черных, которые славятся мстительностью. На этом сновидение кончается; однако вопрос о том, чей же это был сон, Алисы или Черного Короля, так и остается открытым.

129

а В этом заключительном стихотворении, одном из лучших поэтических произведений Кэрролла, он вспоминает лодочную прогулку с тремя девочками Лидделл, когда он впервые рассказал «Алису в Стране чудес». В нем далеким отзвуком звучат темы зимы и смерти из стихотворного вступления к «Зазеркалью». Это песня Белого Рыцаря, вспоминающего Алису до того, как она отвернулась и побежала вниз по холму, глядя вперед ясными глазами, чтобы перепрыгнуть через последний ручей и стать взрослой женщиной. Стихотворение написано в форме акростиха: из первых букв каждой строки складывается имя – Алиса Плээнс Лидделл.